

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»

На правах рукописи

Гаршин Николай Александрович

**ДЕФОРМАЦИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ
В УСЛОВИЯХ «ОБЩЕСТВА РИСКА»**

Специальность: 09.00.11 Социальная философия

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель –
доктор философских наук,
профессор Ю.А. Бубнов

Воронеж – 2021

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава I. Толерантность в философском дискурсе: от методологии к практике.....	12
§ 1. Историко-философское исследование феномена толерантности....	12
§ 2. Определение понятия «толерантность» в современной философской парадигме.....	45
§ 3. Условия и факторы формирования толерантности в социуме.....	67
Глава II. Эволюция толерантности в обществе риска.....	77
§ 1. Методологический и концептуальный анализ общества риска.....	77
§ 2. Кризис толерантности как тенденция в развитии общества риска.....	99
§ 3. Пути преодоления деформации толерантности в современном российском обществе.....	127
Заключение.....	140
Список литературы.....	143

Введение

Проблема толерантности в условиях современного общества, которое может быть определено как «общество риска», является одним из важнейших вопросов современной философии. Для этого есть несколько причин. Во-первых, толерантность выступает как одна из ключевых ценностей в контексте западной культуры и европейской цивилизации. Во-вторых, она оказала непосредственное влияние на формирование политического, правового и морального дискурса [204]. Толерантность как ценность и феномен культуры имеет продолжительную историю. С течением времени статус и роль толерантности, а также ее понимание значительно видоизменялись. Современный этап развития философской мысли характеризуется наличием разнообразных подходов к толерантности и оценке ее роли в современной культуре. Отдельно следует заметить, что общество риска представляет собой особый тип условий существования для всех социокультурных феноменов, поэтому изучение толерантности позволит выработать основания методологии, ориентированной на преодоление негативных тенденций.

Актуальность поставленной проблемы обусловлена её разнообразными аспектами и проявлениями. В частности, с общественно-политической точки зрения актуальность данной проблемы состоит в том, что толерантность и общество риска являются феноменами, определяющими состояние общества в прошлом и настоящем. Толерантность ещё в эпоху Нового времени и становления индустриального общества начала выступать как ценность, определяющая парадигму развития социальных институтов, ценностных систем и социально значимых отношений, таких, к примеру, как взаимодействие власти и гражданского общества [193], взаимоотношения элит и масс, диалог внутри различных типов элит и т.д. Общество риска при этом выступает в качестве среды, в которой происходят все изменения в современном мире [56], поэтому особенно важно понимать, какими

характеристиками оно обладает и какие последствия вызовут те или иные социальные действия в его условиях.

Степень теоретической разработанности проблемы. Тема толерантности достаточно разработана как в западной, так и в отечественной литературе. Проблематикой толерантности на Западе занимались как признанные классики философии и социологии (Дж. Локк [94], Т. Гоббс [43], Ш. Монтескье [113], [114], Вольтер [34], Дж. Милль [109] и др.), так и исследователи, изучавшие отдельные аспекты этой проблемы (Дж. Ролз [216], Р. Рорти [131], Р. Нозик [117], Ч. Тейлор [150], [151], П. Кинг [209], И. Бенсон [199] и др.). Тесно соприкасались с исследованиями о толерантности и использовали наработки в данной области такие видные исследователи социума в XX веке, как А. Сен [136], М. Нуссбаум [118], Э. Гидденс [38], [39], С. Жижек [65], [224], Ж. Бодрийяр [20], [21], И. Валлерстайн [30], [31]. Рассматривали в своих трудах тему толерантности и отечественные авторы. В настоящем исследовании проведен комплексный историко-философский анализ работ о толерантности, созданных как на начальных стадиях развития русской философии, так и в современный период. Важную роль в становлении проблематики толерантности в истории русской философской мысли, по мнению автора диссертационного исследования, сыграли памятник древнерусской письменности «Переписка Ивана Грозного с А. Курбским» [121], произведения Ф. М. Достоевского [60], труды Н. А. Бердяева [17], Н.О. Лосского [96] Н. Ф. Федорова [165], [166] и ряда других авторов. Многие исследователи толерантности ранее не рассматривали данные труды как основополагающие, что позволяет говорить о новом взгляде на проблему в настоящей работе. В современной России проблематикой толерантности занимаются такие авторы, как В.Г. Доманов, С.С. Тихонов [58] Б. Ю. Кагалицкий [77], М.М. Федорова [167], [168], Л. В. Головатая [45], Б. Г. Капустин [79], С. Г. Ильинская [74], [75], М. Б. Хомяков [182], [183] и др. Проблема общества риска и управления рисками поднимается в работах

В. И. Межуева [107], [108], Т. А. Колесниковой [84], И. Г. Яковенко [197]. При этом основной акцент при разработке вопросов толерантности, в том числе и в диссертационных исследованиях, делался на моральные и политические аспекты толерантности, такой подход отмечается в работах А. Турена [162], [163], I. Boghian [200]. Мы же рассматриваем именно проблему деформации толерантности как сравнительно нового явления, а также генезис толерантности как ключевой ценности в рамках европейской культуры. Особое внимание уделяется соотнесению деформации толерантности и общества риска как нового качества социальных отношений.

Объектом исследования выступает толерантность в её историческом развитии.

Предмет исследования – деформационные изменения толерантности в условиях общества риска.

Целью работы является проведение комплексного социально-философского анализа состояния толерантности в современном мире, с учётом основных рисков и трансформаций в социуме. Такой анализ позволит соотнести генерацию новых социальных рисков со снижением качества реализации принципов толерантности в современных общественных отношениях как одной из ключевых и определяющих ценностей современной культуры.

Поставленная цель требует решения следующих **задач**:

- анализ основных концепций толерантности с учётом социально-исторических особенностей их формирования и развития;
- установление содержания ключевых терминов, таких как «толерантность», «деформация», «общество риска», и выявление степени их трансформации в процессе исторического развития;
- определение взаимосвязи толерантности с основными социальными институтами и её роли в формировании системы социальных отношений;

- разработка основ методологии преодоления рисков и деформации толерантности в современном обществе;
- выявление специфики понимания и проявления толерантности в России.

Решение указанного комплекса задач позволит раскрыть тему диссертационного исследования и достичь поставленной цели.

Основным методологическим приемом выступает системный анализ причин и следствий деформации толерантности в контексте общества риска. Также в работе применен компаративистский анализ различных концепций и пониманий сущности толерантности и общества риска, их проявлений в социальной жизни. Кроме того, используется диалектика, позволяющая нам оценить диалектическое взаимодействие общества риска как среды, в которой происходит деформация толерантности, и деформации толерантности как одного из ключевых рисков современного мирового общества [57], а также историзм и функционализм. Функционализм в рамках данного исследования даёт нам возможность проследить взаимодействие толерантности и риска с основными социальными институтами, поняв, какие последствия вызывают те или иные негативные явления в условиях общества риска. Этот набор методов социального исследования отвечает поставленным в диссертационном исследовании задачам и раскрывает сущность исследуемых феноменов.

Научная новизна работы

1. Проводится категориальный анализ понятий «трансформация» и «деформация» в их социально-философском преломлении. Выявляются их сущностные различия и особенности характерные для использования применительно к феномену толерантности.
2. Путем ретроспективного анализа исследуются социокультурные основания и условия формирования толерантности, её «вызревания» в качестве одной из ключевых ценностей в европейской культуре.

3. Осуществляется системный социально-философский анализ освоения толерантности русской философской мыслью, выявляется специфика роли толерантности в философских системах русских мыслителей и основные формы существования толерантности в рамках данных систем. Рассматриваются основные сложности при осмыслении толерантности в русской философии.
4. Выявляются ключевые причины деформации толерантности, связанные с развитием новых (особенно информационных) технологий, социальными условиями современности, трансформациями социальных институтов и систем ценностей.
5. Устанавливается степень, уровень значимости и характер воздействия общества риска и деформации толерантности на различные общественные процессы и феномены.
6. Выявляются особенности проявления деформации толерантности и ключевые риски для современной России, определяются наиболее сложные аспекты решения проблемы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Проведённый категориальный анализ показал, что деформация качественным, а не количественным образом отлична от трансформации. Деформационные изменения, в отличие от трансформационных, носят необратимый характер и обрывают практически всякую связь с предыдущими состояниями. Кроме того, трансформация может быть рассмотрена в позитивном ключе, тогда как деформация – по своей природе и в соответствии со словарным толкованием данного термина – указывает на некую «испорченность», «поломанность».

2. Понимание толерантности в различные эпохи имело различное оформление и содержание (от выражения средствами искусства и латентной формы существования в Античности и Средневековье до разветвлённых и

многоуровневых концепций современности). Если в ранних концепциях толерантность главным образом понималась как «невмешательство» и безразличие к Другому, то с развитием философской мысли всё более популярным и востребованным становится подход, ориентированный на эмпатию и деятельное сотрудничество с Другим. Такой переход был тесно связан с развитием рыночных капиталистических отношений, становлением республиканской формы правления и демократических политических режимов, увеличением степени свободомыслия.

3. В русской философии толерантность получает специфическую интерпретацию. Так, в частности, имеют место определённые разночтения относительно соотношения терминов «терпимость» и «толерантность», которые зачастую параллельно используются в русской философии. Сформулированная как право на дискуссию слабого с сильным, подданного с господином, толерантность в русской философии, тем не менее, имеет достаточно узкие рамки применимости. Данное положение тесно переплетается с тем фактом, что русские философы считают условием реализации толерантности усвоение Другим определённой системы ценностей (как правило, тесно связанной с религией или ролью России в мире). При этом ряд положений, выдвинутых представителями отечественной философии, значительно опередил искания западных мыслителей.

4. Чрезмерное расширение социокультурной ниши толерантности и её перегрузка функциями уже деформированных социальных институтов привели к тому, что начался процесс деформации толерантности и её самоотчуждения. Это реализовалось в том, что толерантность перестала быть собой и не могла более выполнять свои функции, лишь номинально соотносясь с исконными смыслами, вложенными в данное понятие. Зачастую имело место забвение важного положения, гласящего, что право на то, чтобы к нему проявляли толерантность, имеет лишь толерантный и добропорядочный человек.

5. Общество риска и его проявления вкупе с деформацией толерантности приводят к снижению уровня политического доверия, развитию политической маргинальности и тем самым – к дисфункции политических демократических институтов. Например, снижение роли политических выборов и нарастание безразличного, а то и негативного отношения к ним. Это же переносится и на отношение к власти, что рискованно для развития политического дискурса.

6. Исследуемая проблема особым образом проявляет себя в условиях современной России. Наличие фронтерных идентичностей, кризис государственности 90-х годов, связанный с распадом СССР, поиск новых цивилизующих смыслов, экономические и политические потрясения – всё это усилило и без того негативные мировые тенденции. Кроме того, имеет место и особо анализируется исследователями такой аспект современной российской общественной жизни, как усиление бюрократизации социальных процессов, разрастание документооборота, что также обозначается нами как источник риска.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что толерантность как предмет исследования претерпевает сегодня, в условиях общества риска, значительные изменения. Важно понять, насколько они существенны, какими причинами вызваны, к каким научным и социальным последствиям они могут привести [82]. Кроме того, серьезную проблему составляет соотнесение кризиса символического – в культуре в целом и в социальном разрезе в частности – с приходом общества риска [59] и наличием кризисов во всех основных социальных институтах. Вполне возможно, что именно такой системный подход позволит выявить некий базовый методологический принцип, который поможет преодолеть кризис не только в области толерантности, но и в других аспектах социального бытия. Отдельную проблему, актуальную для социальной философии, представляет категориальный анализ феномена деформации и его соотнесение с

трансформацией. Особенно важно это для понимания того, как именно переносятся категории, более характерные для естественных наук, в область социальных и гуманитарных исследований.

Практическая значимость исследования обусловлена необходимостью преодоления негативных тенденций, связанных с рассматриваемыми процессами. Особое место в работе уделяется российской специфике в контексте общества риска. Исследуются основы методологии решения проблем, поставленных в исследовании. В рамках данной методологии важно учесть наработки как западных коллег, в частности Ю. Хабермаса [175], М. Фуко [172], М. Нассан [206], Р. Jonkers [207], В. G. Scharffs [216], которые уже исследовали схожую проблематику, так и отечественных исследователей, реально способных оценить ситуацию в Российской Федерации, понимающих все негласные и зачастую не обозначаемые, но при этом реально существующие сложности и особенности реализации практически любого проекта в России. Эти обстоятельства, к слову, сами по себе представляют значимый фактор мультипликации рисков. Следовательно, решая проблему распространения рисков и деформации толерантности в российских условиях, мы одновременно с этим подходим к решению иных проблем российского общества, в чем и проявляется системный подход, применяемый в рамках данной диссертации.

Апробация исследования проведена в 15 публикациях по теме, 9 из которых – в журналах, входящих в перечень ВАК. Также результаты исследования были представлены в качестве докладов на международных и всероссийских конференциях и опубликованы в виде тезисов и статей.

Диссертация имеет следующую логику и структуру. Первая глава посвящена историко-философскому анализу концепций толерантности на разных этапах развития философской мысли. Здесь особый интерес представляют переходные моменты и мотивы той или иной оценки толерантности и её роли в общественном бытии. Важно понять, в какую

историческую эпоху и на каком этапе становления философских идей начались деформационные процессы, связанные с проблемой толерантности. Во второй главе рассмотрены вопросы категориального соотношения феноменов деформации и трансформации, проанализированы основные концепции общества риска, а также уделено особое внимание специфике деформации толерантности и проявлений общества риска в России. Рассмотрены основные риски современности [29], изучены дискуссии о необходимости отказа от толерантности, сделаны выводы о рискованности таких призывов. В работе проведен анализ того, как существовали бы личность и общество без согласования своих действий с идеями толерантности как некой точки отсчёта, а также установлено, какие риски это вызовет к жизни. Общий объём диссертационного исследования составляет 165 страниц, работа включает введение, две главы (по три параграфа в каждой), заключение, список литературы.

Глава I

Толерантность в философском дискурсе: от методологии к практике

§ 1. Историко-философское исследование феномена толерантности

В научной и философской среде теоретическое освоение феномена толерантности активно ведется с начала XX столетия. Исследования наглядно показывают многогранность данного философского и социологического термина. Рассмотрение толерантности в разнообразных научных дискурсах и при решении значимых социальных проблем выступает одним из доказательств этого факта. Рассматривая определение через призму гуманитарного познания, можно утверждать, что современное развитие философии, юриспруденции, политологических дисциплин сопряжено с уровнем толерантности и степени её использования в науке и в практической деятельности. При этом в отечественной философской мысли ещё не сложилось жёстко определённой позиции по вопросу деформации толерантности в обществе риска.

Феномен толерантности в культуре и науке имеет длительную историю становления. Анализ европейской культуры наглядно показывает, что развитие данного феномена имело латентную форму в античной культуре. Переосмысление культурных ценностей в более поздние эпохи происходило под влиянием наследия прошлого. В частности, это касается ключевых элементов культуры Античности, Средневековья. Системное и теоретическое освоение толерантности как ценности произошло в рамках культуры эпохи Возрождения, Нового времени.

В интеллектуальной среде активно ведутся дискуссии на предмет особенностей становления толерантности и её развития в различные эпохи. Для Античности характерно встраивание в общую философскую систему

различных ценностей, при этом каждая из них служит космическому порядку и гармонии в мире в целом.

В Античности система общественного устройства рассматривалась людьми через призму космического порядка. В качестве доказательства можно привести работы античных философов – Платона [124] и Аристотеля [6]. Мыслители глубоко вникли в суть проблематики построения идеального государства. Толерантность в том виде, в каком её можно рассматривать в контексте Античности, также была встроена и внедрена в систему космоса, даже если она не именовалась как «толерантность». Несмотря на отсутствие этого понятия в дискурсе античной философии, мы можем заметить факт существования данного феномена, например его проявления в искусстве, в общественной жизни.

Важной особенностью латентного проявления и осмысления толерантности в Античности являлось её применение в качестве ценности лишь к свободным гражданам. При этом рабство имело определённое оправдание в рамках античного сознания и философской мысли, в том смысле что рабство отвечало состоянию души самого угнетённого человека. В этом можно даже заметить определённую степень заботы и терпимости к жизни и судьбе раба, поскольку ему выделяется место в социальной структуре общества, которое наилучшим образом соответствует его психее.

По отношению к свободным гражданам полиса, а затем и Римской империи идея толерантности была куда более применимой. Развитие свободомыслия тесно переплеталось с законами построения республиканской государственности и полисного общества. Обществу и человеку в нём предоставлялась возможность выбора, наличие определённых гражданских свобод. Человек был волен выбирать, в каких богов верить. Кроме того, фактически степень репрессий со стороны этических и религиозных норм была снижена до минимально возможного уровня для тех исторических условий.

Античная культура в целом тесно коррелировала с философскими учениями, которые активно развивались в русле многочисленных философских школ. При этом каждый отдельный индивид имел возможность выбора той школы, которая наиболее соответствовала его представлениям о мире. В рамках выстраиваемых философских теорий мыслители предлагали обществу альтернативные взгляды на жизнь, систему ценностей, исходя из которых индивиды уже избирали свой путь в мире и философии. Наличие разнообразных течений и дискурсов позволяло человеку самореализоваться в том или ином философском направлении или виде общественной деятельности. Преследования философских школ со стороны политических властей практически не было.

Понятие терпимости в греческом обществе было заложено учением софистов. Подробный анализ данного процесса представлен в научных работах Л. В. Головатой. По её мнению, новое философское направление позволило рассмотреть в человеке источник этнической ценности, а не только гражданина, работника или общественного деятеля, что впоследствии способствовало его становлению как субъекта уже в будущих философских и религиозных учениях [45]. Человек выступал мерой всех вещей, что демонстрировало определённый вызов имеющимся этическим ценностям и социальному античному порядку, поскольку бросало некий вызов космичности античного миропорядка.

При изучении развития представлений о толерантности отдельное внимание следует уделить религиозному вопросу в период расцвета античной культуры в Древней Греции и Древнем Риме. Развитие новых философских учений позволяло модернизировать старые взгляды на жизнь, развивая в определённом смысле идеи веротерпимости. В частности, это касается работ стоиков, эпикурейцев и их последователей. Суть данных направлений заключалась в минимизации человеческого страха перед божественным началом. Произведения Эпикура пропитаны идеями удовольствия, счастья,

наслаждения жизнью, которое понимается в первую очередь как отсутствие страдания и получение счастья. По мнению мыслителя, борьба со страхом смерти должна быть приоритетной целью для людей наряду со страхом божественных наказаний.

Одной из наиболее значимых идей эпикуреизма являлась невозможность познания божественной природы. Боги абсолютно безразличны к роду человеческому, поэтому нет никакого смысла вступать в спор с ними. Добиться истины в изучении их природы невозможно. Это снимало вопросы о какой-либо религиозной интолерантности, поскольку нет никакого смысла спорить, а тем более преследовать кого-то из-за богов, ведь они не играют ровным счётом никакой роли в жизни человека, и добиться истины в спорах об их природе и сущности нельзя. Совершенствование данного подхода позволило выйти на качественно новый уровень развития феномена «толерантность». Человек сам является источником счастья для себя, при этом важно не достижение каких-то общественных благ, а именно личное счастье и состояние атараксии по отношению к различным невзгодам как условие такого счастья. Эпикуреизм постарался сосредоточить своё внимание на проблемах светского толка, параллельно и незаметно, подспудно увеличивая степень проявления толерантности между людьми, пусть самого термина ещё не существовало.

Не менее значимым учением в тот период являлся стоицизм, идеи которого были основаны на утверждении бесстрастия, невозмутимости по отношению к внешнему миру. Новая система ценностей не подразумевала наличия конфликтов, проявления различных недовольств по причинам, вызываемым внешним миром. Принимать близко к сердцу происходящее в нём нет смысла для человека – наоборот, это лишь отдалит нас от счастья. Значит, нужно тратить как можно меньше энергии и душевных сил на раздражение. От такого подхода остается буквально один шаг до идей толерантности.

Сенека писал: «Что такое смерть? Либо конец, либо переселение. Я не боюсь перестать быть – ведь это всё равно, что не быть совсем, я не боюсь переселиться – ведь нигде я не буду в такой тесноте» [138].

Работы Сенеки наполнены идеями терпимости, внимательного и учтвого отношения к другим людям. Отдельного внимания заслуживают рассуждения мыслителя о божественных силах. Добрые люди всегда одарены любовью Бога, он их оберегает, дарит им счастливую жизнь. Любые утраты, трудности и преграды придают личности настоящую силу [137]. Выказывать нетерпимость в религии, с точки зрения стоиков, также не имеет смысла, поскольку представители данной школы весьма противоречиво относились к сакральному, перенося своё невозмутимое отношение к бытию и на религию, что обуславливалось верой в predeterminedness и заданность, необходимость покориться судьбе и ходу природы.

Одной из основных характеристик олимпийской религии была её терпимость к проступкам приверженцев, крайне низкая степень репрессивности. При этом наблюдалось относительно толерантное отношение к народам, имеющих своих божеств и религии и верящих в них. Данная система взглядов имела распространение на территории всей Римской империи. Захват новых территорий и смена власти, как правило, приводили к изменению структуры пантеона, однако жителям новых провинций позволялось верить в своих богов, подчинив их Зевсу, то есть поставив их в иерархии ниже его. Надо отметить, что фактор религиозной терпимости, как и почти всякий социальный феномен, имел чёткие границы своей применимости. Одним из проявлений таких ограничений стало появление христианства и отказ его приверженцев «подчинить» Христа Зевсу, введя его в пантеон. В силу этих причин напряжение и разногласия в обществе приумножались, что привело к открытым противостояниям. Нарастание идей инакомыслия тесно переплеталось с нарушением установленных социальных норм. Конфликты между властью и инакомыслящими стали возникать чаще. В

качестве примера интолерантного отношения к нарушителям существующей системы норм можно привести суд над Сократом, однако не стоит увязывать отдельные негативные проявления непосредственно с античной культурой. Как и сегодня, нередко были случаи, когда за идеологическими и религиозными спорами скрывались иные – политические или экономические – причины и интересы отдельных граждан. Кроме того, начала разрушаться система «договорных отношений» между людьми и богами: по мнению людей, боги уже не обеспечивали им комфортной жизни, в результате чего начались сомнения в вере, что усилило кризисные тенденции.

Возникновение кризисных ситуаций в социально-политической системе сопряжено с большим количеством факторов. Подробный анализ элементов позволяет классифицировать проблемы на внешние и внутренние. Проявление асоциальных учений на примере Древнего Рима стало необратимым процессом на фоне деградации философских учений. В народе преобладали идеи мистического характера. Религиозные расхождения стали фактором возникновения дополнительных споров. В результате линия терпимости была пересечена большим количеством людей, и действующая система ценностей приобрела черты интолерантного характера.

Историки сходятся во мнении, что христианство в качестве субъекта преследования было выбрано не случайно. Данному процессу способствовало большое количество политико-религиозных факторов. Проще говоря, элита Римской империи чувствовала серьезную угрозу для себя, существовала большая вероятность потери власти.

Христиане испытали величайшее преследование за отказ ввести своего Бога в пантеон: с одной стороны, они, как представители монотеистической религии, не могли поступить иначе; с другой стороны, таким поведением они переступили черту терпимости, вели себя несообразно принятым нормам и, как следствие, обрекли себя на интолерантное к себе отношение. Во многих отношениях выбор христиан в качестве объекта преследования был не

случаен, поскольку политические и религиозные элиты Римской империи чувствовали в них угрозу (многие варварские племена выбрали эту религию, она стала каркасом их сознания, а значит, соединяла врагов воедино, с точки зрения римлян). Кроме того, появление мощной альтернативы подрывало единство населения римского государства, а отказ от выполнения религиозных и общественных обязанностей стал прямым вызовом действующей власти.

Отдельного внимания заслуживают рассуждения профессора М. В. Хомякова [179]. Учёный отмечает, что способ, применяемый с целью обосновать в теоретическом отношении сущность толерантности, обуславливает содержание толерантности и её границы, выступает как значимый фактор существования толерантности. Зачастую следствием выхода за данные границы, использования определённой трактовки толерантности применительно к объектам, относящимся к иной теории, является то, что её содержательная определённость утрачивается. Более того, при этом толерантность может трансформироваться в собственную противоположность [179, с. 33]. Отсутствие надлежащего понимания границ терпимости, а также её сути во многом детерминировало реализацию интолерантности в агрессивных формах. Ровно поэтому формирование уникальной и актуальной для сегодняшнего дня концепции толерантности является в одной из ключевых задач современной философии. Терпимость должна не только иметь определённые культурные достижения, но и быть «оправданной», т.е. философия должна дать ей чёткое место, определив её функционал и значение, вновь проведя её хабиутализацию и институционализацию. Комплексное и полноценное функционирование толерантности требует её теоретического осмысления, установления этих самых «границ толерантности».

Становление системы культурных феноменов, как правило, сопряжено с изменениями в философии, искусстве. Терпимость средневекового общества формировалась под влиянием большого количества факторов, при этом главенствующая роль в данном процессе принадлежала христианской религии.

Трансформационные процессы в обществе были тесно переплетены с развитием религии [210]. Утверждение новой системы ценностей позволило выйти на качественно новый уровень развития общества. Отдельное внимание уделялось чувству сострадания. Верующие люди стремились помочь окружающим, тем самым обеспечив себе место в Раю.

Веротерпимость не была характерна для средневекового общества, хотя толерантность и увязывалась с религией и ключевыми характеристиками христианского Бога. Создание человека по образу Божию воспринималось обществом в качестве отправной точки в подходе к человеку и набору ценностей, которыми он должен обладать. Терпимость Бога к недостаткам людей, искренняя любовь – всё это являлось проявлением сострадания, и люди, таким образом, также должны были исповедовать те же качества. Новая система толерантности позволяла выстраивать взаимоотношения между людьми. Тенденция проявления гуманного отношения к недостаткам окружающих постепенно переросла в новую социальную норму. При этом такая терпимость не относилась к нарушителям религиозных норм и иноверцам. Скорее толерантность, милосердие, благоговение и смирение были некими желательными, важными, но трудно применимыми в реальной жизни ценностями.

Практика показывала, что гуманистическое отношение к окружающему миру в условиях средневековой культуры было сопряжено с большим количеством факторов. Данная система ценностей не использовалась при решении ряда политических проблем, в военном деле. Задействование критериев толерантности было актуально для разрешения споров теологического, философского характера.

Феномены духовной жизни общества формировались под влиянием большого количества взаимосвязанных элементов. При этом религия традиционно занимает особое место в бытии человека. Симбиоз веры и разума в философских учениях стал основой теологии и философского постижения

реальности. Культура Средневековья была полна устоявшимися традициями, которые передавались из поколения в поколение, при этом влияние на них имела как христианская религия, так и отголоски античных идей. Несмотря на вторичный по отношению к богословию статус философии, её признание в качестве значимой, влиятельной фигуры в культурном поле Средневековья оказало, как отмечает Ю. А. Бубнов [27], значительное влияние на последующие процессы секуляризации европейского сознания в эпоху Возрождения. Секуляризм характеризуется «постепенным разрушением религиозной духовности как мировоззренческого основания социального порядка, элиминацией основных социальных функций религии, передачей выполнения этих функций другим социальным институтам» [199, с. 94].

Вышеупомянутая проблематика подробно расписана в работах профессоров В. П. Римского и О. В. Ковальчука [83, с. 4], отмечающих применительно к анализу схематичности дихотомии церковного и мирского, что следствием взаимодействия в сознании человека Средневековья двух традиций являлась органическая интеграция светского и церковного. В результате миропонимание людей, живших в период Средних веков, характеризовалось значительным своеобразием, противоречивой слитностью профанно-низменного и сакрального.

Основополагающую роль в оформлении и окончательном закреплении толерантности в средневековой Европе сыграл феномен средневекового университета, где, несмотря на то что приоритетом являлось изучение и исследование религиозных дисциплин и догм, начинал свое существование научный (в той или иной степени) дискурс. Толерантное отношение к миру в средневековой Европе было закреплено при помощи философских учений, религиозных канонов. Функционирование нового института было направлено на генерирование у общества выдержки, спокойствия и покорности. Учёные сходятся во мнении, что данный инструмент управления остаётся актуальным до сегодняшнего дня.

Более подробно данного рода изменения проанализированы в работах профессора Ф. М. Сабировой. Появление и развитие феномена университета, формирование класса образованных и относительно свободомыслящих людей привело к тому, что сформировалась, по выражению Ф. М. Сабировой, «власть интеллектуалов». Проявление власти интеллектуалов позволило изменить структуру их полномочий, они начали становиться третьей властью, наряду с церковной и светской политической властью [132, с. 145].

Следовательно, толерантность, хотя и не сформулированная в теоретических философских трактатах и иных трудах, предстает в контексте средневековой культуры как формирование новых межличностных отношений, их новых категорий и способов отношения к Другому. Средневековое наследие стоит у начал генезиса гуманизма, который был реализован в философии Ренессанса и Нового времени, а также в богословской полемике с представителями других культур и конфессий.

Таким образом, несмотря на то что теоретическое осмысление и понимание толерантности возникли лишь в новоевропейской мысли, нельзя сказать, что этот концепт мгновенно возник в Новое время. Толерантность как культурный феномен находилась в латентной форме в европейской культуре с Античности. Идея толерантности выкристаллизовалась, сформировалась на протяжении всей истории развития общества и его культуры, а также в комплексном развитии философского дискурса. Более того, наряду с тем, что социальные условия повлияли на возможность генезиса толерантности в классическом смысле этого слова, так и латентно существующая толерантность в структуре общекультурного дискурса повлияла на развитие европейской культуры [42]. С одной стороны, сам культурный дискурс диктовал необходимость формирования и развития толерантности даже в условиях строгих религиозных норм и догм. С другой стороны, благодаря толерантному отношению христианства к проявлениям светской культуры, сегодня можно отметить его влияние не только в области религии, искусства и

философии, но и в системе права, политики и в смежных областях политической и правовой культуры. Таким образом, можно утверждать, что теоретическое осмысление толерантности в Новое время уже было подготовлено культурной средой и произошло благодаря наличию необходимых социально-политических условий, когда общество выразило социальный запрос на построение теории толерантности и её включение в философский дискурс.

Формирование теории толерантности произошло в новоевропейской философии. Это было связано с общественным запросом на толерантность как основополагающую ценность, нравственную установку в процессе развития права и политических институтов. Такой запрос был обусловлен расширением рамок свободы, желанием человека реализоваться как субъекту творческой деятельности. Развитие теории естественного права и правовой системы в целом требовало установления границ толерантности. Несмотря на то что переход к новоевропейской культуре связан с секуляризацией европейского сознания, необходимо отметить влияние религии на философские учения данного периода. Не стала исключением и толерантность, концептуализация которой происходит в работах Джона Локка в контексте веротерпимости. Хотя в современном мире роль религии в политических процессах снизилась по сравнению со Средневековьем и Новым временем, «Письмо о веротерпимости» [95] все так же значимо для анализа развития идеи толерантности. Идея Джона Локка состояла в том, чтобы разграничить то поле, где толерантность применима, и то, где нет места терпимости и требуется вмешательство репрессивного аппарата государства. Локк различал три группы возможных действий, по отношению к которым следует рассуждать о возможности толерантного отношения.

Первая группа включает в себя действия, не касающиеся напрямую политических вопросов и проблем общественного устройства. Именно к ним и относится проблема веротерпимости. Таким образом, Локк указывает, что

правитель не должен вмешиваться в вопросы выбора вероисповедания, в ход богословских дискуссий, ибо они сами по себе не несут общественных угроз. В качестве критерия для определения границ толерантности Локк выделил возможность негативных общественных последствий: беспорядков, бесчинств – в результате терпимого отношения к тем или иным действиям. Поскольку выбор людьми своей религиозной принадлежности к таким последствиям не приводит, то из этого следует, что веротерпимость является возможной как минимум до той поры, пока она не станет причиной общественных волнений. Дж. Локк в своих трудах лишил правителя права устанавливать для церкви запреты на пропаганду любых догматов спекулятивного толка, в силу того что данные догматы никак не относятся к присущим его подданным гражданским правам [95].

Тем не менее, как показывает современная практика, весьма сложно разделить религиозные интересы и интересы экономического, политического характера. Так, С. Г. Ильинская [74], [75] подчеркивает, что заинтересованность Франции в привлечении мигрантов из бедных стран и терпимость к ним была обусловлена бурным экономическим ростом после Второй мировой войны. После окончания данного периода возможности социальной мобильности и реализации прав для мигрантов и их потомков были значительно снижены, что привело к росту напряжённости между ревностными мусульманами и государственным аппаратом. По словам Ильинской, политический вызов, который они бросают данному государству, является столь значимым, что возникает необходимость формирования нового общественного договора [75, с. 30]. Вторая группа действий отсылает нас к возможности реализации социальных прав человека, таких как создание семьи и развод, право на использование имущества в различных целях, на ведение дел. По большей части подобные действия регламентируются правом, и государство таким образом даёт указания о желательности того или иного поведения в различных ситуациях, связанных с общественной жизнью. Опять-

таки на первый план при оценке каких-либо действий выходит их потенциальная опасность для общества: к тем, что безопасны, правитель и право будут терпимы; к тем, что могут привести к волнениям, – нет.

Наконец, к третьей группе действий относятся пороки и добродетели. Безусловно, худшие, наиболее опасные из пороков запрещены правом (например, ведущие к преступлениям, таким как мошенничество, воровство и т.д.). Однако большинство пороков и добродетелей, по мнению Локка, необходимо отдавать на откуп религии или морали – в зависимости от того, верующий это человек или нет. Такой подход приводит к тому, что многие негативные действия (разврат, пьянство, чревоугодие, подлость) попадают в сферу толерантности, то есть признаются предметом свободного выбора личности. Тем не менее именно вера и мораль должны помочь личности осуществить верный выбор в пользу добродетели.

По трём охарактеризованным выше группам действий мы можем заключить, что терпимость переносится Локком из сугубо личного и религиозного лона в пространство политико-правовых отношений, что свидетельствует об усилении секулярных настроений в философском дискурсе. Толерантность рассматривается с позиции субъекта, правителя, носителя власти, который должен в первую очередь обеспечить общественный порядок. Именно это позволяет толерантности способствовать развитию гуманистического права, представленного, в частности, в трудах Г. В. Ф. Гегеля [37], и становлению республиканской формы правления.

Несмотря на то что теория толерантности Локка сконцентрирована главным образом на вопросах веротерпимости, её значимость нельзя недооценивать. Даже в свете того, что данная теория была разработана в рамках христианского общества, она чётко определяет условия реализации толерантности. Одно из них – учёт общественных интересов, угроз социальных конфликтов и столкновений – мы описали выше. Не меньшую актуальность имеет и сама идея ограничения толерантности, установки её

границ. Ничем не ограниченная толерантность будет не способна выполнять свои социальные функции, станет по большей части формальной. Таковыми границами – как в теории Локка, так и в современных либеральных теориях – остаются законность и требование терпимости для того, чтобы иметь право на терпимость. В самом деле, никак нельзя относиться толерантно к тому, что нарушает закон, а значит, угрожает общественному порядку и соблюдению социальных норм. Обращение к законности как основному принципу общественного устройства, как известно, характерно для либеральной и неолиберальной традиции. И это во многом заслуга основателя данной концепции – Джона Локка. Следует отметить и то, что Локк понимал: вопрос терпимости не может быть решён исключительно на теоретическом уровне. Для этого важны и конкретная социальная ситуация, и деятельность властей по обеспечению условий для реализации толерантности, таких как законность, безопасность, ограничение права нетерпимых на толерантность к себе. Такая трактовка толерантности (с позиций интересов государства) служит во многом предпосылкой не только либеральных, но и утилитаристских концепций толерантности, в которых исходным пунктом выступает необходимость большего числа преимуществ по сравнению с числом неудобств.

Идеи толерантности находят своё развитие в трудах французского философа Ш. Монтескье. В своих трудах «Персидские письма» [113] и «О духе законов» [114] мыслитель обращается к проблеме соотношения закона, власти и свободы и, таким образом, пытается указать на наиболее приемлемую форму устройства власти. Для гармоничного устройства общества, по Монтескье, необходимо существование политических свобод, с одной стороны, и контроля их исполнения со стороны государства – с другой. При этом свободу Монтескье понимает исключительно в качестве возможности осуществлять деятельность, которую следует желать осуществлять, а также в отсутствие принуждения к деятельности, которую желать осуществлять не следует. Таким образом, как подчёркивает мыслитель, политическая свобода

отнюдь не предусматривает возможности осуществления людьми любой желаемой ими деятельности [113, с. 145].

Таким образом, Монтескье продолжает развивать теорию Локка о необходимости государственного регулирования прав на терпимое отношение в реализации свобод. В то же время само государственное управление должно применяться умеренно, так как в противном случае власть злоупотребляет своими правами, вследствие чего свобода не может быть полноценно реализована. Вместе с тем мыслитель различает свободу философского и политического толка. Сущность философской свободы он усматривает в возможности беспрепятственно проявлять свою волю, как минимум в убеждении (в соответствии со смыслом всех философских систем), что её проявление является беспрепятственным, тогда как политическая свобода есть безопасность человека (или как минимум уверенность человека в собственной безопасности) [113]. Толерантность в такой ситуации выступает в качестве регулятора социальных отношений вне действия правовых норм, а кроме того, позволяет праву более легко и гармонично реализовываться и исполнять свои функции. Толерантность призвана создавать условия для существования гражданского общества и правового государства. В свою очередь право призвано способствовать реализации свободы, повышению степени доверия к власти как к гаранту свободы. Таким образом, право, свобода, власть и толерантность в учении Монтескье образуют систему, в которой каждый элемент способствует наилучшему функционированию других элементов. Как замечает философ в «Персидских письмах», за счёт гражданского равенства, которое, как правило, сопровождается и равенством состояний, обеспечивается процветание государства и его граждан, тогда как в государствах, где царит произвол, богатство концентрируется у верховного властителя, его придворных и определённого числа частных лиц, в то время как все прочие вынуждены терпеть крайнюю нужду [114]. Для Ш. Монтескье, как и для большинства философов Нового времени, толерантное отношение

должно выражаться в свободе совести, свободе вероисповедания и свободе слова. Это ключевые свободы для обустройства правового государства и сильного гражданского общества, интересы которых защищали французские просветители, и эти свободы, как и толерантность, по сей день остаются ключевыми во взаимодействиях индивида, гражданского общества и государства. Впоследствии данная тема была детально разработана И. Кантом [75].

Другой философ-просветитель – Ф. Вольтер – указывал на необходимость развития толерантного отношения как условия снижения фанатизма, который деструктивен для общественных отношений. Уже подход Вольтера к философствованию, основанный на сатире, юморе, иронии, противостоит фанатизму, догматизму и всему тому, что свойственно религиозности. С его точки зрения, «глупостью было бы пытаться заставить всех людей думать о метафизике одинаково» [34]. Именно фанатизм – христианского толка в Средневековье или исламского толка в наши дни – приводит к наиболее кровавым войнам и терактам, несмотря на красивые лозунги. Кроме того, за религиозным фанатизмом, как за ширмой, зачастую скрываются политические и экономические интересы элит, и потому идеи Вольтера относительно толерантности столь актуальны в наши дни. Борьба с фанатизмом должна, с его точки зрения, вестись с позиций разума и иронии, дабы избежать нового фанатизма, но уже в другом обличье. Только разум и ирония могут служить основанием подлинной толерантности, которая поможет справедливому обустройству государства. Толерантность позволяет выстроить такое общество, где нет фанатизма, агрессии на почве расхождения ценностей, а есть уверенность в завтрашнем дне и возможность самореализоваться в разных аспектах, не боясь преследования за своё творчество. Толерантность являет собой ценность, позволяющую проявлять снисхождение к недостаткам Другого, а также выстраивать с ним конструктивный и продуктивный диалог, который позволит обеим сторонам

взаимно обогатиться в рамках сотрудничества. Таким образом, толерантность, по замыслу Вольтера, должна стать тем основанием, на котором можно выстроить новое, гармоничное и просвещённое общество. В этом обществе будет минимизирована роль недостатков и предрассудков, изгнана иррациональная нетерпимость и, напротив, восторжествует терпимое отношение к Другому, которое можно воплотить в различных формах деятельности.

Пожалуй, венцом новоевропейских теорий толерантности можно признать учение Канта [75]. Он выстраивает деонтологическую теорию толерантности, которая исходит из понятия морального долга. Философ связывает толерантность, справедливость и мораль с категорией свободы, которая и выступает их основанием и оправданием. Таковым основанием, с точки зрения мыслителя, не может служить ничто изменяющееся: ни выгода, ни потребности (как личностные, так и общественные) не могут выступать в качестве безусловного основания для морального отношения к Другому. Следовательно, Кант не приемлет утилитарные подходы, а напротив, стремится к либеральному и деонтологическому пониманию толерантности в системе общественных отношений. Осмысление толерантности в философии Канта происходит, во-первых, в контексте его учения о вечном мире, а во-вторых, в рамках его взглядов на роль права в жизни общества.

По своей сути, вечный мир есть такое мировое общественное устройство, при котором человек и государство, а также взаимодействие различных государств устроены таким образом, чтобы максимизировать возможность реализации личных прав и свобод человека и обеспечить конструктивный диалог различных государств [82]. При этом свобода является тем основанием, которое способно даже при наличии разнообразных и разнородных культур и ценностей сохранять потенциал для мирового сотрудничества. Именно в таком отношении к Другому и проявляется толерантность: несмотря на явные отличия Другого, мы, тем не менее, готовы

не просто «терпеть» его, но и признать в нём равного партнёра, сотрудничать с ним, уважая его интересы. И в этом Кант выходит за пределы первоначального понимания толерантности как безразличного отношения к Другому. Это даёт возможность развития данной теории в более поздних учениях: в частности, Джон Ролз во многом является наследником идей Канта. Идея толерантности в социальной теории немецкого философа тесно связана с концепцией естественного права. При этом усиление роли права, в целом характерное для новоевропейской философии, указывает нам на всё возрастающую тенденцию к рационализации и секуляризации социальных отношений. Кроме того, повышенное внимание уделяется человеку как субъекту социальных отношений и взаимодействий. Подобные ориентации отражают общие тенденции философии модерна, в отношении которых Ю. А. Бубнов отмечает, что, согласно постулатам идеологии гуманизма, историческое и социальное развитие должно быть ориентировано на достижение свободы личности от догм, предрассудков, на формирование человека, обладающего внутренней свободой и способностью мыслить критически. В течение двухсот лет присущие культуре модерна ценности в концентрированной форме выражались в установках, существовавших в эпоху Просвещения. Идеология Просвещения в качестве цели исторического развития определяла обеспечивающую развитие общества самореализацию мирового духа [28, с. 94]. Подобные секулярные тенденции расширяют поле прав и свобод человека, наделяя его при этом и всё большим числом обязанностей. Однако не только единичный человек, но и политическая власть в теории Канта подвергаются осмыслению через призму толерантности. Власть имеет право на толерантное к себе отношение, однако только до той поры, пока сама толерантно относится к гражданам : не становится деспотичной, репрессивной и т.п. Таким образом, категорический императив Канта переходит в сферу политической философии: уважай власть, пока власть уважает тебя. В ином же

случае, при нарушении данных границ толерантности, власть теряет право на толерантное к себе отношение.

Кантианская теория толерантности расширила поле применимости данной категории, увеличила её значимость, показала взаимосвязь права и толерантности. Именно в философии Канта возможно найти наиболее системное видение феномена толерантности в философии модерна. Кант, выходя за рамки понимания толерантности как безразличного отношения к Другому, становится неким «мостом» между концепциями толерантности модерна и современными концепциями. Требование сотрудничества с отличным от себя Другим является отправной точкой для неолиберальных теорий толерантности, а также современных деонтологических концепций.

Итак, в рамках философии модерна происходит концептуализация толерантности в философских трактатах. Именно в этот исторический период наблюдается секуляризация данного понятия, перенос его в политико-правовое русло, хотя религиозные мотивы и сохраняют своё значение до определённого предела. Кроме того, имеет место поворот от трактовки толерантности как безразличного отношения к её пониманию как возможности сотрудничества с Другим. Это является ценным для философии в целом, поскольку даёт возможность развития философии диалога, для которой толерантность является краеугольным понятием. Особое внимание уделяется взаимосвязи права, государства и толерантности, следствием чего является понимание необходимости системного регулирования данных социальных институтов. Таким образом, можно констатировать, что философия модерна стала отправной точкой в философском осмыслении толерантности.

Трансформация понимания толерантности, а именно переход от безразличного отношения к Другому к попытке построения с Другим конструктивного диалога, начатая Кантом, была продолжена в философии утилитаризма и либертарианства. Общественные изменения, расширение гражданских и личных свобод требовали нового понимания толерантности.

Это обуславливается тем, что толерантность занимает одно из центральных мест в структуре ценностей европейской культуры, она оказывает значительное влияние на право, взаимоотношения власти, народа, гражданского общества. Чем более значимые изменения происходят в обществе, тем более сложные вариации толерантности требуются для хабиитуализации социальных действий. При этом изменения в трактовке толерантности и её границ, в свою очередь, приводят к пересмотру тех или иных положений и элементов правовой системы, устройства власти [152], отношения к различным политическим учениям и взглядам. Таким образом, взаимодействие толерантности и политико-правовых институтов носит диалектический характер [217]. С течением времени эта взаимосвязь усиливается и укрепляется: если в Античности и Средневековье, когда теоретического понимания толерантности ещё не было, она оказывала весьма незначительное влияние на общественную жизнь, то с течением времени толерантность стала выступать в качестве основы права, ведения политики и в целом оказывать значительное влияние на культуру.

Отдельного внимания заслуживает порядок развития ценностных и социальных систем в рамках отечественной философии [26]. И феномен толерантности в данном случае не является исключением, имея ряд особенностей, отличающих путь отечественной философии от зарубежной. Исследователи отмечают, что менталитет славян основан на милосердии, искренности. Русский народ всегда готов поделиться последним, чтобы спасти близкого человека. В данной работе мы попытаемся доказать тесную принадлежность русской культуре, философии идей толерантности. Сопоставление основных идей и мотивов данной системы позволяет по-другому взглянуть на суть происходящих процессов. Полученная аналитика даёт возможность с высокой точностью установить истоки происхождения толерантности. При написании данной работы учитывалось большое количество источников, характеризующих идеи толерантности. Исследование

не ограничивается XIX и XX столетиями, автор выполняет ретроспективный анализ становления понятия толерантности в учениях русских мыслителей.

В русской философии толерантность начала выкристаллизовываться из идеи о праве на полемичность. Это был эффективный инструмент для ведения дискуссии с сильным собеседником. Принципы толерантности помогали человеку донести свои мысли, даже будучи ниже оппонента на социальной и иерархической лестнице. В качестве наглядного примера можно привести знаменитую переписку между полководцем А. Курбским и Иваном Грозным. Первое письмо насыщено острой критикой сложившегося порядка. Обличитель царя акцентирует внимание на росте беззакония и проявлении неуважения со стороны опричников. Историки сходятся во мнении, что обвинения государя в чрезмерной жёсткости были небезосновательны. Обвиняя царя в безжалостном отношении к своим слугам, воеводам, Курбский пишет: «За это ли нам, несчастным, воздал, истребляя нас со всеми близкими нашими? Или ты, царь, мнишь, что бессмертен, и впал в невиданную ересь, словно не предстоит тебе предстать пред неподкупным судьей и надеждой христианской, богочинальным Иисусом, который придет вершить справедливый суд над вселенной и уж тем более не минует гордых притеснителей и взыщет за все и мельчайшие прегрешения их, как вещают <божественные> слова?» [121]. Содержание письма характеризует Курбского как мужественного человека, поскольку давать советы царю, как обустроить Россию и власть в ней, было делом небезопасным. Сама возможность дискуссии с царем, являющимся самодержцем, обращения к нему с интересующим вопросом и ожидания ответа свидетельствует о формировании толерантности в обществе и её влиянии на систему коммуникации. При этом Иван Грозный демонстрирует умение вести дискуссию и вступать в переписку даже с беглыми представителями дворянских родов.

Аргументация собственного мнения и сопоставление фактов позволяют государю умело проводить политику внутри государства. Ответное письмо

Курбскому демонстрирует искусство владения словом, в нём используются как религиозные, так и светские аргументы. Иван IV акцентирует внимание на побеге воеводы в поисках богатства и называет этот поступок «злобесным ядом». Также государь обращается ко всем сторонникам полководца, призывая их подумать о рациональности союза с предателем [121]. Практика того времени наглядно показывала, что далеко не каждый правитель в Европе ответил бы на «обвинения» со стороны беглого князя, именно это во многом и делает данную переписку столь значимым историческим артефактом. В этом отношении представляют интерес ответы Грозного на критику о притеснении бояр и иных знатных граждан. Переписка Курбского с Иваном IV свидетельствует о проявлении элементов толерантности.

На становление системы толерантности в России существенное влияние также оказало образование. Историки связывают данный процесс с открытием в 1685 году славяно-греческой академии, где изучались латинский и другие языки. Отдельного внимания заслуживают закономерности адаптации западных ценностей к российским традициям. Формировался диалог, который в свою очередь предполагал наличие толерантности и грамотного, взвешенного отношения к оппоненту, зачастую имеющему иные ценности и взгляды. Уже само по себе взаимодействие новоевропейской науки и русских традиционных патриархальных и религиозных взглядов без толерантности и намерения слышать оппонента было бы невозможно. Российские элиты того времени приобщались к новым результатам научных исследований постепенно. Диалог между сторонниками сохранения культурных традиций проводился на принципах объективности, уважительного отношения друг к другу.

Закрытие академии братьев Лихудов было связано с обвинениями в проявлении чрезмерного «латинизма». Историки сходятся во мнении, что образовательное учреждение оставило заметный след в развитии социокультурной среды российского общества. С политической точки зрения

возникшая проблема была обусловлена противоречиями, связанными с преподаванием в данном учебном заведении дисциплин церковного и светского характера, а значит, соотнесённых с ними западной и русской культур. Здесь мы также находим реализацию права слабого на полемику с сильным. Если А. Курбский полемизировал с царём, то здесь научная и творческая интеллигенция, в её зарождающемся, формирующемся виде, дискутировала с ортодоксальным православием, борясь за право влиять на судьбу образования и просвещения. Пусть в итоге братья Лихуды потерпели поражение и были изгнаны из академии, однако этому предшествовала дискуссия по вопросам образования, обществу был привит определённый «вкус» к науке и научным изысканиям.

Активизация полемики и роста свободомыслия представляли собой закономерный процесс развития системы ценностей в российском обществе и политических – или, можно сказать, идеологических – течений. Столкновение западников и славянофилов генерировало в обществе полемическую ситуацию, требовавшую разрешения в рамках интеллектуальных поединков и дискуссий. Утверждение западных проектов по развитию социума тесно коррелировало с идеями гегельянства, либерализма. В некоторых случаях решения принимались на основании социалистических идей. Славянофилы же отстаивали точку зрения, согласно которой особенности русского народа требуют необходимости поиска своего пути развития для России и народов, населяющих её.

По мнению отечественного исследователя профессора С. В. Бажова [9], отсутствие полноценного диалога между противостоящими сторонами и сегодня мешает нормальному и полноценному развитию демократических институтов в современном обществе. В опубликованных работах социолога акцентируется внимание на механизмах восприятия идейно-политических элементов. Автор отмечает, что суть проблемы кроется не в барьерах, создаваемых для восприятия подлинных идейно-политических схем

архаичными идейно-политическими ориентирами. Проблема, по его мнению, в следующем: подобная полемика приводит к тому, что идейно-политическое самосознание претерпевает раскол по линии противостояния концепций славянофилов и западников. Таким образом, наблюдается кризис национально-политической идентичности [201].

Становление полноценного научного осмысления толерантности в России ознаменовано началом XIX столетия. Именно в это период система терпимости к Другому проявила себя активнее всего. В опубликованных работах философов всё чаще просматривается тенденция использования элементов терпимости. Анализ категориальных особенностей проводится в работах многих российских философов. Мыслители часто оперируют таким понятием, как «терпимость». Использование в исследованиях основных синонимов рассматриваемого понятия является распространённой практикой. Наличие в дискурсе одновременно как термина «терпимость», так и понятия «толерантность» составляет определённую методологическую сложность для исследования развития данного феномена в русской философии. Указанные термины не являются в полном смысле синонимичными, имеются такие трактовки толерантности, которые по своему смыслу значительно шире содержания термина «терпимость».

Отдельного внимания заслуживают научные публикации профессора А. С. Хомякова. Так, например, в его трудах толерантность распространялась сугубо на православных верующих, тогда как атеисты, католики и протестанты жёстко критиковались. Только в православии, по мнению философа, единство и свобода находятся в гармоничном взаимодействии благодаря любви. Как пишет О. А. Запека, исследуя учение об общине и соборности А. С. Хомякова, «свобода вне единства многих, основанного на любви, вырождается в произвол, своеволие как свою противоположность, поскольку последнее может свидетельствовать лишь о рабстве человеческой личности у собственных страстей. Единство без свободы – это всего лишь

внешнее, механическое единение, насилующее волю человека. Любовь придаёт органический характер союзу свободы и единства» [67].

Неразделённость западноевропейских ценностей отмечалась во взглядах целого ряда русских философов. Так, в книгах К. С. Аксакова в качестве идеальной формы организации общества приводится пример крестьянской общины. По мнению автора, эта административно-хозяйственная единица самоуправления наилучшим образом сочетает в себе терпимость и духовное отношение к окружающим. Часть учёных считает, что идеализация коммуны проводилась для скрывания ряда негативных аспектов в обществе. Такая идеализация порой была призвана скрыть в русском крестьянине пассивного человека, который стремится к наживе за счёт другого. Однако К. С. Аксаков уже в XIX веке высказывает мнение, что интолерантный человек не имеет права на толерантное к себе отношение. В своей работе «О современном человеке» философ обращает внимание на то, что членами общества, которое основывается на единстве исповедания, не могут быть те, кто это исповедание нарушает. Если человек нарушает основу общественного союза, его удержание в таком союзе будет означать соглашение с совершаемым нарушением, т.е. отказ от исповедания как нравственной основы. Соответственно, заключает Аксаков, подобный нарушитель подлежит исключению из общества. В этом случае речь идет не об осуждении человеческого достоинства, но об осуждении нарушителя как члена общества [2]. Подобного рода теории отмечаются уже в XX веке в западноевропейской философии. Иначе говоря, в рамках славянофильства Аксаков поднимал проблему границ толерантности и степени ответственности за поведение, недопустимое в рамках конкретного общества. Действенным методом борьбы с таким поведением Аксаков считал общественный суд, деятельность которого должна состоять в общественном порицании и исключении человека из общества и активных социальных взаимодействий. Такое исключение, с одной стороны, не является прямым насилием над человеком, но с другой стороны,

указывает нарушителю норм на тот факт, что его поведение неуместно, неконструктивно, не отвечает существующему принятому общественному порядку. Если такой человек не будет исключен из общества, придётся признать, что утратившим нравственность, т.е. безнравственным, является само общество. Соглашение членов общества с нарушением нравственных основ самого общества есть преступная слабость. В этой связи требуется не осуждение нарушителя от имени отдельных членов общества, но осуждение со стороны общества в целом, т.е. общественный суд. Подобный суд будет судить отступника, того, кто отверг исповедание как нравственную основу общества.

Усиление контактов с западным миром приводило к необходимости все более глубоко и активно осмысливать феномен толерантности. Постоянное взаимодействие с другой культурой, критическое отношение к ней, потребность в расширении экономического и политического сотрудничества – всё это требовало разработки теорий, указывающих на то, к чему следует относиться терпимо, а к чему толерантное отношение применено быть не может.

Ф. М. Достоевского отличало весьма противоречивое отношение к терпимости. С одной стороны, в образе Алёши в «Братьях Карамазовых» Достоевский воплощает терпеливое отношение к миру, ориентируя читателя на добро, истину, кротость. Однако устами Великого инквизитора он говорит о совершенно ином отношении к человеку и миру, о необходимости жёсткого контроля, о том, что человек глуп, ему нужны чёткие ориентиры, которые он может получить только «сверху» – от церкви или от властей. И в этой противоречивости – вся суть отношения русских философов к толерантности. С одной стороны, практически все они признают право на терпимое отношение к Другому. С другой же – практически всегда имеет место оговорка, что терпимость не может быть добродетельна сама по себе. Иначе говоря, рядом с терпимостью русский философ всегда желает видеть нечто

более фундаментальное, то, что будет контролировать терпимость и чему она будет, так или иначе, служить. Отдельного внимания заслуживают дневники писателя, в которых он не столь толерантен, как представляется по образу Алёши в указанном произведении. Так, в дневнике в 1876 году Достоевский написал: «Какая, в самом деле, гуманная и полная просвещённого взгляда тревога! Вы напираете на то, что православный великорус не “единственный, хотя и старший сын России”. Позвольте, что ж это такое? Русская земля принадлежит русским, одним русским, и есть земля русская, и ни клочка в ней нет татарской земли. Татары, бывшие мучители земли русской, на этой земле пришлецы» [60]. Отнюдь не столь терпелив и человеколюбив Достоевский, как это может представиться на первый взгляд. В этом философе сочетаются многие противоречия русской ментальности: готовность к жертвенности, стремление помочь Другому соседствуют порой с нетерпимостью к инакомыслию и другими негативными чертами.

Л. Н. Толстой в рамках своей концепции непротивления злу насилем также затрагивает тему терпимости. Терпимость в учении Л. Н. Толстого тесно связана с идеями смирения и кротости. В конечном счёте умение поступиться своими интересами во имя Другого, возможность возлюбить Другого невозможны без терпимого отношения к нему, без готовности жертвовать чем-то ради него. Толстой по поводу жертвенности отмечает следующее: для того, чтобы отдать собственную жизнь, необходимо в первую очередь отдать излишек, который человек получает от других для собственного блага, и далее определить, кому из людей следует служить собственной жизнью. В первую очередь требуется избавиться от ненависти, от причинения зла, от предпочтения одних людей другим для собственного блага. Терпимость позволяет снизить уровень насилия в мире, которое мешает объединению людей, препятствует диалогу между ними, а значит, и спасению человеческих душ. Напротив, привлечение зла и насилия для борьбы со злом приводит к его укреплению в мире [158]. В этом аспекте присутствует параллель с

толерантностью: чем выше в обществе степень интолерантности, чем ниже в нём степень диалога, тем более такие условия способствуют повышению степени нетерпимости к чужому мнению. Иными словами, как насилие порождает рост насилия, так и интолерантность порождает рост интолерантности. При этом непротивление не есть безразличное, обезличенное отношение к насилию. Так, например, по замечанию А. А. Гусейнова, непротивление представляет собой не только отказ от насилия. Непротивление обладает не нейтральным, но позитивным нравственным содержанием. Основанием любой нравственности является признание священности жизни каждого человека [50]. Такого рода непротивление крайне близко по духу пониманию толерантности как ориентированности на диалог с Другим. Смысл непротивления – в поиске такой формы диалога, в которой возможно разрешить существующие противоречия без насилия над Другим и подавления личного мнения Другого. А такого рода диалог, в свою очередь, немислим без терпимости, без желания в полном смысле понять и принять его позицию и аргументы. Такое непротивление вкупе с терпимостью позволяет должным образом организовать социальную жизнь и социальный порядок, в рамках которого всякий человек может найти своё место.

Одним из крупнейших философов, внесших значительную лепту в исследование толерантности, был В. С. Соловьев [144], [145]. Понятие терпимости он тесно переплетает с понятием терпеливости, что создаёт некоторую терминологическую неопределённость. Однако сам же Соловьев успешно её преодолевает, приводя примеры различных определений терпеливости и терпимости, соотнося их с проявлениями тех или иных душевных сил, особенно указывая, что Добродетелью не является обусловленная апатичностью темперамента, умственной ограниченностью и слабой восприимчивостью способность к тому, чтобы терпеливо переносить страдания – физические и душевные. Подобным же образом он характеризует и иные виды терпеливости, однако терпимость – аналог толерантности в его

философии – философ отмечает и анализирует особым образом. Сам Соловьев замечает категориальные проблемы русского языка, связанные с анализом терпимости и толерантности, говоря о том, что в русском языке понятие «терпимость» ошибочно используется для того, чтобы именовать особую разновидность терпеливости, а именно допущение чужой свободы. Данное отношение, свойство не может оцениваться позитивно или негативно, в качестве добродетели или порока, поскольку его оценка варьируется в зависимости от ряда факторов, в т.ч. от предмета (например, терпимым не может быть злодейство сильного в отношении слабого, и в этой связи терпимость в отношении подобного злодейства будет безнравственной). Основным же фактором являются внутренние мотивы. Мотивы терпимости могут быть многообразными: равнодушие к победе высшей истины, и уверенность в подобной победе, и пренебрежение правами и благом других, и уважение к ним, и малодушие, и великодушие [144]. Такая терпимость тесно связана с этическими моментами и так же, как и у предыдущих авторов, требует чётко установленных границ. Однако специфика подхода Соловьева состоит в том, что границы должны быть установлены исходя не из внешних, материальных интересов, а из интересов добродетели, морали, стремления к истине и добру. Здесь чётко проявляется одна из характерных черт русской философии – стремление к фундаментальному освоению предмета и ориентация на глубинные моральные ценности и богоугодность. Терпимость в учении Соловьева не только и не столько служит порядку социальному, сколько важна для установления добра, гармонии и истины во всем мире. Именно этой цели в глобальном масштабе служит и вся философия всеединства, поэтому терпимость, основанная на нравственных началах, на великодушии, уважении прав Другого, ориентации его на истину и помощь в её достижении, должна стать важной частью такой философии. Именно терпимость и право на безопасность, по мнению Соловьева, должны стать основой как законодательства, так и философии права. Говоря о соотношении

прав трёх сторон: общества, преступника и потерпевшего, – он отмечает, что терпящий от преступления обладает правом на защиту и, если это возможно, на вознаграждение. Общество обладает правом на безопасность. Совершивший преступление обладает правом на то, чтобы быть вразумлённым и исправиться. В рамках борьбы с преступлениями в соответствии с нравственным началом необходимо равномерно осуществлять все три указанных права. Именно терпимое отношение к личности преступника, определённая жалость к нему могут позволить обществу не просто наказать [102] его, но и вразумить, перевоспитать такого человека. С другой же стороны, общество, как справедливо замечает философ, не может быть терпимо к факту преступления как таковому. И подобная диалектика найдет отражение в западной философии права XX–XXI веков. Соловьев в своей работе, пусть и скорее в моральном и религиозном ключе, предвосхищает современные дискуссии о роли толерантности в философии права, в пенитенциарной системе. Итак, терпимость в рамках философии В. С. Соловьева имеет как этическое, так и правовое значение. Толерантность в его учении тесно связана с мотивами деятельности человека, и потому если она ориентирована на истину и способствует её достижению, то толерантность есть добродетель, если же она проявляет себя как безразличное отношение к Другому, простое невмешательство в его деятельность, то она уже есть безнравственность.

Продолжает линию разделения различных видов толерантности Н. А. Бердяев. В своей работе «О фанатизме, ортодоксии и истине» [17] он указывает на то, что нетерпимость есть источник фанатизма, ревности, которую он понимает как психоз, мешающий адекватному и полноценному восприятию окружающего мира. Таким образом, большинство злодеяний, совершающихся в мире, проистекает из нетерпимости, которая вместе со страхом порождает фанатизм. Следовательно, именно в терпимости, но особого рода, мы можем найти средство от ложной фанатичности, «ложного

выбора и ложного деления» [17]. Именно такие последствия фанатизма и нетерпимости указывает Бердяев в своём труде, причём с течением времени, с изменением исторических условий их проявления также трансформируются. Исследуемая работа Бердяева была издана в 1937 году, то есть незадолго до начала Второй мировой войны. Бердяев, живший тогда в Париже, чутко улавливал накапливающееся в мировом сообществе напряжение, пытался осмыслить роль терпимости в политическом и метафизическом смысле. В его понимании нетерпимость, как и у В. С. Соловьева, является преградой на пути к достижению и становлению истины. Так, Бердяев отмечает, что спор сопровождается терпимостью и наиболее непримиримый спорщик является терпимым, поскольку он допускает, что могут существовать соображения, позиции, отличные от его собственных, и истина может родиться в процессе противоборства различных идей [17]. При этом сама терпимость не столь однозначна, как может показаться на первый взгляд. Н. А. Бердяев указывает, что терпимость непременно должна служить интересам Другого, без этого она не является добродетелью. Как пишет сам Бердяев, терпимость есть сложное явление. Она может быть обусловлена отсутствием способности различать добро и зло, равнодушием к истине, безразличием. Подобная либеральная терпимость не является противоположностью фанатизма. Глубокая приверженность идее, истине, свободе может существовать в случае внимания к человеку, к поиску истины. По мнению Бердяева, отношение к фанатизму и нетерпимости может быть исключительно нетерпимым. Как мы можем заметить, Бердяев формулирует идею отсутствия права на толерантное отношение у субъекта интолерантности, чем во многом опережает западные теории конца XX века. К сожалению, полноценной теории терпимости как отдельного элемента своей философской системы Н. А. Бердяев не представил. Однако содержащиеся в работах мыслителя элементы таковой теории позволяют нам выстроить общее представление о роли терпимости в рамках его философского дискурса.

Н. Ф. Федоров в своей «философии общего дела» также развивал идеи необходимости терпимого отношения к Другому. Философ негативно относился к интолерантному отношению к людям, обозначая его категорией «небратское». В свою очередь «братское», то есть терпимое отношение к другим людям является в его философской системе основанием для формирования целостного человечества, задачей которого является осуществление того самого «общего дела». Суть общего дела в том, чтобы прийти к новому качественному состоянию мира, которое Федоров описывает следующим образом: «Всё будет родное, а не чужое; и, тем не менее, для всех откроется ширь, высь и глубь необъятная, но не подавляющая, не ужасающая, а способная удовлетворить безграничное желание, жизнь беспредельную, которая так пугает нынешнее истощённое, болезненное, буддийствующее поколение» [166, с. 352]. Призыв к родному, братскому отношению есть сердцевина, самая суть философии Федорова, без такого отношения переход к новому миру принципиально невозможен. При этом Федоров, продолжая рассуждать о братстве и терпимости, как и его предшественники, делает акцент на необходимости деятельной терпимости, ориентированной на сотрудничество с Другим, привлечение его к построению нового общества и работе над воскрешением мёртвых отцов, приближением «рая поюстороннего». О терпимости же как безразличии философ вопрошает: «Терпимость, говорящая, что все религии истинны, показывает полнейшее равнодушие, т.е. признает ненужность религии. Возможно ли допустить культ вещей, природы, которые должны быть лишь средствами воскрешения предков?» [165]. Таким образом, терпимость в философии Федорова имеет два аспекта: первый из них указывает на необходимость братского отношения к Другому, установления социальной гармонии, однако второй аспект указывает на то, что такая терпимость может носить только деятельный и обоюдный характер. Необходимо, чтобы иноверец, представитель другой, нехристианской культуры принял содержащиеся в христианстве императивы.

А такое требование уже не является толерантным, поскольку ставит участников диалога в неравные условия. Тем не менее разработки Федорова показывают, что терпимое отношение к Другому, в конечном счёте, является необходимым условием построения гармоничного общества. При этом, как и у предыдущих философов, такое общество имеет ценность не в самом себе, а в том, что оно способствует достижению высших, метафизических целей.

Завершая параграф, можно подвести следующие **итоги**. Исследование развития идей толерантности в разных странах показывает, что в рамках европейской культуры толерантность эволюционировала, занимая всё более значимое место в структуре ценностей.

Значимы и исследования толерантности отечественными учёными. Несмотря на то что эта тема не была центральной в их трудах, следует отметить, что некоторые положения, выдвинутые в рамках русской философии, были высказаны раньше, чем в трудах европейских философов. Однако перенос акцентов на другие темы не позволил русской философии захватить лидерство в вопросе изучения толерантности.

Трудами европейских философов XVIII–XIX веков была подготовлена почва для становления толерантности как ведущей ценности XX и XXI веков, а также для современных её исследований и интерпретаций. С развитием гражданского общества, рыночных экономических отношений, а также становлением либеральной идеологии в качестве господствующей происходит необходимое переосмысление толерантности [220]. Данный процесс имеет как позитивные, так и негативные характеристики. С одной стороны, он позволил расширить пространство личной свободы [148], наилучшим образом адаптировать социум к ускорению темпов коммуникации, с другой же стороны, привел к началу развития деформационных процессов толерантности, её отчуждению. Эти тенденции особенно ярко проявят себя в конце XX и в XXI веке в современной философской мысли, затронув многие социальные институты и процессы.

§ 2. Определение понятия «толерантность» в современной философской парадигме

Развитие социальных отношений, усложнение социальной структуры требовало осмысления со стороны философии, которая пыталась дать ответы на вызовы новой эпохи. Происходит попытка синтезировать наработки прежних эпох, предложив новые, адекватные современности решения назревших проблем и обострившихся общественных противоречий.

Одними из первых, кто попытался сблизить капиталистические и социалистические учения, были представители Франкфуртской школы, в частности Г. Маркузе [104], Т. Адорно [1] и М. Хоркхаймер [184]. Так, Маркузе в своих работах «Эрос и цивилизация» и «Репрессивная толерантность» выступает с критическим анализом толерантности, границы которой, по его мнению, расширились сверх всякой меры, из-за чего она перестаёт выполнять возложенные на неё функции. Маркузе отмечает, что подобная толерантность лишь способствует гнёту тирании большинства, против которого протестуют истинные либералы. Толерантность в её политическом содержании претерпела трансформацию – она утратила статус принципа оппозиции, стала принципом власти и в этой связи приобрела характер формы поведения в отношении официальной политики, являющейся обязательной. Толерантность утратила активное, практическое начало и из деятельности превратилась в бездеятельность [104]. Гипертрофированное расширение роли толерантности тесно увязывается с проблемами проекта модерна и чрезмерной роли разума в эпоху модерна. В рамках Франкфуртской школы, таким образом, проявляется критическое отношение к толерантности и интуитивное понимание того, что толерантность начинает испытывать влияние деформационных процессов, которые в скором времени захлестнут практически все политические и социальные институты. Произошедшее во многом может быть объяснено чрезмерным расширением границ применения

толерантности. Следствием такого положения дел стала, во-первых, неспособность толерантности исполнять свои функции, а во-вторых, стали появляться перегибы, которые были ориентированы на сохранение роли толерантности, но не на служение обществу. А. В. Мичурин [111] полагает, что в качестве условия подлинной толерантности должно выступать автономное мышление. Подобное мышление должно отличать зло от добра, несправедливое от справедливого, ложное от истинного. Толерантность, по мнению исследователя, должна основываться на отказе от насилия как средства решения проблем.

Данная проблема особенно чётко прорисовывается к концу XX века, когда в западных странах «перегибы» с толерантностью и её применением ко всем сторонам общественной жизни достигнут своего апогея, что проявится, в частности, в правовой сфере. Так, известны примеры отказа от слов «мать» и «отец»; отказа от признания пола ребёнка, дабы он сам выбирал, какого он пола/гендера; масса юридических прецедентов, в которых приговор выносится во имя гипертрофированной и деформированной толерантности, уже отчуждённой от своей истинной сущности. Однако всё это будет несколько позднее, и работа Маркузе даёт верный прогноз относительно возможных последствий перегибов в области толерантности.

Соратник Маркузе по Франкфуртской школе Т. Адорно в продолжение дискурса о роли толерантности в современном мире выделял тенденцию к формированию авторитарных личностей, которые не способны к критическому мышлению, должному восприятию европейских ценностей, вчувствованию, то есть эмпатии [1]. Напротив, в ходе трансформации ценностей складывается образец циничной, деструктивной, деспотичной личности, которая стремится к подавлению инакомыслия, причём при помощи обращения к идеям толерантности и свободы. Здесь снова обнаруживается подтверждение тезиса об отчуждении толерантности, о превращении её в орудие принуждения и самоцель. Мало того, в условиях капиталистических отношений мы

сталкиваемся не столько с самой толерантностью, сколько с некой «игрой в толерантность». Такая игра нужна для привлечения как можно большего количества клиентов, потребителей, а в политической сфере – для обретения сторонников своих идей, увеличения электората. Таким образом, происходит деструкция, деформация системы классических европейских ценностей, а вместе с ней во многом и европейской культуры как таковой и, используя категории Шпенглера [192], её переход к стадии цивилизации. По мнению Г. А. Борисовой [23], говорящей о разработке проблематики социальной деструкции в рамках Франкфуртской школы, оценка деструкции с точки зрения прогрессивного развития является однозначно негативной. В то же время деструкция на уровне социальных групп является относительной. В этой связи её следует рассматривать как присущее любой социальной системе свойство. Деструкция необходима для исторического развития, поскольку способствует обновлению общества.

Расширение поля личной свободы, появление и развитие республиканской формы правления в европейских странах привело к развитию утилитаристских и либертариистских концепций толерантности. Джон Стюарт Милль, один из классиков философской мысли, в своём эссе «О свободе» [109] указывает на необходимость перехода от приоритета коллективного интереса к приоритету личной свободы. Это делает возможным такое устройство правовых систем, при которых границы допустимого, разрешённого поведения будут существенно расширены. Такое расширение требует толерантного отношения к Другому, признания в нём равного себе субъекта, и именно в этом заметно значимое отличие от классического, первоначального осмысления толерантности. Если изначально толерантность была ориентирована на безразличное отношение к Другому, то уже после Канта набирает силу тенденция к заинтересованному, конструктивному отношению к Другому. Милль пытается согласовать необходимость общественного контроля и расширения поля личной свободы, и эта задача требует

переосмысления границ толерантности. Стюарт Милль максимизирует уровень толерантного отношения, указывая, что общественный контроль должен лишь препятствовать нанесению вреда Другому, не вмешиваясь в области частной жизни и морали. Рассуждая в данном контексте, он приходит к выводу о том, что ранее существовавшие общества полагали возможным осуществлять детальную регламентацию частной жизни. Подобное стремление основывалось на убеждении, что в небольших государствах, находящихся под угрозой мятежей и вторжений извне, невозможно и в мирное время допускать какую-либо свободу. Современный мир – мир масштабных государств – исключает возможность подобной регламентации частной жизни граждан посредством установленных государством нормативных велений. Однако сегодня моральные санкции за несоответствие доминирующему мнению являются ещё более строгими.

Вместе с тем право на толерантное к себе отношение следует «заслужить», то есть быть достаточно образованным человеком, чтобы иметь возможность реализовать толерантность во благо себе и обществу. Складывается своеобразная картина: с одной стороны, границы толерантности расширяются, позволяя личности наиболее полно реализовать свои проекты, но с другой стороны, такое право должно быть заслужено, нужно быть признанным «достойным». Это и является во многом уязвимым местом теории Милля: неясно, кто, на каких основаниях может принимать решение о достойности или недостойности той или иной личности, поведения. Толерантность, следовательно, принадлежит не всякому человеку, а лишь определённому типу людей. Именно в подобном делении возможно усмотреть основания современной тенденции деформации толерантности. Разделение людей на «достойных» и «недостойных» приводит к тому, что становятся возможными тоталитаризм, деспотия – словом, всё то, против чего и восстают утилитаристские и либертарианские концепции. Мы можем согласиться с мнением Милля, согласно которому общество сегодня не налагает строгих

санкций за мысли, идеи. Однако давление общества заставляет или скрывать их, или не распространять. Общественное мнение в подобных условиях сохраняет доминирующее положение, и это доминирующее положение сохраняется без запрета на свободу мысли, без наложения строгих санкций и наказания кого-либо [109, с. 15].

Итак, утилитарная концепция толерантности значительно расширила границы толерантности, особенно для образованных и законопослушных личностей. Это позитивно сказалось на степени свободомыслия и свободы творчества в обществе, что позволило творческим людям наиболее полно реализовывать свой потенциал. Однако при всех своих преимуществах данная концепция имеет и оборотную сторону. Суть её состоит в разделении общества на «белую и черную кость», что делает толерантность нетолерантной по отношению к некоторым слоям общества. Это вызывает закономерные вопросы, поскольку толерантность в известном смысле превращается в «элитарную» ценность, доступную не всем. Подобное разделение во многом способствовало последующей деформации толерантности, поскольку оно предопределяло необходимость «заслужить» толерантное отношение к себе, что противоречит исходному смыслу толерантности. Таким образом, расширение границ толерантности позволило разнообразить возможности для самореализации творческих личностей, однако одновременно с этим внесло значительные изменения в трактовку самой сущности толерантности, став одной из причин её последующей деформации. Вместе с тем важно понимать, что эти изменения были продиктованы ускорением темпов коммуникации, изменениями социальной структуры общества, его либерализацией, а также комплексными изменениями в культуре.

Либертарианская концепция пытается противостоять утилитаристским стремлениям к «механизации» человеческого бытия, попытке свести его к сумме преимуществ и недостатков. Либертарианцы стремятся подчеркнуть особое, творческое и свободное начало в человеке. Джон Ролз, будучи

продолжателем традиций Локка, тем не менее переосмысляет концепцию общественного договора в сторону гипотетического выбора, вводя так называемую «теорию игр». Это позволяет сделать толерантность основанием социального устройства общества. Разрабатывая свою теорию справедливости, Ролз разворачивает её так, что справедливость тесно переплетается с толерантностью. Его подход к справедливости требует наличия доступа к равным возможностям для разных социальных групп.

Как мы видим из хода истории, многие положения философии Ролза легли в основу политико-правовой системы современного мира. Однако, несмотря на практически полное снятие ограничений для возможностей реализации, границы толерантности определяются, тем не менее, через категорию здравого смысла. Именно наличие данной категории является одним из слабых мест теории Ролза [216]. Дело в том, что здравый смысл – категория достаточно умозрительная, но именно она выступает в качестве основания гипотетического договора в системе Ролза.

Однако на этот счёт имеются определённые возражения. В частности, мы можем отметить, что люди, склонные к азарту, способны «рискнуть», то есть попытаться выбрать такой вариант, при котором преимущества одних и угнетённое состояние других будет носить более выраженный характер. Такой рискованный выбор будет обусловлен желанием попасть в привилегированную группу. Аналогичным образом может сложиться ситуация с выбором и установлением границ толерантности, особенно в кризисных обществах. Подобные общества можно охарактеризовать как общества с пониженным здравым смыслом, что в условиях медиадискурса [102] способно вызвать как чрезмерное снижение применения толерантности, так и, напротив, абсолютное её расширение. В последнем случае общество не способно адекватно реагировать на маргинальные идеи [191] и стремления социальных групп, что может усугубить кризис. Оно подобно человеку со сниженным иммунитетом, пропускающим слишком много бактерий. Следствием

подобного социального устройства станет такая ситуация, когда будет проявляться интолерантность к толерантным лицам: они будут притесняться, узурпироваться преступными и маргинальными лицами. Такое положение дел можно назвать «отчуждением толерантности». Толерантное отношение оборачивается против носителей толерантности, что приводит к негативному к ней отношению и деформации толерантности под влиянием общественного мнения и научных теорий, опровергающих её значимость.

Несколько иную трактовку толерантности предлагает Роберт Нозик [117]. Будучи также сторонником либерализма, Нозик стремится максимально расширить поле социальной и личной свободы человека. Не будет преувеличением сказать, что социальная концепция Нозика являет собой одну из самых крайних либеральных позиций. Философ пытается максимизировать личные права человека, что налагает на личность особую ответственность за принятые решения. Для Нозика ядром социальной структуры является именно свободная и ответственная личность, а вовсе не государство, политические партии или иные социальные институты. Можно сказать, что государство, с точки зрения Нозика, создаётся свободно, как факт волеизъявления автономных личностей, причём государству делегируется минимальное количество прав и полномочий, которые необходимы сугубо для помощи в реализации гражданами своих экономических и юридических прав и защиты естественных прав. Для консолидации такого государства и общества требуется толерантное, свободное отношение личностей и социальных групп друг к другу, в идеале ориентированное на сотрудничество. Тем не менее, согласно концепции этого философа, будет достаточно простого уважительного отношения к правам Другого и должного исполнения своих обязанностей. Это обуславливается тем, что нельзя «требовать» чего бы то ни было от свободных и автономных личностей, кроме соблюдения правовых норм, которые также в значительной степени ограничены вышеуказанной свободой.

Принципиальным становится вопрос об оправдании существования государства, что Нозик делает весьма элегантно – путем разведения понятий минимального и ультраминимального государства. В этом аспекте заметна роль толерантности во взаимоотношениях личности и государства: государство обязано быть толерантным по отношению к личности до тех пор, пока личность не станет вести себя интолерантно по отношению к государству и иным людям – нарушая закон, не соблюдая общественный порядок. В этом плане государство оказывается продуктом деятельности свободных граждан, желающих толерантности и возможности самореализоваться и отдающих государству роль лишь «ночного сторожа», изначально в равной степени толерантного ко всем социальным группам. Вместе с тем столь широко установленные границы толерантности могут вызвать общественные волнения, спровоцировать махинации с правом и злоупотребления личной свободой. Такое положение дел потребует более жёсткой и интолерантной реакции, что способно чрезмерно ограничить свободу. Таким образом, мы вновь приходим к выводу о том, что толерантность с усложнением социальной структуры, развитием капиталистических, рыночных отношений сталкивается с необходимостью предъявлять требования к носителям толерантности, что приводит к её трансформации и деформации.

В свою очередь Рональд Дворкин [53], [54] исходит из позиций «либерального равенства», причём равенство носит априорный характер, а общественный договор, или же «ситуация неведения» Ролза, является лишь вспомогательным, хотя и важным фактором для перехода из потенциального состояния морали в актуальное. Помимо понятия равенства в концепции Дворкина важнейшее место занимают категории «забота» и «уважение», право на которые имеет каждый гражданин. Для реализации естественных прав, а также права на заботу и уважение Р. Дворкин предлагает ввести особый тип прав и специальный вид социальных институтов для обеспечения исполнения этих прав. Данный тип прав он обозначает как «права-козыри» и, таким

образом, наделяет их абсолютным значением на шкале гражданских и политических прав. Именно они призваны защитить общество, призвать власть [149] и граждан быть толерантными друг к другу. Благодаря этим правам граждане, находящиеся в позиции меньшинства, способны избежать тотализирующего влияния общества и большинства, сохраняя тем самым свою свободу и реализуя право на собственное мнение. Это и есть реализация толерантности в её современной интерпретации. Кроме того, Дворкин, в отличие от Нозика, стремится через такие права гарантировать минимальную социальную защищённость, поддержать деятельность социального государства: Дворкин в этой связи полагает, что, вероятно, наиболее оптимальным для либерала решением будет являться система прав на соцобеспечение, средства для которого формируются за счёт налогообложения наследства и перераспределения доходов [54, с. 88]. Подобная система обеспечит возможность осуществлять страхование каждого и справедливо перераспределять ресурсы тем, кто в непредвиденных условиях утратил возможности, необходимые для достойного существования. В результате уверенность граждан возрастёт, а чувство уверенности и защищённости позволяет быть более толерантным, смотреть на Другого не как на соперника в борьбе за выживание, а через призму сотрудничества, уважения. В этом аспекте заметен отход от крайних либертарианских позиций, в которых роль государства сведена к минимуму [53]. Вместе с тем в реальном мире подобная модель намного жизнеспособнее чисто либерального концепта, ориентированного на минимизацию роли государства, развитие чистой, свободной и жёсткой конкуренции. Такая конкуренция, несмотря на все свои преимущества, снижает толерантность, убивает в человеке всё возвышенное, заставляя руководствоваться лишь холодным расчётом, что приводит к деформации личности человека, культуры в целом.

Попытку синтезировать, слить воедино либеральные и социалистические взгляды предпринимает такое социально-философское направление, как

коммунитаризм. Основой данного течения является признание высшей ценностью общины как совокупности личностей и их социальных взаимодействий. Коммунитаризм старается сохранять принцип ценностной нейтральности, не отдавая предпочтения ни левым, ни правым идеям, указывая как на необходимость сохранения прав личности, так и на высшую ценность общественных ценностей, лежащих в основе социальных взаимодействий личности. Таким образом, даже некие «жертвы», на которые приходится идти личности, в конечном счёте служат её интересам, поскольку она является равноправным членом общины и пользуется привилегиями наравне со всеми, при этом сохраняя свою автономность. Исходя из вышесказанного отметим, что ценности в рамках коммунитаризма подвергаются тщательному анализу. При этом сами представители коммунитаризма отмечали, что полное достижение ценностной нейтральности невозможно и мы всегда обусловлены нашим культурным и историческим опытом.

Следует заметить, что зачастую коммунитаризм противопоставляется либерализму. Как пишет Г. Ю. Канарш [78], коммунитаризм представляет собой появившееся в восьмидесятых годах прошлого века в Великобритании и США течение политической философии. Его появление стало реакцией на распространение современных либеральных концепций. Коммунитаристы, возглавляемые известными философами: А. Макинтайром [101], М. Уолцером [164], Ч. Тейлором [150], [151] и другими, – полагают, что первичным является сообщество (community), понимаемое определённым образом, а не отвлечённые права и индивидуальная свобода [77].

Однако, несмотря на критику эгоистичности либерализма, коммунитаризм заимствует у него положения, касающиеся прав личности. Это заметно, в частности, в работах Маккинтайра [101], где отмечается возможность переформулирования либеральных идей на язык перфекционизма и коммунитаризма через категорию заслуг. Критика же

коммунитаризмом либерализма связана с тем, что крайний индивидуализм ведёт общество к утрате единства, искажению ценностей и, в конечном счёте, к деформации всего общественного порядка.

Идеи коммунитаризма тесно соприкасаются с положениями другого философского течения – перфекционизма, одним из виднейших представителей которого является Марта Нуссбаум – известный американский философ XX века, сторонница развития космополитизма [55]. Так, по её мнению, развитие толерантности тесно переплетено с развитием гуманитарного образования и воспитанием новых идентичностей у подрастающего поколения. Толерантность должна быть понята не как обезличенное и равное отношение к отдельным и разнообразным культурам, но как процесс воспитания человека, связанный с изучением культур, погружением в них [118].

Здесь перед нами встаёт проблема возможности полноценного понимания другой культуры – эмпатии [222]. Нуссбаум в своей работе «Патриотизм и космополитизм» указывает на необходимость, наряду со знанием собственной истории и текущего состояния собственной нации, иметь представление о жизни остального мира, о проблемах, достижениях, истории других стран. В этой связи она задаётся вопросом, существует ли у других народов, в частности американцев, необходимость знать лишь то, что у граждан Индии имеются основные права человека, или им необходимо знать о проблемах, связанных с загрязнением природной среды и голодом в данном государстве, и о том, что данные проблемы представляют собой составную часть экологических проблем, проблем голода, имеющих глобальный характер. Необходимо ли учить людей тому, что они в первую очередь – граждане США, или им требуется в приоритетном порядке прививать осознание того, что они являются гражданами мира и что они живут в мире, где живут и граждане иных государств [118, с. 112]? Нуссбаум указывает на противоречие между интересами национальной идентичности, лежащей в

основе патриотизма, и толерантностью, требующей познания и признания важности иных культур. Тем не менее гармоничное сосуществование двух данных феноменов необходимо для успешного развития общества, солидарности и консолидации сил внутри него.

Политические границы сами по себе не должны служить основанием для деструктивного и агрессивного отношения к другим людям, хотя, безусловно, отрицать роль столкновения экономических и политических интересов разных стран не представляется возможным. При этом такое столкновение не должно приводить к ксенофобии по отношению к отдельным гражданам, влиять на отношения между простыми людьми, на оценку культурных феноменов. Следует стремиться к «изоляции» конфликтов, их локализации, а не к их расширению, распространению на все сферы общества. Следовательно, несмотря на критику либерального подхода к обществу, Нуссбаум достаточно позитивно относится к идеям толерантности, говоря о том, что именно толерантное отношение к Другому способно стать основой современного гуманитарного образования, которое и является ключом к гармонизации и стабилизации общественных отношений как в отдельной стране, так и в глобальном мире в целом. Сама Марта Нуссбаум выражает убежденность, что в связи с отсутствием стремления к более широкому ознакомлению с миром в рамках системы образования утрачивается уважение к другим культурам в рамках самой нации [118, с. 117]. Это является необходимым условием воспитания подлинного патриотизма [195], а также организации межкультурной коммуникации, которая не должна прерываться даже в условиях политических и экономических кризисов. Уважение к другим нациям и культурам невозможно представить без уважения внутри самой нации, без понимания необходимости сотрудничества разных национальностей [213] во имя общего дела. Разработка и систематизация ценностных систем, лежащих в основании как каждого конкретного сообщества (национального, культурного, религиозного), так и всей

социальной системы, немислима без учёта требований толерантности как заинтересованности в сотрудничестве с Другим. Потому коммунитаризм как социально-философское направление, основывающееся на том, что ценности и добродетели составляют основу всякого сообщества, и нуждается в толерантности, которая позволяет выстроить вышеуказанные системы максимально гармоничным образом и без ущемления прав каких-либо социальных групп.

Одним из виднейших представителей коммунитаризма является Ч. Тейлор. Толерантность в его исследованиях занимает одно из центральных мест. Как и все сторонники коммунитаризма, Тейлор предпочитает системный подход к анализу общества, порой даже переходящий в чистый холизм. Ставя ценности сообщества выше ценностей атомизированного индивида, философ указывает, что всякий индивид с необходимостью сталкивается с воздействием на него сообщества и потому не может полностью «атомизироваться», отделиться от общества. На этом базируется полемика Тейлора с представителями либерализма и неолиберализма, работы которых мы рассматривали ранее. Как отмечает Тейлор в одной из своих основополагающих работ [150], вопросы отстаиваемых позиций касаются нравственных принципов или приемлемой политики. Существуют многообразные подходы. Крайние точки представлены приоритетом коллектива и интересов общества, с одной стороны, и приоритетом индивида, его свобод и прав – с другой. Данные позиции могут быть определены как коллективистская и индивидуалистская.

Первый полюс представлен хунвейбинами и Энвером Ходжи, второй – политическими либералами, Фридменом, Нозиком. Если человек не является строгим приверженцем тех или иных жёстких идеологических установок, он занимает серединную, умеренную позицию. При этом продолжают сохраняться значимые различия тех, кто испытывает убеждённость в необходимости для демократического общества единого определения жизни,

соответствующего критерию добродетельности, и либералов типа Дворкина, убеждённых в необходимости нейтралитета государства в отношении концепций добродетельной жизни индивидов.

Как и М. Нуссбаум, Тейлор не обходит стороной вопрос о соотношении патриотизма и космополитизма, традиционализма и мультикультурализма [151]. Для него ценности и добродетели различных культур и народов, сталкивающиеся в рамках конкретного государства, требуют урегулирования и надлежащего диалога друг с другом. Такой диалог не представляется возможным в обществе интолерантном, поэтому при организации диалога не обойтись без категориальной разработки данной категории. Вместе с тем особенность коммунитаризма в том, что ценность в его рамках выступает в роли консолидатора всякого сообщества, а значит, необходимым условием является гармоничное соединение таких противоположных по своей сути феноменов, как идентичность [201] и толерантность. Именно благодаря им граждане способны сформировать полноценное сообщество, которое может выступать как основа гражданского общества или же как одна из вариаций проявления такового. Государство в данном случае должно обеспечить установление чётких правовых критериев и рамок деятельности такого сообщества, а также нормы взаимодействия с теми, кто по тем или иным причинам (религиозным, национальным и т.д.) не смог или не захотел войти в такое сообщество.

Как справедливо отмечает Э. Гидденс в отношении мультикультурализма, указанная категория много лет использовалась некорректно и в этой связи отягощена избыточными смыслами. Мультикультурализм [139] должен быть комплексной концепцией с обширным потенциалом, но вместо этого он понимается в качестве «мультикультурализма без запретов» («пусть расцветают тысячи цветов») [38, с. 155].

Также исследователь обращает внимание на трансформацию социальной реальности ввиду глобализационных процессов. Это разделение на «до» и «после» глобализации [48] привело к тому, что термины значительно устарели, стали непригодны для использования в том смысле, в котором они изначально изобретались.

Мы можем экстраполировать данный вывод на иные феномены, переживающие сегодня деформационные и трансформационные процессы: идеологию [198], идентичность, толерантность и многие другие классические социальные институты. Переход к обществу риска, которое Гидденс определял как «общество больших возможностей и серьезных рисков» [38, с. 156], привел к появлению «интеркультуры». Это феномен, отражающий ситуацию, при которой даже локальные проявления являются отражением глобальных процессов и способствуют ускорению и углублению глобализации. По-видимому, вышеуказанные изменения понимания мультикультурализма [129], [134] тесно переплетены с деформацией толерантности, которая была теоретически осмыслена задолго до начала глобализационных процессов [120]. Именно поэтому давление на толерантность столь велико, столь часто слышны высказывания о необходимости отказа от неё, утверждения о её «ложности», «надуманности». Такое наступление на толерантность и трансформация окружающих социальных феноменов привели к тому, что сегодня мы имеем дело не столько с самой толерантностью, сколько с искажённым представлением о ней. Именно поэтому столь велико значение теоретического переосмысления толерантности, её адаптации к новым социальным условиям существования и обеспечения новых социальных коммуникаций между толерантностью и другими социальными институтами.

Парадоксальным образом деформация толерантности началась именно в том момент, когда потребность в толерантности в обществе возросла. Трудовая миграция вкупе с вышеуказанными глобализационными процессами перенесли проблему толерантности из теоретической в практическую

плоскость. Ч. Тейлор [151] отмечает, что применительно к обществам, основанным на национальной культуре, процедурная либеральная модель неприменима. Причина состоит в отсутствии возможности провозглашения нейтральности в отношении всех определений достойной жизни. Так, общество канадской провинции Квебек не в состоянии этого сделать в силу того, что ориентировано на развитие французской культуры, французского языка, и с этой целью там введён ряд ограничений в отношении свободы личности. Культурно-лингвистическая ориентация не является для него безразличной. Если бы правительство игнорировало подобное требование, налицо было бы несоответствие его позиции мнению большинства жителей или же это являлось бы свидетельством деморализации общества, утратившего преданность патриотическим ценностям. И в первом, и во втором случаях либеральная демократия имела бы весьма неблагоприятные перспективы.

Либеральная идеология занимает сегодня доминирующую позицию в мире, поэтому сложившееся положение дел едва ли предлагает нам оптимистичные прогнозы относительно социальной стабильности и порядка. Здесь, правда, следует учитывать, что под неолиберализмом сегодня порой понимаются довольно разные его воплощения – например, либерализм в США, Бразилии и России, очевидно, имеет различные конфигурации. Однако даже при этом имела место ориентация на либеральные ценности при формировании системы международного и национального права, основных социальных институтов, поэтому кризис либерализма, свободы, толерантности способен привести к социальному коллапсу. В. В. Миронов [110] полагает, что распространённая в политическом дискурсе трактовка толерантности является декларативной, и в этой связи её навязывание может привести к результатам, полностью противоположным желаемым. Ярким примером подобного развития событий является миграционный кризис в Европе. Общество нуждается в общих ценностях, однако конструирование системы подобных ценностей не должно наносить ущерба ценностям, присущим национальным

культурам. В подобном же конструктивном ключе рассуждал и Тейлор на примере канадского Квебека, говоря о том, что нельзя пренебрегать интересами национального большинства, поскольку в таком случае будет иметь место «позитивная дискриминация». И, как видно на примере Европы, такая дискриминация приводит к росту социального напряжения, к выражению интолерантности по отношению к лицам, проявляющим толерантность [110, с. 29]. Таким образом, концепция Ч. Тейлора отразила основные сложности существующего общественного устройства, которые вместе с кризисными явлениями в различных социальных институтах усилили свой негативный потенциал. Парадоксальным образом в обществе, испытывающем потребность в новой, переосмысленной толерантности, возникает критика толерантности, вплоть до требований отказа от неё.

В частности, С. Жижек [224] указывает на то, что толерантность, как правило, не решает поставленных перед ней проблем, но лишь маскирует, переформулирует их, стремится перевести их из категории «проблемы» в категории «вопросы», «недопонимание» и т.д. При анализе концепции данного философа нужно учитывать, что он весьма вольно интерпретирует толерантность, фактически переворачивая её классические оценки, доводя до предела основные характеристики данного феномена. Вместо терпимости, например, он выдвигает идею подавления, вместо сближения противостоящих культур – их полное отчуждение и т.д. Безусловно, данная методологическая особенность рассуждений Жижека предопределяет специфику анализа результатов его научных трудов. Так, в рамках своей работы, говоря о соотношении объективных и субъективных источников насилия, он приходит к парадоксальному выводу: фундаменталист с приступами агрессии и либеральный коммунист, пытающийся бороться с насилием, представляют собой два внешних проявления единой сущности. Либеральные коммунисты против субъективного насилия, в то же время они являются проводниками структурного насилия, обуславливающего взрывы субъективного насилия.

В частности, в современном мире, с учётом роста контактов с исламским миром, возникает следующий парадоксальный вопрос: «Насколько далеко должна распространяться терпимость в отношении нетерпимости, проявляемой другими?» [74]. Решением такого парадокса является чёткое разделение понятий и выработка особого языка, на котором возможно рассуждать о подобных конфликтных ситуациях. Такой язык должен быть понятен как в рамках христианской и либеральной культуры, так и в рамках иных, нехристианских культур. Только таким образом, имея некое общее поле дискурса, представляется возможным воплотить толерантность в жизнь, придать ей «второе дыхание», возможность действовать в новых, изменённых социокультурных условиях. Иначе вполне может воплотиться в жизнь мрачная перспектива, обозначенная Жижекком: «Очевидна ограниченность всех либеральных политкорректных клише, согласно которым свобода есть ответственность, и возможность злоупотребления ею исключается; карикатуры на пророка носили оскорбительный характер, но насилие в ответ на них допускать нельзя. Свобода, таким образом, предоставляется с условием невозможности ею воспользоваться» [65]. И подобные проявления мы сегодня можем наблюдать в современном мире, когда проблемы, вместо того чтобы решаться, замалчиваются или, напротив, «забалтываются», размываются терминами, работой комиссий, составлением протоколов и т.п. При этом интолерантные субъекты зачастую получают необоснованное преимущество, поскольку, сами не считаясь с интересами других, они в полной мере получают бонусы от толерантного к себе отношения.

Майкл Уолцер в своей работе «О терпимости» [164] указывает на уже упоминавшуюся нами динамику изменения подходов к толерантности на протяжении мировой истории. Учёный анализирует трактовки толерантности в различные исторические эпохи. Взаимодействуя и пересекаясь, разные понимания данного феномена образуют его новые формы, которые Уолцер классифицирует и называет следующим образом: терпимость, безразличие,

признание, любопытство, восторг. Сам философ определяет толерантность как «то, что делает терпимость возможной, – мирное сосуществование групп людей с различной историей, культурой и идентичностью» [164, с. 15]. Однако современность, в которой одновременно пребывают лица, родившиеся в разные эпохи – модерна, постмодерна [112] – и на их стыке, создаёт серьезные препоны на пути к толерантному отношению к Другому. Дело в том, что эти две эпохи имеют совершенно различное понимание термина «толерантность». Эта двойственность трактовок толерантности (а быть может, и большее количество её пониманий) выражена Уолцером [164, с. 89] следующим образом. Понимание различий, существовавшее ранее, обеспечивающее связь индивидов с собственными суверенными либо автономными группами, будет сталкиваться с противодействием личностей, являющихся амбивалентными и инакомыслящими. При этом любое понимание, в котором акцент делается только на тех, кто мыслит иначе, будет неприемлемым для тех, кто стремится выработать, пересматривать, передавать следующим поколениям, воплощать в жизнь или усваивать общую культурную или религиозную традицию. Многообразие подходов к толерантности и обилие различных культур, ценностей, различий во мнениях и интересах социальных групп одновременно и затрудняет, и обуславливает необходимость выработки унифицированного подхода к правам субъектов социума, а также выработки единого концептуального решения вопроса толерантности. Вместе с тем важно понимать, что нельзя выработать такой подход «раз и навсегда». Уже из анализа самого Уолцера мы видим, как сильно трансформировалась толерантность с течением истории, поэтому проект толерантности следует разработать именно для современной социальной реальности, он должен помочь нам жить комфортнее «здесь и сейчас», а впоследствии условия и суть такого проекта могут быть существенно пересмотрены. В. С. Васюков [32] отмечает, что ввиду связи толерантности с универсализмом, с учётом которой толерантность предстает как обязательное условие универсальной позиции,

вырабатываемой и принимаемой исключительно как метапринцип, возникает новое философское измерение вопроса о возможности терпимо относиться к тому, что является нетерпимым. Это должно быть такое решение, которое не подрывало бы прав сторонников традиционных ценностей, но при этом не ущемляло бы прав либерально ориентированных слоев. Нужно найти определённые рамки, в условиях которых можно производить философский анализ адаптации толерантности к современным условиям. Однако вопрос об этих самых рамках является одним из ключевых при концептуализации толерантности.

Именно размытие границ толерантности, уже отмечавшееся нами, во многом и приводит к негативному к ней отношению. Как пишет М. Б. Хомяков, толерантность «сегодня утратила вообще какую-либо политическую определённость, превратившись в общее место любых рассуждений о конфликтах» [182, с. 164]. Такое положение дел деструктивно для всех социальных институтов современности, поскольку они выстроены с учётом доминирующего значения толерантности как ценности. Заметно, сколь сложный и противоречивый этап проходит сегодня система международного права, международного сотрудничества, как снижается значение ООН и других надгосударственных организаций, зачастую становящихся лишь совещательными и консультативными органами.

В рамках данной работы мы попытаемся выполнить ту задачу, которую ёмко сформулировал М. Б. Хомяков. Любой политический философ, по замечанию М. Б. Хомякова, должен решать теоретическую проблему, состоящую в том, чтобы устранить связь концепции толерантности с вопросами дискриминации, культуры, цивилизации. Для этого необходимо сформировать отвечающую вызовам общества позднего модерна теорию толерантности [183]. Такая теория должна учитывать новые вызовы современности, сократить и одновременно с этим установить чёткие и внятные границы толерантности, обозначив недопустимость их расширения и

размытия. Безусловно, многое будет зависеть от практической реализации разработанной теории, от умения адаптировать её к постоянно изменяющимся условиям. Вот почему одной из ключевой характеристик данной теории должна стать гибкость. Именно она будет важным отличием от весьма «жестких» классических теорий, авторитарно навязывавших свои рамки социальной реальности. Во многом поэтому сегодня социальные классические теории не могут комплексно объяснить нарастающие системные изменения социальной реальности. Однако преимущество толерантности перед любыми утопическими проектами переустройства социума состоит в том, что она не принуждает людей к какому-то определённом поведению, а лишь позволяет индивидам сосуществовать рядом, не нарушая при этом права друг друга. По мнению С. Г. Ильинской, «это практика взаимных уступок и компромиссов в процессе достижения соглашений, подходящих на сегодня, а не на все времена» [75, с. 230]. Это попытка дать новую жизнь толерантности, попытка сделать её более гибкой и приспособленной к новому миру, то самое новое прочтение, при котором все рассматривают друг друга как равных, причём по сути, а не по форме, при этом не пытаюсь объять необъятное, договариваясь «на все времена». В новые времена будут возможны новые договорённости между новыми, уже другими людьми.

В рамках данного параграфа получены следующие **выводы**. Социальные условия, значительно изменяющиеся с ходом истории, выдвигали всё новые требования к пониманию толерантности. Следовательно, философы были вынуждены генерировать всё новые идеи, концепции, позволяющие толерантности успешно реализовывать свои функции. Говоря об итогах осмысления современными философами проблемы толерантности в философском дискурсе, нельзя не отметить, что во многом благодаря их работе толерантность заняла своё положение в современном мире. Толерантность оказывает влияние на формирование политических и правовых систем, регулирует поведение как элит, так и масс, оставаясь при этом

феноменом, который определяет поле возможных вариантов поведения, но не принуждает к конкретным формам участия в политической и экономической жизни, а также во взаимодействиях с иными культурами.

§ 3. Условия и факторы формирования толерантности в социуме

Несмотря на то что освоение толерантности было начато ещё в новоевропейской философии, её формирование и реализация в общественной жизни [146] значительно различались в зависимости от конкретных социально-исторических факторов. Толерантность, несмотря на свою значимость для европейской культуры [3], испытывает сильное влияние происходящих в обществе процессов. Такие факторы, как усиление напряжённости между социальными группами, политические и экономические кризисы, военное положение и многие другие параметры социальной системы, оказывают значительное влияние не только на формирование, но и на возможность практического применения толерантности для решения поставленных задач. Парадокс ситуации состоит в том, что зачастую именно толерантное отношение к Другому является одним из начальных пунктов преодоления кризисных явлений в социуме. При этом кризисные явления, как правило, выступают тем негативным фактором, который снижает уровень толерантности в обществе и не даёт ей функционировать и реализовываться в полной мере. Из-за этого негативные последствия продолжают множиться, а степени толерантного отношения между субъектами – снижаться. Не случайно толерантность заняла своё место именно в рамках европейской, а позднее и в целом западной культуры. Именно в ней с приходом относительной социальной стабильности в Новое время толерантность смогла реализоваться из уже заложенной в культуре латентной формы. Иначе говоря, толерантность тесно связана с социальными условиями, в зависимости от них проявляясь более или менее явно или открыто, демонстрируя различные свои аспекты. Однако, в отличие от многих других ценностей, она способна сама оказывать значительное влияние на формирование этих условий.

XX век поставил перед обществом и философами ряд новых, доселе не изученных проблем. К таким проблемам следует отнести массовизацию

культуры, в частности политической и социальной сторон общественной жизни, симулякризацию общественных процессов, нарастание влияния массмедиа [215] на социокультурные процессы, кризис классических идеологий и многие другие. Каждая из вышеуказанных проблем приводила к значительным общественным изменениям. Так, например, массовизация культуры приводит к тому, что в политическую жизнь приходят представители масс и оказывают на неё значительное влияние, хотя они вовсе и не заинтересованы ни в политике, ни в какой-либо деятельности вообще.

Массовизация стала возможна в результате крушения веры в старые нормы и идеалы после Первой мировой войны, а также в результате произошедших после неё идеологических изменений и значительного пересмотра границ государств. Толерантность перестала играть роль некоего исходного пункта в ощущении солидарности с Другим, быть источником консолидации, поскольку общественного запроса на данные установки не было. Попытка преодолеть подобную автономизацию индивида была предпринята уже после Второй мировой войны, когда новые либеральные правительства постарались выстроить общественные отношения на базе толерантности как основной ценности. Однако вера в исключительную значимость толерантности уже была подорвана, и при первых же трудностях в обществе началась критика толерантности, попытки обосновать необходимость отказа от неё.

Важную роль сыграло развитие медиатехнологий, что привело к увеличению потоков информации, направленных на индивида, зачастую не подготовленного к подобному давлению извне [142]. Медиа за счёт своего повсеместного распространения и внедрения стали идеальной средой для транслирования информации и осуществления коммуникаций, следствием чего стало появление так называемых «клипового сознания» и «клиповой культуры». Как известно, термин «клиповая культура» был введён в середине прошлого века Э. Тоффлером [159], [160], [161], который рассматривал

клиповую культуру как принципиально новый феномен. По мнению учёного, данное явление следует рассматривать в качестве одного из компонентов информационной культуры будущего. Информационная культура будет основываться на том, что перед людьми с соответствующим складом ума будут бесконечно мелькать отрезки информации [159, с. 160]. Важную лепту внёс и отечественный философ Ф. Гиренок [41], обозначивший проблематику «клиповости» сознания. Согласно точке зрения Ф. Гиренка, клиповое сознание – это особый тип, или модус сознания, который пришёл на смену старому. Человечество выработало понимание картинок, вероятно, после И. Дамаскина. У человека формировалось не понятийное, но клиповое мышление, способное реагировать исключительно на удар. Сочетание такого сознания и культуры в контексте медиадискурса ведет к тому, что потребность в информации, новых ценностях, установках всё возрастает, однако качество их усвоения всё больше снижается. Мало того, как правило, даже усвоенный материал входит в сознание человека в искажённом, деформированном виде [41, с. 123]. Применительно к толерантности это сыграло, безусловно, губительную роль. В рамках клипового сознания произошёл разрыв между ответственностью, свободой и толерантным отношением к отклоняющемуся поведению. Подобный разрыв вызвал в массах искажённое, деформированное понимание толерантности как вседозволенности или даже слабости субъекта толерантности, что не имеет ничего общего с исконным значением данного термина. Сложность ситуации состоит и в том, что посредством массмедиа мифы и симулякры приобретают особую устойчивость, им не требуется уже связь с реальностью. Это оказывает давление на толерантность, заставляя её сначала трансформироваться, а затем и деформироваться.

Нельзя не отметить и фундаментальных изменений в самой «ткани» социальной реальности, диалектически связанных с общими тенденциями изменений в мировом сообществе. Детальный их перечень приведён в работе Т. Фридмана «Плоский мир. Краткая история XXI века» [169], где следующим

образом описываются последствия изменений, вызванных глобализацией. Мир в результате глобализации 3.0 предельно сжимается. При этом глобализация обеспечивает равенство условий во всемирном масштабе. Глобализация 1.0 развивалась вследствие деятельности государств. Глобализацию 2.0 осуществляли компании. Уникальная особенность Глобализации 3.0 – возможности для глобальной конкуренции и сотрудничества, доступные каждому отдельному человеку.

Следует отметить, что кризис вышеуказанных классических институтов диалектически связан с проблемой деформации толерантности. Дело в том, что толерантность не может быть рассмотрена изолированно от ценностной системы общества и ключевых социальных институтов. Так, например, кризис классических идеологий и связанная с ним утрата социальной стабильности и некой «обустроенности» приводит к растерянному, испуганному состоянию населения. Это, в свою очередь, не способствует проявлению толерантного отношения к Другому, выстраиванию конструктивного диалога. В этом есть определённая методологическая проблема: с одной стороны, фанатичное увлечение определённой идеологией или религией [214], как и всякий фанатизм, приводит к кризису толерантности, но с другой стороны, и отсутствие идеологических или иных чётких ценностных систем приводит к тому же самому эффекту. Сквозь призму данного парадокса заметно, что толерантность для полноценного своего функционирования должна быть сопряжена с некой общественной гармонией, уравновешенностью, порядком, а также готовностью воспринимать ценностные системы, отличающиеся от своих собственных.

Подобные рассуждения приводят нас к очередному фактору, обуславливающему деформационные процессы в сфере толерантности. Глобализационные процессы, создавшие современный мир, привели к тому, что ускорение коммуникации и развитие транспортных технологий вызвали многократное усиление миграционных тенденций из бывших колоний в

Великобританию, Францию и другие страны. Прибывшие мигранты не смогли должным образом усвоить европейские ценности, среди которых толерантность занимает важное, ключевое место. Миграционные процессы усугубили наметившиеся в рамках мозаичной культуры негативные тенденции, поскольку сама «мозаичность» увеличивает количество элементов культурной «мозаики». Структура ценностей утрачивает системность, замкнутость, завершённость, она становится осколочной, незавершённой. Это затрудняет применение толерантного отношения к Другому, поскольку нет чётких рамок, некоей системы, ориентируясь на которую возможно применить то или иное отношение. Р. Барт, рассуждая об идеологии, отмечал, что «если всё есть идеология, то она в сущности ничто» [11, с. 75]. Аналогичная ситуация складывается и с толерантностью: если бесконечно расширять границы её применимости, то таким образом размываются границы самого понятия, его «социокультурная ниша» [8], и тем самым оно деформируется.

Значимым фактором при анализе толерантности является трудовая миграция и ускорение миграционных процессов в целом. Трудовая миграция – процесс сам по себе неизбежный, однако в связи с ним следует уделять большее внимание культурной ассимиляции и адаптации новых членов европейского сообщества: необходимо, чтобы они своим поведением сами заслуживали определённой доли толерантности, которая может быть как расширена, так и сужена в зависимости от заслуг каждой конкретной личности. Вместе с тем трудовая миграция приводит к формированию локальных диаспор в рамках господствующей культуры, что увеличивает давление на толерантность. В данном случае важную роль начинает играть соотношение идентичности и толерантности, поскольку при появлении диаспор в культурной среде формируются новые локальные идентичности, которые отличны от уже имеющихся идентичностей на данной территории. Следовательно, для консолидации общества необходимо гармоничное сочетание толерантности и идентичности, поскольку перекося в одну из сторон

приведёт к дестабилизации общественной жизни, росту количества межнациональных и межконфессиональных конфликтов. Особую проблему составляет противоречие между старыми, теряющими свою актуальность нормативно-правовыми актами, применяемыми для регуляции жизнедеятельности мигрантов, и ростом числа иностранных граждан [81]. Правовое регулирование общественных отношений является одной из важнейших функций государства, а проблемы мигрантов тесно связаны с отсутствием чётко определённых рамок разрешённого им поведения. Кроме того, в большинстве европейских стран мигранты не имеют возможности оказывать влияние на политические процессы, что приводит к росту напряжённости. Однако трансформация права – процесс сложный и долговременный, таким образом, быстрое решение проблемы представления интересов мигрантов во властных организациях практически невозможно.

Анализируя проблемы трудовой миграции в контексте толерантности и политических взаимоотношений, мы не должны находиться во власти стереотипов относительно профессий трудовых мигрантов. Трудовыми мигрантами могут быть не только низкоквалифицированные рабочие, но и учёные, работники IT-сферы и т.д. Представители данных профессий могут грамотно и конструктивно защищать интересы иностранных работников. Отсутствие политических прав могло быть оправданно для первых поколений мигрантов, не обладавших должным уровнем общей и политической культуры, однако с течением времени подобное отношение к мигрантам становится всё менее приемлемым по вышеуказанным причинам. Однако даже при готовности властей предоставить политические права мигрантам или хотя бы их представителям, далеко не факт, что те захотят взять на себя тот объем обязанностей, которые предполагает масштаб предоставленных прав.

Кроме того, при переселении мигрантов порой образуются их локальные поселения, образно называемые в прессе «гетто», «чёрные кварталы». В таких местах может образовываться так называемая фронтальная идентичность.

Фронтирную идентичность следует рассматривать как особую пространственную идентичность, присущую зоне подвижной, динамичной границы. Формирование фронтирной идентичности сопровождается процессом, в рамках которого ранее существовавшие идентификационные признаки сливаются с новыми, обусловленными приспособлением к неизвестному пространству и межкультурным взаимодействием с населяющими данное пространство людьми [73, с. 529]. Носители такой идентичности не способны, не готовы к жёсткой регламентации своей жизни, активно противостоят ей, причём формируемые ими новые социальные общности не сохраняют старый порядок и традиции [128], равно как не принимают и господствующую культуру.

Таким образом, в условиях замены чётких границ фронтами – подвижными, изменяющимися, размытыми границами – формируется синкретичный тип идентичности и социального порядка, совмещающий в себе компоненты разных культур. Потому предоставление политических прав мигрантам [152] в таких областях сопряжено с особыми опасностями, следствием чего является осторожность властей в этом отношении. Наделение правами требовало от мигрантов интеграции в господствующую культуру, принятия европейских классических ценностей, что в рамках фронтирной идентичности в соответствующих социальных общностях практически невозможно.

Многочисленные изменения в социальной структуре в XX веке привели к тому, что толерантность, изначально бывшая преимущественно ценностью либерального толка, начала пробуждать интерес и у представителей «левого крыла» философской и политологической мысли. К середине XX века либеральные идеологии в западных странах играли ключевую роль, во многом определяя развитие правовой системы, что привело к возрастанию роли толерантности до пределов, невиданных доселе. Это стало вызовом для социалистических партий, которым пришлось также встраивать толерантность

в свои программы и манифесты или же, напротив, критиковать идеи толерантности, при этом анализируя их. Таким образом, начинается процесс сближения идеологических полюсов политической карты, что впоследствии приведёт к кризису политической идеологии [198], оказавшему значительное влияние на происходящее в политической сфере.

Выводы по главе. Социокультурные условия [205], [208] «вызревания» толерантности присущи европейской культуре с древнейших времен. Толерантность присутствовала в латентной форме ещё с Античности, так или иначе находя выражение в социальных феноменах, в мироощущении, в проявлениях секуляризма в позднем Средневековье и в гуманизме Возрождения. Словом, начатая в Новое время работа по теоретическому освоению толерантности уже базировалась на некоем фундаменте. Толерантность проявляла себя в произведениях искусства, в развитии практик управления обществом и государством, в изменениях правовых систем. По мере эволюционирования общественных практик, развития институтов власти и гражданского общества, усиления тенденций перехода к рыночной экономике [176] потребовалось новое, адаптированное понимание толерантности. В частности, при развитии рыночных отношений, демократизации политической жизни происходит переход от понимания толерантности как безразличия к толерантности как ориентации на Другого, на сотрудничество с ним. В свою очередь усиление влияния толерантности расширило полномочия гражданского общества. Однако именно эти изменения стали основой будущей деформации толерантности. Дело в том, что до определённого этапа развития толерантности расширение её границ было полезно для общества, оправданно. Но наступил момент, когда границы толерантности, применимости этой ценности были расширены до такой степени, что общество столкнулось с отчуждением и деформацией толерантности. Толерантность стала отождествляться с неким идеалом политического и правового устройства, теряя свою самобытность и

идентичность как ценность. При этом сегодня, даже с учётом деформации толерантности, не представляется возможным отказаться от неё, как предлагают некоторые философы. Толерантность представляет собой некую основу, несущую конструкцию сложившейся на сегодняшний день социальной системы. Необдуманный отказ от толерантности приведёт к усилению кризисных явлений в различных социальных институтах, способен спровоцировать социальный коллапс. Именно поэтому требуется переосмысление толерантности в новых теориях, основные требования к которым описаны выше.

При проведении анализа роли толерантности в русской философии следует понимать, что термины «терпимость» и «толерантность» имеют определённые различия. В русской философии термин «толерантность» практически не использовался, предпочтение отдавалось термину «терпимость», что требует особого внимания в работе с категориальным аппаратом. Осмысление толерантности в русской философской мысли проходило особым, отличным от западноевропейского путём. Изначально наметившаяся в форме права на дискуссию, полемику, впоследствии толерантность стала пониматься как терпимость к Другому. Однако эта терпимость имела весьма узкие границы применимости. В частности, практически во всех концепциях русских философов толерантность применима лишь к тем, кто сам стремится к сотрудничеству, желает сделать мир лучше, выражает готовность меняться для этого. Данное обстоятельство обусловлено тем, что в русской философии терпимость не просто является категорией этики или философии права, но тесно связана с решением более значительных, метафизических задач. Такое понимание, с одной стороны, указывает на онтологическую значимость толерантности, чего, как правило, лишена западная философская мысль, но с другой стороны, расширение границ её применимости приводит к размытию сути данного понятия. Это затрудняет использование его при формировании системы права,

пенитенциарной системы, обеспечении поддержки политических социальных институтов у населения. Вместе с тем многие из идей, высказанных русскими философами, значительно опередили западные концепции толерантности. Однако, не будучи оформленными в отдельные полноценные теории, идеи русских философов в области толерантности оказались в некой изоляции. На первый план выходили метафизические проекты, глобальные теории, а толерантность оставалась в тени. Однако, несмотря на это, можно сделать вывод о значительном вкладе русских философов в разработку теории толерантности и о наличии категории толерантности в русской культуре, пусть и в другой, по отношению к западному пониманию, форме.

Глава II

Толерантность и общество риска в социально-философском дискурсе

§1. Методологический и концептуальный анализ общества риска

Общественное и историческое развитие ускоряет процессы коммуникации, усложняет социальную структуру. Такого рода изменения, при которых количество социальных институтов и степень их воздействия на человека постоянно увеличивается, а он испытывает всё большее психологическое и физическое давление со стороны окружающего мира (экологические проблемы, нарастание объёмов информации и т.д.), приводят к тому, что человек не в состоянии уследить за всеми социальными процессами. Это объективные обстоятельства, при которых утрата контроля со стороны человека ведёт к тому, что во всех сферах общественной жизни усиливается неопределённость, которая с течением времени и по мере количественного возрастания изменений способна перейти в состояние индетерминизма. Именно неопределённость, индетерминизм и возможность наступления негативных последствий определяют сущность самого риска.

Многообразие новшеств, как в социально-политической, так и в производственной сфере, увеличение количества транснациональных корпораций, симулякризация культурного пространства вызвали к жизни новые, доселе невиданные и неизвестные риски.

Долгое время человек жил в традиционном обществе, которое циклично, тесно связано с природой и её дарами. Человек не производил никаких синтетических, искусственных материалов, а уклад его жизни был медленным и спокойным, что делало «набор» рисков того времени достаточно привычным и предсказуемым. От этого они не становились менее опасными, поэтому мы во многом не согласны с С. Тернером, считавшим, что «чёткого ответа на вопрос: “стала ли жизнь более рискованной?” дать невозможно» [220, с. 182].

Здесь важно понимать, что именно мы понимаем под «более рискованной жизнью». Да, безусловно, жизни человека в традиционном обществе [180] угрожало множество опасностей, но они были привычны для человека, существовала определённая методология борьбы с теми или иными напастями и вера в эти методы. Сегодня же перед человеком встаёт такое количество рисков, которое он не может даже осознать или спрогнозировать, не говоря уже об управлении всеми ими. Отсюда, кстати, и проистекает деление рисков на группы: для того, чтобы сегодня управлять рисками, необходимо быть специалистом в области вполне конкретных и определённых рисков: политических, экономических, информационных и др. Мало того, сегодня специализация людей, работающих с рисками, стала ещё глубже: существуют специалисты в области репутационных рисков в политике, в области менеджмента в экономике и т.д. Такая профилизация связана с необходимостью быть специалистом в конкретной ситуации, разбираться в каждом сегменте проблемы, что, безусловно, приводит к дроблению проблем на отдельные аспекты. Однако для полноценного преодоления рисков и профилактики их возникновения нужно не только быть экспертом в отдельно взятом сегменте, но и обладать знаниями о работе всей проблемной области. Таким образом, требуется использование системного подхода для преодоления рисков, который в состоянии объединить преимущества холистического и элементаристского подходов к реализации проектов и решению проблем.

Из вышесказанного следует необходимость философского анализа проблем риска в целом и проблем общества риска как отражения современного состояния общества в частности. Отсутствие полноценного, комплексного философского определения риска в значительной мере тормозит развитие системной методологии преодоления рисков и управления ими. Это происходит потому, что отдельные, частные социальные и гуманитарные науки рассматривают ключевой для них сегмент понятия «риск», однако картина в целом зачастую остаётся не раскрытой до конца. Значительные

изменения, связанные с переходом к постнеклассической картине мира, в которой вероятность приобретает новые коннотации и новый научный статус, также являются косвенным признаком того, что подход к исследованию рисков в новых условиях должен быть значительно пересмотрен. Вероятность и неопределённость с середины XX века прочно вошли в методологию научного познания, а значит, вместе с ними туда проник и риск. Описывая преобразования в рамках постнеклассической науки, Н. Л. Смакотина [140] отмечает, что все современные теоретические отрасли научного знания испытывают необходимость в учёте фактора неопределённости, имманентного структуре реальности и обладающего фундаментальным значением. Такая тесная связь неопределённости и риска с научными теориями вызвала к жизни попытки познать общество риска [153] и управлять им через синергетические концепции и теории. Об успешности данных подходов будет идти речь ниже, однако уже сейчас отметим, что попытка развития подобных подходов, безусловно, выглядела органично для сложившихся в науке условий.

Связанный с приходом постмодерна кризис рациональности, крушение проекта модерна – всё это вкупе с ускоряющимися коммуникациями приближало приход общества риска. Отсутствие доверия к имеющимся социальным институтам, деформация [223] и трансформация ключевых ценностей, долгое время определявших развитие европейской и мировой культуры, цифровой культурный поворот – всё это стало значимыми факторами для формирования новой социальной реальности, названной У. Беком [14] обществом риска.

Общество риска – это термин, предложенный У. Беком для характеристики современных обществ, отличающихся возрастанием коэффициента риска при производстве материальных и социальных благ. Изначальная теория получила своё дальнейшее развитие в трудах Гидденса, Тернера и других философов. Использование термина «общество риска» продиктовано настороженным отношением Бека к философским категориям с

приставкой «пост», поскольку они заключают в себе известную неопределённость и неточность. В самом деле, в таких терминах, как «постидеология» [203], «постиндустриальное общество» [15] и др., скрыта некая двусмысленность: то ли мы имеем дело с самостоятельным и полноценным феноменом, то ли элемент «пост» означает некую переходность и промежуточность, вслед за которой появится новый полноценный феномен. С другой стороны, отказ от ввода принципиально нового термина маскирует, откладывает полноценную реформу старой, отжившей методологии. Такой подход словно дарит иллюзорную надежду на то, что ещё возможно использовать старые методы, лишь слегка их откорректировав. Провалы в таких начинаниях приводят к тому, что образуется индетерминизм, утрачивается возможность вовремя и грамотно произвести реформацию методологической базы исследования той или иной сферы социальной реальности. Трансформирующаяся социальная реальность требует и трансформации методов. Именно требование «гибкости», изменчивости является ключевым в современных социальных реалиях. Старые, изжившие себя социальные институты, неповоротливые классические идеологии, ценности, не желающие или не способные к трансформации, – всё это испытывает на себе сегодня колоссальное давление и потому деформируется, вместо того чтобы трансформироваться, приобретая адаптивные характеристики, пригодные для новых условий существования. По замечанию Бека, сегодня общество модерна трансформируется, исчезают присущие индустриальному обществу социальные формы в виде слоев, классов. Утрачиваются традиционные гендерные и семейные отношения. Как полагает Бек, процесс схож с наблюдавшимся в период Реформации освобождением людей от господства церкви в отношении форм жизни, присущих светскому обществу [14, с. 65]. Столь значительные трансформации, вкупе с усилением воспроизводства рисков, представляют собой серьезный вызов для социальных наук. Налицо нарастание скоростей изменений, их

многовекторный и многокритериальный характер, порой по несколько раз подряд трансформирующий один и тот же социальный феномен, усиливая противоречивость данного процесса. Как пишет Бек, говоря о состоянии современной семьи в условиях рыночной экономики, субъекты рынка сегодня – не домохозяйства, а не обладающие семьёй одинокие индивиды [13, с. 78]. Таким образом, рыночное общество, характеризующееся высоким уровнем развития, является бездетным. С. Г. Ильинская, рассуждая о тенденциях современного общества, отмечает, что сегодня завести семью, детей становится всё более сложно. У бедных для этого нет возможностей, у богатых – желания, поскольку они не хотят сокращать уровень потребления и руководствуются в данном вопросе собственными эгоистическими устремлениями [75, с. 99]. В лучшем случае дети растут при матерях и отцах, представляющих собой мобильных одиночек. Следовательно, происходит взаимное негативное влияние одних сфер на другие. Разрушенная семья не способна в должной мере обеспечить счастье ребёнку, полноценную социализацию и развитие. А такой ребёнок, став взрослым, несёт в себе массу неврозов и психологических проблем, делая процесс производства более рискованным, а общество – более подверженным массовым манипуляциям и истерии. Попытки же не системной, а элементаристской, частичной модернизации методологии и понимания социальной реальности фактически обречены на провал. Изменились сами требования, предъявляемые к социальным феноменам в новых условиях, требование той самой гибкости и изменчивости к феноменам должно быть перенесено и в область методологии социальных и гуманитарных исследований. Таким образом, концепт «общество риска» имеет не только социологический, но и эпистемологический аспект. Безусловно, эти два аспекта тесно связаны между собой. Однако социологический аспект концепта «общество риска» по большей части отражает проблематичность обустройства комфортной и безопасной жизни человека и общества (включая психологический комфорт как на личностном,

так и на общественном уровне). Ориентация же эпистемологического аспекта исследуемого понятия отсылает нас к кризисному состоянию социогуманитарного познания и доверия к нему как у специалистов, так и у обывателей. Это приводит к росту квазинаучного знания в социальной сфере, что ещё больше усиливает недоверие к результатам комплексных научных исследований. О схожем аспекте развития современной науки говорят и представители другого направления социальных исследований – постидеологии. Постидеология проявляет себя в эпистемологическом измерении тем, что становится затруднено социальное познание, а тем более выведение социальных закономерностей и законов. Это имеет как относительно объективные причины, в частности ускорение темпа изменений в социальной сфере, вызванное указанным выше ускорением социальной коммуникации в целом, так и причины, связанные с субъективными факторами. Человек в постидеологическом контексте всё менее склонен доверять идеологиям [115], теоретическим построениям, экспертам. В новом постмодернистском мире, как отмечает Ж. Бодрийяр, «пропаганда и реклама сливаются в едином процессе маркетинга и мерчендайзинга вещей и идей, овладевающих массами» [22, с. 311]. Подобная ситуация, по сути, блокирует возможность серьёзного отношения к политике, экспертам, идеологиям. Ко всему вышеперечисленному человек начинает относиться не более серьёзно, чем к обычным развлечениям, чему способствует и откровенное сходство политических дебатов и шоу с обычными развлекательными ток-шоу. Заметно сходство и в структуре этих действий, и в содержании: в обоих случаях ведётся зачастую неаргументированная и неуправляемая дискуссия (если мы можем употребить этот термин в данном контексте), имеется противоборство сторон, создаётся впечатление заранее расписанных ролей и т.п. Кроме того, размывается само понятие эксперта, которое сегодня также не имеет чёткой демаркации: ещё полвека назад существовал вполне определённый «портрет» эксперта, то есть представление о том, чем именно он характеризуется.

Сегодня же обилие «экспертов» в сфере социальных коммуникаций вызвало эрозию данного понятия и подорвало авторитет к нему. Иными словами, имеет место тенденция к снижению значения данного феномена, что угрожает его дисфункцией и негативно сказывается на уровне и качестве социально-гуманитарных исследований. По-видимому, приход к похожим результатам представителей разных направлений социальной философии свидетельствует о некоем «общем знаменателе» имеющихся проблем, о более глубинной трансформации состояния социальной реальности, чем это может показаться на первый взгляд. Отсюда и упомянутое выше требование системного и всестороннего подхода к разработке новой методологии, которая должна включать результаты как частных социальных и гуманитарных наук, так и фундаментальных философских исследований.

В рамках социологии также имели место многочисленные исследования в области риска. Наиболее близок к философскому его пониманию Э. Гидденс [38], [39]. Концепция общества Гидденса тесно связана с его исследованием категорий модернити и постмодернити. Гидденс указывает, что термины «модерн» и «постмодерн» в известном смысле перегружены культурологическими смыслами, потому, говоря о них, мы не можем быть до конца уверены, что используем термины в одинаковом значении. В то же время введение чисто социально-философских категорий, отражающих специфику развития общества в индустриальном и постиндустриальном обществе, поможет избежать категориальной путаницы. Так, под модернити Гидденс понимает такое состояние общества, в котором ключевую роль играют следующие ценностные ориентации: рациональность и крайний scientизм, стремление к элитарной социальной справедливости, понимаемой как расширение личной свободы личности. Также значимую роль в культуре модернити играют индивидуализм, идеи прогресса и желание жить «здесь и сейчас», обогатиться духовно и материально. Следовательно, такое общество более стабильно, локализовано, в том числе и культурно, тогда как термин

«радикализирующаяся модернити», предлагаемый Гидденсом как альтернатива «постмодернити», характеризует более открытое, подвижное и гибкое общество, в котором человек сам вынужден искать свою идентичность и определённую. Причём речь, скорее, идет даже не о поиске чего-то готового, но о конструировании и конституировании собственной идентичности. Подобное положение дел отражает вопрос не только о личностной, персональной идентичности, но и об идентичности целых социальных групп, которые в трансформированной социальной реальности вынуждены обретать себя заново. Это приводит к сложностям в адаптации и интеграции целых поколений и крупных страт в условиях современности, что обуславливает не только межпоколенческие разрывы в социальных отношениях, но и расслоение внутри страт. Это расслоение вызвано готовностью и способностью адаптироваться к постоянно изменяющимся социальным условиям у одних и отсутствием такового умения у других. Вследствие многочисленности таких разрывов происходит маргинализация общества, наступает кризис идентичности. Это усиливает влияние риска на социальные процессы и возможности для распространения риска.

Особое влияние социальные трансформации оказывают на систему мировой политики. Риски затрудняют взаимодействие стран в союзах, поскольку образуются многочисленные новые риски при увеличении количества заинтересованных субъектов. Так, в своей работе «Неспокойный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем?» Гидденс отмечает, что «в сентябре 2006 г. МВФ сообщил, что мировая экономика находится в прекрасной форме, хотя некоторые поводы для беспокойства ещё имеются. Спустя всего каких-то 12 месяцев на мир обрушился самый масштабный после кризиса 1930-х годов – экономический кризис» [39, с. 102]. Заметим, что в современном мире, во-первых, возрастает неопределённость [19] с наступлением рисков, то есть снижается даже гипотетическая возможность предсказания более или менее масштабных событий. Затруднённая в

прогнозировании, особенно долгосрочном, сама по себе представляет значимый риск. Во-вторых, следует отметить слияние прежде сравнительно автономных групп рисков в некую единую систему рисков [16], в которой каждый риск способен спровоцировать риски в иной сфере. Это касается уже не только экономики и политики, но и репутационных, информационных и иных видов риска. В таких условиях даже профессиональные политики не знают, что и когда вызовет новую волну кризисных явлений, что станет тем самым спусковым крючком и когда именно и кем он будет нажат. Кроме того, члены политических союзов обречены сегодня на преодоление рисков в отношениях между собой, поскольку целью этих союзов, как правило, является собственная выгода, но не благо самого союза и его долгосрочные перспективы. В условиях общества риска такое положение дел приводит к фактической формализации любых союзов, превращая их из подлинных и полноценных игроков на политической арене в носителей неких «деклараций о намерениях». Так, говоря о ЕС, Гидденс пишет: «Лидеры крупных стран часто пытаются угнаться за двумя зайцами. Они заявляют о своих общеевропейских интересах, однако на деле на первом месте для них стоят интересы конкретного государства» [38, с. 11]. Следовательно, сам термин «общеевропейская судьба», активно используемый при пропаганде развития ЕС и при формировании новой европейской идентичности, призванной заменить национальные идентичности, является в известном смысле лишь максимально общим понятием, зачастую не подкреплённым реальными действиями. Это становится причиной отсутствия у населения уверенности в завтрашнем дне, что в условиях общества риска провоцирует рост протестных настроений, усиливая психологическую нагрузку на личность человека. В контексте ускорения темпов воспроизводства рисков в рамках социальных и технологических систем всё это приводит к протестным выступлениям, техногенным катастрофам и другим негативным последствиям, снижающим качество жизни человека. Следствием этого является вставшая в полный рост

перед философами во второй половине XX века проблема политического доверия, о которой пойдёт речь в следующих параграфах. Подчеркнём, что концепт доверия играет важную роль в социальных построениях Гидденса. К примеру, как отмечает Е. Н. Захарова, доверие возможно в отношении профессионального и научного знания, принципов демократии, внутригосударственной валюты, государственного страхования, правительства [68, с. 69]. Иначе говоря, разрушение доверия, кризис данной ценности приводит к расшатыванию и разрушению сложившейся социальной системы. В таких условиях оказывается значительное давление на толерантность, всё большее количество функций будет перекладываться на неё. Кроме того, в условиях возрастающих рисков складывается парадоксальная и угрожающая социальными потрясениями ситуация. С одной стороны, нарастание политических и экономических рисков требует повышения солидарности [127] в обществе, для чего крайне полезными ценностями являются толерантность и идентичность. Однако эта же ситуация нарастания рисков приводит к обратному эффекту в обществе: в случае опасности общество становится всё более нетерпимым к инаковости, склонным к конфликтам, дезинтегрированным, разобщённым. В свою очередь это только усугубляет кризис. Вот почему так важно создать возможные механизмы преодоления таких системных кризисных явлений, связанных с «перегрузкой» социальных институтов.

Особая проблема заключается в том, что на границе всякой политической системы [190] возникают факторы, усиливающие влияние риска на общественные процессы внутри социальной системы. Наиболее сложной является ситуация, когда сосуществующие и соседствующие в одном социальном пространстве социальные системы (государства, этносы, социальные группы) нагнетают ситуацию на границах друг с другом. В этом случае происходит не просто сложение, но умножение рисков, поскольку, возникнув в одной системе, они вызывают рост рисков в другой, что оказывает

аналогичное влияние на первую. Так, например, Гидденс указывает, что ЕС после относительного затишья сегодня столкнулся с проблемой нестабильности своих границ с арабскими странами. Кроме того, затяжной кризис на Украине, сложные отношения с Россией также не добавляют стабильности социальной конструкции ЕС. Эта нестабильность оказывает влияние на политические процессы внутри стран – членов ЕС, вызывая, в частности, рост националистических настроений и усиление поддержки маргинальных политических партий [33], ухудшение делового климата, а также делает более интенсивными процессы девальвации идентичности, гражданственности и патриотизма, что не может не вызывать опасений при анализе будущих перспектив европейского сообщества, о чем писал ещё в начале прошлого столетия О. Шпенглер [192].

Распространение риска во всех сферах жизни человека и их постоянное умножение – вот ключевое отличие современности и нового общественного устройства от прежних вариантов миропорядка, позднего модернити от раннего. Риск всё больше включается не только в сферу деятельности представителей различных профессий (экономистов, политологов или же специалистов по работе с чрезвычайными ситуациями), но и в жизнь обычных людей. Причём ситуация такова, что неопределённость мира для простого человека сегодня высока как никогда, а неопределённость и составляет сущность риска. Обилие терминов, да и просто информации вокруг, необходимость постоянной коммуникации с другими людьми не только лично, но и опосредованно, при помощи компьютерных технологий, а то и вовсе заочно, приводит к тому, что человек оказывается в ситуации всё большей зависимости от вещей. В связи с этим повышается вероятность технических сбоев, утраты информации и ценных данных, что также оказывает влияние на жизнь человека, заставляя его опасаться риска, то есть нагружая сознание и психику человека даже до наступления самой рискованной ситуации. Таким образом, риск возникновения риска отсылает нас к проблеме его (риска)

трансцендентальности: риск, ещё не существуя, не объективируясь в социальном бытии человека, уже оказывает влияние на его жизнь. Это является сложной методологической проблемой: если сам риск, который уже проявил себя, общество в той или иной степени научилось преодолевать, то такой феномен, как «риск риска», ещё в должной мере не изучен и даже полностью не определён. Важно понять, является ли он новым феноменом или лишь более глубокой модификацией, версией классического риска. Гидденс не ставит данную проблему, однако она логично проистекает из его учения о риске, ведь новая модификация социального пространства предполагает и обновлённое понимание классических категорий и ценностей, вплоть до отказа до некоторых из них. Риск, по-видимому, входит в число тех категорий, понимание которых следует переосмыслить и расширить. Неопределённость в современности занимает всё более значимое положение, фактически становясь её основной чертой. Мало того, можно сказать, что, по сути дела, мы уже не знаем, ни что такое современность, ни что такое реальность. В рамках философии постмодернизма философы получили огромный объём текстов, фактически дезавуировавших данные понятия. И даже не принимая такие концепции, мы уже оказываемся в состоянии неопределённости и непонимания: куда и как нам развивать конструктивные концепции, касающиеся указанных понятий? Не случайно развитие уже описанных нами «пост»-категорий совпало с развитием и усилением глобализационных тенденций. Как отмечает Гидденс, «усиливающаяся глобализация подпитывает сложную систему возможностей и рисков, с которыми нам сегодня приходится иметь дело. Возрастающую международную взаимозависимость следует понимать не как простой процесс сближения, а в качестве противоречивого и сложного набора норм, затрагивающих личную и даже интимную жизнь не меньше, чем широкомасштабные институты» [38, с. 226]. Такое проникновение социальных образований в жизнь человека, фактическое разрушение дихотомии «приватное/частное» приводит к тому, что личность

оказывается практически не способной «отключить» риск, хотя бы на какое-то время оказавшись вне возможности его наступления. Требование навыка постоянной трансформации, изменчивость условий жизни и, как следствие, уход от подлинной стабильности вызывают тоску по прошлому и угрожают приходом тоталитарных режимов [5], на словах обещающих достижение подобной стабильности.

Н. Луман представляет в своей концепции довольно оригинальное понимание сущности риска. Так, в своей работе «Понятие риска» [97] он рассматривает возможности классификации рисков, терминологические особенности данного феномена. При этом почти сразу мы встречаемся с подмеченным им парадоксом: при высокой частоте использования категории «риск» мы до сих пор не имеем определённой и чёткой его дефиниции. Данный феномен обуславливается тем, что к риску подходят с разных сторон, в рамках различных дискурсов [93]. Построение новых моделей управления практически невозможно без учёта трансформационных процессов в обществе и аналитики риска. Наличие трудностей во взаимопонимании между представителями различных дисциплин является закономерным процессом, поскольку каждая наука предлагает своё видение риска, навязывая ему свои ярлыки [97, с. 137]. Именно поэтому важен философский подход к риску, поскольку он позволяет выделить некий инвариант сущности риска.

Большая часть исследователей сходится во мнении, что стандартизация категориальных границ и определения термина «риск» относится к первоочередным задачам. Философские учения призваны эффективно решить такую проблему. В своих исследованиях Луман акцентирует внимание на том, что понятие риска практически всегда предполагает наличие некой опасности, вызова.

Как в своём исследовании указывает Луман, одни учёные склонны сводить риск к опасности, другие – к неопределённости, третьи пытаются выявить его статистические особенности и на этом основании представить

собственную дефиницию риска. Таким образом, в своих попытках говорить о риске наука ведёт речь о чём-то ином, но, как правило, до некоего инвариантного понимания сущности риска дело так и не доходит. В связи с этим одной из задач, определённых в настоящей диссертационной работе, было получение философского, то есть максимально всеобъемлющего и инвариантного определения риска.

Анализ специализированной литературы наглядно показывает, что учёные до XX столетия практически не оперировали понятиями, связанными с категориями рисков. В работах Лумана утверждается, что история возникновения понятия «риск» расплывчата и неясна. Считается, что данная категория произошла из сферы морской торговли, мореплавания [97, с. 142]. Особый метод научного познания определения риска разработан Паскалем, который при рассмотрении актуальных вопросов веры использовал термин «hazard». Анализ традиций светского и религиозного характера показывает, что феномен риска представлен лишь обрывочными знаниями. Порядок спонтанного употребления данного термина является нормальным и закономерным явлением. На сегодняшний день теория Лумана вызывает острые споры в социологическом сообществе: часть критиков осуждает слишком технологичный, сухой подход этого философа к оценке коммуникации.

По мнению Лумана, не вызывает сомнения, что подход, предполагающий количественную оценку риска, исходящий из субъективных ожиданий полезности, нуждается в модернизации. Соответствующая поправка может именоваться порогом катастрофы: количественные оценки риска являются допустимыми лишь в случае, если они не достигают порога, за которым результат негативного развития событий будет восприниматься в качестве катастрофы [98, с. 136]. За таким качественным скачком, отделяющим просто риск от катастрофы, скрыто немало субъективного и психологического. Таким образом, на объективные данные и опасности

накладываются субъективные мнения и оценки, основанные на ценностях, принятых в рамках конкретной культуры. Таким образом, риск оказывается на стыке объективного и субъективного, субстанционального и акцидентального. И при определении риска в философском, то есть наиболее общем смысле мы вынуждены учитывать указанные обстоятельства. При этом только такое общее определение способно дать качественный толчок, совершить некий сдвиг в изучении риска и в частных социальных науках. Как только будет прояснена онтологическая сущность феномена риска, возможно решать практические вопросы, связанные с управлением риском, исходя из его подлинной инвариативной природы, которая лишь преломляется, как луч света в призме, в экономике, политологии, социологии, психологии и т.д. Эти преломления в современном обществе весьма причудливо переплетаются, что приводит к возрастанию уже упомянутой нами неопределённости и затруднению познания природы риска. Следовательно, говоря о риске, нужно подразумевать сложное, комплексное явление, требующее соединения многих решений в единую систему. В связи с этим Е. Т. Матюх указывает на формирование аккумулирующих риски разветвлённых решений. Восприятие риска предстает в виде социальной проблемы: личность действует согласно требованиям, которые предъявляет к ней общество, и социальное окружение в частности. Для современного общества определяющими являются вопросы, связанные с приоритетностью принятия решений, возможностью учёта риска, и в этой связи особую роль приобретает необходимость выбирать опосредуемые социальными факторами способы управления рисками [106, с. 34].

Анализ потоков решений в социальных дискурсах должен проводиться через призму философии. Осмысление происходящих событий должно быть объективным и системным. Такой подход обеспечивает высокое качество исследования и правильность утверждённого решения. Системность знаний в области философии, политики и права играет важную роль в организации консолидированной образовательной системы социума. Взаимодействие с

социально-гуманитарным познанием при помощи различных дисциплин позволяет сохранять принцип системности. В результате человек находит ответы на глубинные и сложные вопросы. Как отмечает в своих работах А. С. Кравец [85], [86], [87], современная наука, общество вынуждены решать проблемы осмысления и управления различными рисками. Актуальность данного вопроса создаёт предпосылки для разработки эффективного инструмента управления рисками.

В конечном счёте Луман приходит к выводу о сущности риска и методах работы с ним, указывая при этом на необходимость сопоставить два отношения – «риск/надежность» и «риск/опасность». Подобное сопоставление позволяет отметить следующее. Применительно к каждому из указанных соотношений можно утверждать, что поведение, свободное от риска, невозможно. Применительно к первому соотношению данное утверждение означает, что невозможна абсолютная надёжность, применительно ко второму – что принятие решение сопровождается неизбежным риском [97, с. 156]. В таком контексте значительно снижается возможность рационального планирования жизни и поведения, направленного на хоть сколько-нибудь долговременный успех. Риски фактически обесценивают предупредительные меры, поскольку другой техногенный риск и пришедшие с ним негативные последствия могут свести на нет весь эффект профилактики. Парадоксально, но, по мнению Лумана, в политической сфере зачастую проще и выгоднее потерпеть убытки, чем столкнуться с постоянно нарастающими рисками наступления этих самых убытков. Это выглядит необычно, но зачастую оказывается проще предупредить якобы имеющуюся опасность, чем впоследствии столкнуться с репутационными издержками относительно того, что не было принято должных мер для предупреждения опасностей.

Итак, Луман в своей концепции общества риска указывает, что отныне всякое действие будет сопряжено с риском, равно как и отказ от всякого действия. Решение проблемы риска на сегодняшний день является ключевой

задачей для современных социально-гуманитарных исследований. Надежда на то, что знания, исследования позволят устранить риск и обеспечить надежность, несостоятельна. По мнению Лумана, руководствуясь практическим опытом, следует указать на существование противоположной зависимости: чем шире сфера знаний, тем глубже понимание широты сферы незнания и тем более глубоким является осознание риска [212, с. 155]. Следовательно, сегодня нет готового рецепта по преодолению риска и быстрому выходу из нынешнего кризисного состояния общества.

Российские исследователи также проводили аналогичные исследования, в которых ссылались на показатели анализа общества риска, проведённого в XXI веке. Примером может служить работа В. И. Чупрова и Ю. А. Зубок, написанная совместно с К. Уильямсом [186], в которой представлен полномасштабный анализ теорий общества риска и их адаптация к отечественным реалиям. Отдельно в исследовании рассмотрено влияние общества риска на молодое поколение. Рассматривая факторы, способствующие появлению общества риска, исследователи заметили, что переход стран с развитой экономикой к модели общества потребления является ключевым противоречием мировой модернизации. Это объясняется тем, что общество, в приоритете которого находится безграничное удовлетворение спроса и материальное обогащение, сталкивается с проблемой нехватки ресурсов. В свою очередь это в ближайшей перспективе ведёт к перераспределению ресурсов и вооружённому противоборству между государствами. Итогом существования общества потребления становится экологическая катастрофа [186, с. 11]. Аналогичного мнения придерживаются и такие исследователи, как Бек, Гидденс и Луман. Наибольшую научную ценность в работе В. И. Чупрова и Ю. А. Зубок имеет демонстрация взаимосвязи между обществом потребления и риском. Подчёркивается, что риск во многом вызван идеологизацией значительного потребительского спроса, при котором не учитываются последствия потребления. Это вдвойне

опасно, так как не только наносит ущерб экологии, но и усиливает давление на социум и отдельных его представителей. Потребление, вызванное не естественными потребностями, а модными тенденциями, усугубляет гонку за тщеславием. Это выражается в стремлении потреблять больше и качественнее, чем окружающие. Для общества потребления, в котором нужно вызывать у людей потребности, характерно появление новых специальностей. Речь идет о маркетологах, пиар-менеджерах, специалистах по рекламе, которые приобрели важную роль в обществе потребления и обществе риска, так как единственное назначение представителей этих профессий состоит в навязывании рекламируемого продукта целевой аудитории. Проблема заключается в том, что представители этих профессий не занимаются производством товаров или услуг, при этом оплата их труда включается в себестоимость продукта и ложится бременем на плечи потребителей. Из-за этого риск появления экономического кризиса растёт. Нам известно, что в обществе риска нестабильность в одной из сфер может влиять и на другие социальные сферы. Из этого следует, что, как отмечает А. И. Жмайло [66], формирование общества потребления ускоряет и увеличивает приход рисков, приводит к повышению цен на товары и услуги, способствует трансформации социальной и политической жизни социума. Ярким примером служит политическая сфера, где верность идеалам, честность, выверенные программы и расчёты в намеченных преобразованиях потеряли свою важность. Сейчас в приоритете у политиков стремление стать яркой фигурой, получив наибольший отклик среди избирателей. Это тоже ведет к появлению новых профессий, однако такие специалисты, как личные тренеры, политтехнологи, имиджмейкеры, часто отличаются некомпетентностью или вовсе оказываются мошенниками, при этом они потребляют значительное количество благ. Ещё одним негативным последствием этого становится маргинализация политического пространства, выражающаяся в том, что политики ради привлечения голосов избирателей играют роль, востребованную в массах. При этом они готовы

рисковать своей репутацией и забывают о том, насколько важно конструктивно строить политическую деятельность в стране. В конечном счёте это также отрицательно сказывается на развитии социума, поскольку способствует мультипликации рисков в обществе.

Как мы уже отмечали, риск находится на стыке объективного и субъективного начал и потому имеет дуалистичную природу. В связи с этим можно сделать вывод, что риск во многом является конструктом, созданным человеком под влиянием многих факторов. При этом в условиях информационного общества и развития медиадискурса такое конструирование может быть и целенаправленным, создаваемым для манипуляций общественным сознанием. С. Г. Кара-Мурза пишет о манипуляциях: «Если выписать те определения, которые дают авторитетные зарубежные исследователи явлению манипуляции, то можно выделить главные, родовые признаки манипуляции. Во-первых, это вид духовного, психологического воздействия (а не физическое насилие или угроза насилия). Во-вторых, манипуляция – это скрытое воздействие, факт которого не должен быть замечен объектом манипуляции. В-третьих, манипуляция – это воздействие, которое требует значительного мастерства и знаний. К людям, сознанием которых манипулируют, относятся не как к личностям, а как к объектам, особого рода вещам. Манипуляция – это часть технологии власти, а не воздействие на поведение друга или партнёра» [79]. И общество риска, во многом выстроенное благодаря таким манипуляциям и рукотворным, порой иллюзорным рискам, созданным в лабораториях профессиональных социологов и политологов, само оказывается крайне уязвимым перед лицом манипуляции. Мало того, в условиях общества риска человек начинает видеть риск там, где его нет, и тем самым творит его, особенно если речь идёт о распространении этого риска через каналы медиа. Этому же способствует уже упоминавшаяся нами «постправда», в силу которой становится важным не столько то, что произошло на самом деле, сколько то, как это было отражено в

медиадискурсе. В таких условиях системного кризиса мы вынуждены обращаться к новым, доселе неиспробованным методикам решения проблем. Ю. А. Зубок отмечает следующее: для того чтобы решить проблему рациональности в условиях риска, требуется выделить неосознаваемые, неопределённые составляющие непосредственно в структуре деятельности и рассматривать их в условиях кооперации, взаимодействия, синергии. В рамках подобного подхода механизм социального порядка формируется на уровне взаимодействия дисциплин, в т.ч. таких, как психология и социология [70, с. 19].

Такие условия особенно опасны для молодёжи, наиболее подверженной влиянию новых идей, которые могут нести в себе чрезмерно радикальный заряд, быть деструктивными в своей маргинальности и т.д. Тем не менее именно у молодёжи, рождённой уже в обществе риска, наибольшее количество шансов на успешную адаптацию в нём. То, что для старшего поколения ещё в новинку, в частности те гаджеты и сетевые коммуникации, которые сегодня заполнили собой социальное пространство [118], для молодёжи является повседневностью. Однако важно соотнести и совместить накопленный опыт старшего поколения и способность молодёжи социализироваться. Именно такой синтез и послужит ключом к выработке методологии для жизни в обществе риска, а возможно, и его преодоления и выхода из состояния постоянного и затяжного кризиса. Особенностью именно российской ситуации в отношении общества риска является затянувшийся поиск самоидентификации нашего государства на мировой арене, а также постоянно изменяющиеся внешнеполитические условия. Ввиду этого необходимо обозначить состояние современного общества как состояние «завершающегося перехода», то есть окончательного формирования внутривнутриполитического и экономического устройства, а также оформления статуса России на мировой арене. Говоря о специфике риска в переходных обществах, Ю. А. Зубок с соавторами отмечают, что в трансформирующихся, переходных обществах

риск характеризуется рядом особенностей, которые определяются общественным воспроизводством. Социально-экономические механизмы, действовавшие ранее, перестают быть эффективными, новые находятся на стадии формирования [186, с. 33]. В связи с этим до конца переходного периода риски в России будут продолжать множиться, пожалуй, даже с большей скоростью, чем в развитых странах. Мы находимся на перепутье информационного и индустриального общества, глобализационных процессов и поиска национальной идентичности, ищем союзников в мировой политике, одновременно попадая под санкции. Одним словом, завершение становления государственности также представляет собой точку накопления максимального риска, преодоление которой даст возможность получить некую «передышку» и обрести набор методов для решения проблем, связанных с обществом риска.

В конечном счёте Ю. А. Зубок с соавторами приходят к важному выводу: безусловно, имеются значимые национальные особенности в проявлениях риска и высока вероятность его проявления в переходных обществах, но, тем не менее, «несмотря на различия, существующие между европейскими обществами, под давлением глобализации происходит конвергенция условий риска. Это не может не оказывать влияние как на характер становления молодых поколений, так и на воспроизводство риска в этих обществах» [186, с. 159]. В таких условиях важен диалог, благодаря которому развитые страны смогут помочь развивающимся странам избежать собственных ошибок, а в ходе такого диалога, возможно, выявить причины и факторы, усиливающие риск в них самих, и тем самым снизить его. При этом России, как стране, находящейся в стадии завершения становления системы экономических и политико-правовых связей [218], важно поддерживать стабильность курса развития и не допускать колебаний, дабы избежать затягивания переходного периода и возрастания рисков. В таких условиях молодёжь, взрослея и развиваясь, сможет предложить свои, инновационные

методы борьбы с рисками или, как минимум, способ наиболее комфортного проживания в обществе риска. В свою очередь старшее поколение сможет помочь избежать радикализации и отказаться от заведомо провальных и деструктивных методов.

Подводя **итоги** параграфа, отметим следующее. Концептуализация феномена общества риска проходила в несколько этапов. Несмотря на дискуссии, возникающие по поводу данного термина и его содержания, можно сделать вывод о том, что современное общество тесно связано с нарастанием разнообразных рисков и их активным воздействием на социальные процессы в различных областях общественного бытия. Современность, тесно связанная с развитием медиа [202], оказалась куда более восприимчивой к рискам, чем предыдущие эпохи, что требует разработки особой, более гибкой методологии преодоления негативных последствий нарастания рисков. Таким образом, общество риска является средой и определяющим фактором формирования процесса деформации толерантности. Необходимо выявить основные аспекты деформации толерантности в современности, определив взаимосвязь данного процесса с другими социальными институтами, а также взаимозависимость феномена общества риска и деформации толерантности.

§ 2. Кризис толерантности как тенденция в развитии общества риска

Категории деформации и трансформации пришли в социально-философский дискурс из естественных наук. Такая трансляция понятий требует проведения категориального анализа, поскольку важно понять, какого рода соотношение и взаимодействие существует между этими понятиями и какова специфика их применения к тем или иным социальным процессам.

Несмотря на то что в различных естественных науках под трансформацией понимаются разные феномены, существует некий общий инвариант данного понятия, его общее содержание. Его суть состоит в некотором изменении изучаемого объекта, его переходе к новому состоянию, однако с сохранением собственных фундаментальных свойств. Само по себе слово «трансформация» указывает посредством приставки *транс-* (*trans*) на придание форме нового, выходящего за пределы прежнего, состояния. Природа изучаемого предмета будто преодолевает установленные прежней формой рамки, при этом видоизменяя их конфигурацию, но вместе с тем сохраняя субстанциальную суть феномена. Так, например, трансформации воздушных масс изменяют соотношение компонентов воздуха, однако все же сохраняют его сущность, он остается тем же веществом. Применительно к социально-философскому дискурсу термин «трансформация» применяется для обозначения значимых изменений в той или иной сфере социального дискурса. При этом изменения затрагивают поведенческие мотивы и модели отдельных индивидов, а также трансформируют социальный феномен в целом. Особую актуальность приобретает изучение трансформации в современном информационном обществе. Дело в том, что общество как социальная система все более интегрируется, всё сильнее взаимовлияние его сфер и институтов друг на друга. Это имеет противоречивые последствия, поскольку в таких условиях как прогрессивные, так и регрессивные трансформации

распространяются с большей скоростью. К тому же времени на реакцию и адаптацию к новым социальным реалиям у человека остаётся всё меньше, что приводит к личностным и социальным кризисам. Это можно заметить, обобщив результаты исследований о состоянии большинства классических социальных институтов. Практически по поводу каждого из них (семья, идентичность, идеология и др.) высказывается точка зрения, что в настоящее время исследуемый социальный институт находится в состоянии кризиса, вследствие чего исполнение им своих функций затруднено. Одной из причин такого положения дел является всё более ускоряющаяся трансформация социальных процессов и коммуникаций, что приводит к изменению всей социальной системы в целом.

Деформация же отличается от трансформации тем, что после произошедших изменений возврат к первоначальному состоянию крайне затруднён, если вообще возможен. Таким образом, преодоление деформационных процессов требует, во-первых, больших усилий, а во-вторых, по сути, подразумевает «деформацию деформации». В данном случае уместно сравнение с медициной: чтобы исправить неправильно сросшийся перелом кости, который точно является деформацией тела, требуется приложить усилия и вернуть деформированную часть тела в нужное положение, однако последствия от этих манипуляций будут ощутимы ещё очень долго. Аналогичный процесс происходит и с социальными феноменами. Исправить деформацию феномена можно, лишь основательно переработав её последствия, выявив её причины и выставив такие рамки, условия в новой реальности, при которых новая деформация будет маловероятна, а в идеале – невозможна.

Отдельной философской проблемой является соотношение категорий деформации и трансформации. Ключевым является вопрос: деформация – это частный случай трансформации или же это новый качественный уровень, новый феномен, характеристики которого не сводимы к предыдущему уровню,

и потому исследовать его следует особыми методами? Представляется, что поскольку при трансформации возможен возврат к предыдущему состоянию, она менее радикальна и более ориентирована на сохранение преемственности, традиций при изменении параметров социальных систем. Деформация же представляет собой такое качественное изменение, при котором ранее накопленный опыт видоизменяется, становится лишь тенью самого себя. Прежние черты искажаются до неузнаваемости, что приводит к симулякризации той или иной области социальной реальности. Это происходит потому, что, с одной стороны, в том или ином виде феномен продолжает существовать, однако он уже не в состоянии реализовать свой потенциал и исполнять в должной мере свои функции. Из-за этого социальная система начинает испытывать чрезмерное давление: работающие социальные институты принимают на себя нагрузку деформированных, что приводит к расширению их рамок, необходимости выполнять несвойственные им функции. В результате происходит разрушение новых социальных институтов, которые пытаются своей деятельностью компенсировать дисфункцию разрушенных и деформированных социальных образований.

Подобное утверждение справедливо и по отношению к основным ценностям, определяющим устройство социального пространства. К таковым, безусловно, относится и толерантность. Деформационные процессы, активизировавшиеся во второй половине XX века, тесно связаны с тем, что культивированием толерантности пытались решить проблемы начинающегося угасания и кризиса классических социальных институтов и ценностей. На толерантность возлагалось всё большее количество функций, по мере того как идеология, семья, идентичность постепенно переставали выполнять их. Как следствие, границы толерантности и её применимости оказались столь широки, что это привело к «отчуждению толерантности», которое будет подробнее рассмотрено в последующих параграфах.

Складывается парадоксальная ситуация: деформация в определённый момент становится причиной самой себя, образуя такую систему, при которой преодоление деформации становится невозможным без деформации самой системы, поскольку попытки «реанимировать» отдельные её компоненты, как правило, безуспешны и дают только временный эффект. Система негативных факторов оказывает столь мощное совместное воздействие, что и исправленный социальный феномен вновь деформируется. Следовательно, ключевую роль играет профилактика деформационных процессов, определение границ категорий и чёткая формулировка программы деятельности социальных институтов, дабы предотвратить их «перегрузку» и следующий за ней кризис.

Особую опасность нарастание деформационных процессов и организация их в «токсичные», деструктивные системы приобретает сегодня, в условиях общества риска. Уже сама возможность деформации способна вызвать нарастание напряжения в социально значимых сферах, связанное с угрозой снижения уровня жизни населения. Кроме того, в условиях сетевой коммуникации угроза неопределённости и наступления негативных последствий, определяющая сущность риска, распространится с крайне высокой скоростью, что является фактором, усиливающим влияние негативных тенденций. Большинство философов солидарно с мнением У. Бека относительно того, что в условиях общества риска практически любой вид деятельности, организация всякого производства сопряжены с угрозой воспроизводства рисков. Именно это обстоятельство затрудняет осуществление полноценной регуляции социальной реальности, причём затруднения касаются как осуществления теоретического обеспечения такой регуляции философами и социологами, так и попыток практического воплощения со стороны политиков и экономистов. Это связано с тем, что деформационные процессы одновременно затронули несколько феноменов и ценностей, долгое время

занимавших центральное положение в организации социального пространства, в каком-то смысле играя роль парадигмы.

Итак, мы пришли к выводу о том, что деформация и трансформация являются различными категориями, хотя и тесно взаимосвязаны. Деформация имеет ярко выраженную негативную коннотацию, отражающую некую «испорченность» деформированного феномена, затруднённую исправления ситуации. Следует определить деформацию в социальном смысле как такого рода изменение, при котором феномен отчуждается от своей исконной сущности, перестает выполнять возложенные на него функции, вызывая социальный коллапс в сфере своей деятельности, причем исправить такого рода изменения возможно, лишь совершив полное переосмысление деформированного феномена.

Соотнесение кризиса толерантности и прихода общества риска оказывает значительное влияние на различные социальные институты, значительно изменяя их функционал, требуя переосмысления применительно к новым реалиям. Такому влиянию подвергаются политическое доверие, идеология, взаимодействия в бизнес-структурах и многое другое. Данные изменения требуют анализа в рамках настоящей работы, поскольку позволяют более полно раскрыть сущность исследуемой тематики. Одним из важных аспектов современности является взаимосвязь кризисов идеологии и толерантности.

Проблема соотношения категорий «толерантность» и «идеология» не так однозначна, как это может показаться на первый взгляд. Главной методологической сложностью является то, что, во-первых, толерантность выступает как одна из ключевых ценностей, так или иначе определяющих обустройство каждой идеологии, во-вторых, отношение к толерантности в той или иной социальной системе во многом обуславливается доминирующей в определённый момент времени идеологией или же заменяющей её ценностной системой (религия, идеи общественно-политических движений, таких как

феминизм, «зелёные» и т.д.). Наконец, наличие или отсутствие толерантности в структуре общественного сознания [4], пусть и на уровне общественной психологии, а не идеологии, устанавливает те рамки, в которых способна или не способна существовать идеология как феномен социальной реальности. Иначе говоря, толерантность, находясь одновременно и внутри идеологии как одна из ценностей, задающих её структуру, и снаружи, устанавливая её социальные рамки, определяет социокультурную нишу феномена идеологии. К примеру, в рамках толерантной христианской культуры Европы идеология не просто могла существовать, но долгое время была одним из определяющих факторов общественного развития. Напротив, мусульманская культура, не склонная к толерантности и допущению полемики и инакомыслия, избежала идеологических построений, остановив свой выбор ценностной системы на догматическом исламе. Следовательно, выбор идеологической системы в той или иной культуре во многом зависит от наличия или отсутствия в её «цивилизующих смыслах» [64] толерантности. Особенно плодотворен подход к толерантности, при котором к Другому относятся не безразлично, а стремясь к сотрудничеству с ним. Именно такой подход – основанный на гуманизме, признании прав Другого и желании обоюдной выгоды – характерен для либеральной идеологии, которая в своей неоформе сегодня является доминирующей в мире. При этом собственно идеология по своей сути не является социальным феноменом, для которого характерна толерантность. В основе идеологии лежит идентичность, которая, несмотря на тесную связь с идеологией, несёт в себе принципиально иной смысл.

В разных идеологических построениях толерантность играет различную роль. В каких-то из них она проявляет себя явно, в каких-то – присутствует скрытно или выступает под видом иным социальных ценностей. Так, для либерализма и неолиберализма толерантность является определяющей ценностью и наряду со свободой и индивидуализмом составляет «ценностное ядро». И напротив, преобладание либерализма в современном мире во многом

обусловлено развитой толерантностью, а её проникновение во все сферы общественной жизни способствовало доминированию неолиберализма. Социалистическая же идеология [47], наоборот, как правило, отдаёт приоритет классовой идентичности, практически не оставляя места для толерантности, хотя с течением времени и в условиях кризиса идеологии ситуация стала меняться. Это связано с тем, что классические идеологии всё дальше отходят от своих исходных позиций, в значительной степени смешиваясь друг с другом. В борьбе за голоса электората политические партии столь сильно трансформировали свои идеологии, что практически полностью утратили собственную идентичность. В силу этих причин толерантность всё больше и глубже проникала из либеральных учений в консервативные и социалистические, усиливая своё влияние на общественную жизнь. Сложилась странная ситуация: за какую бы партию и идеологию ни голосовал избиратель, фактически он голосовал за толерантность. Национализм [141] же, в связи с либеральным законодательством [155] стран Европы, был вынужден маскировать свою интолерантность, для того чтобы быть допущенным к избирательным кампаниям.

Вследствие общественных трансформаций, ускорения темпов общественной жизни идеология и толерантность деформировались, войдя в кризисное состояние. Идеология, сдавая собственные позиции, перекладывала свои функции на другие социальные институты и ценности: на стратегии организации в экономике, на идеи общественных учений в социальной сфере (которые, между прочим, так и не смогли оформиться в качестве полноценных идеологий), а также на толерантность. Так, ряд авторов говорит о наличии сегодня «идеологии толерантности». Несмотря на то что сама по себе идея толерантности имеет конструктивный характер, подобное размытие границ, увеличение числа наложенных на неё функций и приводит к деформации толерантности. Задавая сегодня вопросы: что есть толерантность? за что в обществе она отвечает? – мы получим массу разнообразных ответов, а затем и

уточнений к ним. Подобно тому, как говорил про идеологию Р. Барт («...если всё – идеология, то она, в сущности, ничто» [12]), допустимо предположить, что подобное положение дел угрожает и толерантности. Всё больше расширяясь в границах своего применения, толерантность продолжает терять себя, растворяясь в многообразии коннотаций. Толерантность начинает выступать уже не просто в качестве ценности, регулирующей определённую область социальных отношений, она фактически становится отправной точкой любого, даже не связанного напрямую с ней, дискурса. Это порой приводит к тому, что появляются перегибы из-за нежелания субъекта оказаться, или скорее даже показаться, интолерантным, и данное обстоятельство тесно связано с общей картиной современности, обозначаемой философами как «общество риска». Риск стать интолерантным, попасть под социальные санкции порой перевешивает здравый смысл, приводя к неверному пониманию и использованию толерантности. Пожалуй, сегодня нет ни одной другой ценности, нарушение требований которой приводило бы к столь жёсткой реакции со стороны массмедиа, использующих такие нарушения как важный инфоповод, способ увеличить количество откликов и комментариев. Медиа «заражают» социальные массы [92] гипертрофированным отношением к толерантности, тем самым умножая риски. Это приближает положение толерантности в современном мире к идеологии, ведь именно за нарушение идеологических норм в XX веке люди зачастую подвергались репрессиям, притеснениям. Безусловно, сегодня наказание за нарушение норм толерантности не столь сурово, хотя в Европе нередки случаи крупных денежных штрафов или исправительных работ, однако это не означает, что интолерантность, экстремизм признаются допустимыми. В связи с этим на толерантность должны быть возложены вполне конкретные функции: необходимо разработать определённый их список, вместо существующей бесконечной череды функций, число которых со временем только множится.

Результатом перехода части полномочий от идеологии к толерантности становится деформация толерантности. Деформационные процессы идеологии и толерантности тесно связаны, поскольку обе они являются важными социальными регуляторами. Причём если толерантность ещё 10 лет назад всё больше набирала силу, оказывая возрастающее влияние на социальные процессы, то идеология же, напротив, пережила пик своей значимости несколько раньше. Уже на рубеже XX и XXI веков появились первые признаки снижения роли идеологии, начала проявляться её дисфункция в качестве социального регулятора. Часть функций, была передана толерантности – например, оценочная функция, которая указывает рамки допустимого поведения, перешла от классических идеологий к толерантности. Это видно и по характеру используемых выражений. Если ранее говорили про «буржуазное поведение», «гнилую интеллигенцию» и использовали прочие штампы, отсылающие к той или иной идеологии и необходимости «правильного» поведения её носителя, то теперь всё чаще используются термины, отсылающие к интолерантности: «шовинист», «сексист» и другие категории, указывающие на интолерантное отношение к Другому.

Однако такое расширение «полномочий» не пошло на пользу толерантности. Вслед за ним появилась и критика толерантности, осуждающая её за слишком активное вмешательство в жизнь общества, за чрезмерное использование своих регулятивных функций. И в самом деле, широко известны примеры того, как из-за обвинений, связанных с интолерантным поведением, человек лишался карьеры, социального статуса. В этом также заметна связь идеологии и толерантности: оба феномена оказывали значительное влияние на существующую в конкретной стране систему права, усиливающую позиции в обществе одной из них и снижающую значимость другой. Толерантность даже смогла выйти за пределы правовой системы конкретного государства, став основой международного права. В частности, толерантность тесно связана с пенитенциарной системой государства: «Чем

выше уровень толерантности, чем больше общество и государство заинтересованы в ресоциализации [122] попавшего в беду человека, тем выше вероятность его возвращения к цивилизованному образу жизни. Именно такое отношение наиболее близко к идее толерантности. Ресоциализационный подход позволяет добиться наилучших результатов в этом отношении: он несет пользу как обществу, так и самому освободившемуся человеку. Вместе с тем деформационные процессы в отношении толерантности и последовавшие за ними волны насилия вызывают определённые опасения за судьбу лиц, находящихся в местах лишения свободы, а также рискующих туда попасть» [36]. Влияя на систему права, толерантность тем самым обустроивает социальную реальность под себя, трансформирует её. Так, с проникновением толерантности в пенитенциарную систему, в медицину, особенно, как показывает работа М. Фуко [171], в области психиатрии, значительно изменились параметры всей социальной структуры, поскольку по аналогии начали изменяться и иные структурные компоненты общества.

Приход эпохи постидеологии тесно связан с изменениями в социальной реальности. По наблюдению С. С. Православского [126], ускорившаяся и упрощившаяся коммуникация, симулякризация социального пространства и многие другие факторы стали почвой, на которой произошли качественные изменения во всех классических социальных институтах.

Таким образом, кризис идеологии и кризис толерантности тесно связаны. Передача функций от идеологии к толерантности обусловила деформацию последней. Однако системность кризиса приведёт к тому, что деформированная толерантность также начнёт передавать свои функции иным социальным институтам, что вызовет цепную реакцию, расширяя границы социального кризиса. Толерантность как ценность утрачивает самоидентификацию, растворяясь в том многообразии функций, которые она выполняет, безуспешно пытаясь заменить их собственными.

Значительное влияние на условия деформации толерантности оказывает медиадискурс. Он выступает и средой для распространения рисков, и сам, в свою очередь, является фактором, формирующим риски. Проблематика толерантности в условиях медиадискурса изучена ещё не в той мере, в которой она того заслуживает, исходя из её значения для социальной структуры. Сегодня на состояние данного феномена влияет масса факторов, рассматриваемых в общем контексте общества риска, которое, в свою очередь, как отмечает в своей работе Г. Саймонс, тесно связано с оформлением в целостную структуру медиадискурса, выступающего в роли механизма трансляции ценностей и их интерпретации при коммуникации между субъектами [133]. Медиакоммуникация выступает своеобразным «мостом» между обществом риска как контекстом существования современного человека и ценностей [211], и самими ценностями, к которым относится и исследуемая нами толерантность. В этом и состоит специфика современного медиадискурса: он становится уже не просто передатчиком сообщения, ретранслятором, но тем местом, в котором происходит интерпретация и отбор сообщений, вплоть до их цензурирования или, наоборот, активного продвижения. Следовательно, медиадискурс сам становится значимым фактором социальной реальности и способом её адаптации для нужд тех или иных социальных групп. Трансляция тех или иных ценностей средствами медиадискурса значительно изменяет их структуру. Влияние медиасредств на современное общество само по себе представляет значимую проблему, однако её рассмотрение в контексте трансляции и ретрансляции ценностей придаёт анализу большую глубину. Сущность современного медиадискурса предполагает его постоянное расширение, мифологизацию и стандартизацию содержимого субъектом медиадискурса. Этот субъект является отдельной и особой проблемой. Следует заметить, что субъект медиа многосторонен, многогранен. Скорее следует говорить об отсутствии некоего единого субъекта медиадискурса, который бы так или иначе если не контролировал

ситуацию, то обладал бы полнотой информации о происходящем в медиа, неся за это определённую ответственность. Однако объективно обилие источников и количество информации в современных медиа таково, что оно делает подобный контроль практически невозможным. Фактически можно сказать, что сегодняшняя эра становится тем моментом, в котором каждый человек имеет право и возможность стать медиа: ведя блог, онлайн-конференцию и т.д. Так, число подписчиков на аккаунты знаменитостей в социальных сетях может достигать нескольких десятков миллионов человек. Однако с популяризацией всякого медиа начинается его капитализация, и как следствие этого – оно теряет независимость. По большому счёту, мы имеем дело с переплетением в медиадискурсе интересов элит из различных сфер. Однако сам медиадискурс в силу подобной «распылённости» элит, по сути, оказывается лишён субъекта в классическом понимании данного термина, что приводит к его самоопределению и фактическому отсутствию должного стратегического контроля за его существованием. Каждый из ключевых игроков медиадискурса: и крупные СМИ [157], и медиа в целом, и государственные полномочные органы, и обслуживающие технические службы – имеет контроль лишь за определённым сегментом медиадискурса, однако в целом его никто не контролирует. На первый взгляд, это та самая свобода [18] медиадискурса и СМИ, однако в реальности оказывается, что происходит десубъективизация медиадискурса, которая приводит к тому, что он становится или неуправляем, или управляем, но скрытно, в тайных интересах узкой группы лиц, которая выступает в роли «серого кардинала».

Мало того, медиадискурс вкупе с иными факторами изменений социального пространства (деформация социальных иерархий, размытие границ социальных феноменов, ускорение социальных изменений) формирует такую ситуацию, при которой старые, классические подходы к изучению социума перестают давать нужный эффект. Они становятся неспособными предсказывать социальные последствия и предлагать эффективные меры

противодействия социальным кризисам, как правило, ограничиваясь лишь описанием кризисных ситуаций и выделением наиболее общих тенденций. М. Г. Шилина [189] обращает внимание на то, что единая теоретическая концепция социоэкономического дискурса к настоящему времени не сформирована. Анализ результатов общественного развития, воздействия кризисных ситуаций конца XX – начала XXI века позволяет выявить ряд несоответствий в концепциях, являющихся наиболее значимыми. К примеру, Ф. Фукуяма, занимающий должность ведущего научного сотрудника в Институте международных исследований при Стэнфордском университете, в 2011 году отмечал, что существующий в США вариант капитализма утратил доминирующие позиции. США и Запад в целом более не являются единственным генератором новых социально-политических идей, в международных организациях позиция Европы и Соединённых Штатов становится всё менее значимой [174]. Можно не быть целиком согласным с автором в том, что касается потери США и Европой влияния на мировой арене, однако старые варианты капиталистических отношений в самом деле утратили весомую долю собственной легитимности. Причиной этого стал и мировой кризис 2008 года, который, по мнению ряда исследователей, ещё не закончен и являет собой новый тип затяжного кризиса с несколькими волнами, последствия которого проявляются как в угасании, растворении неолиберальных идей в других идеологиях, так и в росте напряжённости на мировом рынке. Декларируя, больше по привычке, ориентацию на открытые рынки, свободу слова и другие либеральные свободы, мировое сообщество стремится снизить степень риска путем изоляции, реализации протекционистских мер, замыкания культурной индустрии на идеологически выгодные темы. Так, к примеру, Китай, осуждающий протекционизм в экономике, фактически всемерно препятствует проникновению на свой рынок инвесторов, желающих получить контрольный пакет акций того или иного предприятия.

Аналогичная ситуация складывается в медиапространстве, где, несмотря на декларируемую или формальную независимость СМИ от того или иного типа элит, происходит нагнетание именно тех настроений, которые предпочтительны для элитарной группы, владеющей СМИ. Это в свою очередь ведёт к напряжению в медиадискурсе, снижает толерантность в нём, что оказывает непосредственное влияние на реальную экономику и политику. Сегодня нередки случаи, когда фондовые биржи реагируют даже на слух об изменениях в политической сфере. Это и есть то самое развитие риска, его распространение во всех сферах. По сути, сегодня риск связывает различные сферы общества, желает оно того или нет.

Развитие медиадискурса хронологически совпадает со стартом деформации толерантности, что даёт нам возможность сопоставить данные факты и провести их анализ. Влияние медиадискурса на толерантность оказалось двояким. Будучи транслятором идей толерантности в контексте пропаганды либеральной идеологии, массмедиа во многом выступали мифологизатором толерантности. Политический миф о толерантности, формируемый прозападными медиа как в самих развитых странах, так и в странах «третьего мира», состоял в том, что приписывал толерантности практически безграничные возможности, указывая на экономические и социальные успехи этих стран во второй половине XX века. Однако подобная мифологизация являлась попыткой продвижения в страны «третьего мира» либеральных идеалов как средства вытеснения местных ценностей и религий. При этом зачастую либерализм, толерантность и постмодернизм шли на восток и юг совместно, рука об руку. И, как убедительно показывает С. Тернер [219], план культурной и идеологической интеграции восточных стран в западный смысловой контекст провалился практически полностью. Не считая частных случаев вроде сети «Макдоналдс» и усиления роли потребления до определённого, пусть более высокого уровня, чем прежде, идеи постмодернизма были отвергнуты исламским миром. Не обладая достаточной

цельностью и концептуализацией, обращённые в форму политического и культурного мифа, такие феномены, как постмодернизм, неолиберализм и толерантность, проиграли борьбу более цельному и привычному для тех стран мусульманству, будь оно шиитского и суннитского толка. Западные ценности были восприняты Востоком лишь в той мере, в какой это было необходимо для ведения бизнеса или для политического взаимодействия, в которых принимает участие совсем небольшая часть населения этих государств. Напротив, в силу миграционных и глобализационных процессов, рассмотренных в работе В. Л. Иноземцева [76], а также связанного с ними переселения носителей ислама в страны Европы и США, произошла и продолжает наращивать свои темпы исламизация населения ЕС. Таким образом, либерализация и продвижение постмодернизма [94] на Восток оказались проваленными. В то же время, за счёт притока сторонников мусульманских ценностей и демографического прироста этого населения в благополучных условиях Европы, уже сегодня принято говорить о проблеме исламизации Европы, утрате ею собственной культурной идентичности и т.п.

Активное использование идеи толерантности средствами медиа привело к размытию границ её социокультурной ниши. Была утрачена чёткость определения данного термина, стали неопределёнными собственно функции толерантности, её место в социальном дискурсе. Нередки случаи, когда в дискуссиях под толерантностью понимают сходные, но вовсе не идентичные понятия, что приводит к разночтениям и отсутствию конструктивного диалога. Кроме того, использование непрофессионалами в медиадискурсе различных терминов приводит к тому, что в общественном сознании их смысл значительно искажается. Из-за этого множится количество дефиниций термина, причём зачастую наиболее популярными и используемыми становятся максимально простые и яркие, но не самые точные и научно выверенные определения. Это приводит к симулякризации социальных феноменов, их отрыву от изначальных смыслов и ценностей, на которых они

основывались. Это относится не только к толерантности, но и к понятиям идеологии, справедливости, да и к самому термину «медиа».

Также нельзя не отметить, что «захламлённость», «перегруженность» медиадискурса политическими и экономическими терминами, чрезмерно частое их использование приводит к тому, что публика, то есть пользователи Интернета [88], телезрители и другие пользователи медиасредств, начинает уставать от них и раздражаться. Это ведёт к снижению политического доверия и, наоборот, росту политического абсентеизма. Возможно наблюдать последствия такой усталости от политики в падении роли политических выборов, снижении явки на них. Что касается толерантности, то столь частые отсылки к ней приводят к тому, что именно в ней начинают видеть корень большинства проблем современного общества. Это приводит к появлению теорий, критикующих наличие толерантности, радикализирует общественное мнение. В этом случае медиадискурс выступает фактором усиления и умножения рисков.

Итак, использование термина «толерантность» в медиадискурсе с пропагандистскими и популистскими целями имеет двоякое значение. С одной стороны, подобное продвижение идеи толерантности через средства массмедиа обеспечило ей и в целом либеральной идеологии господство в большинстве развитых стран. С другой стороны, подобное распространение толерантности привело к её деформации и использованию для тех целей, для которых она не предназначена (замещение идеологии, определение системы ценностей [86] в конкретном обществе и др.).

Важную роль играет и взаимосвязь между деформацией толерантности и кризисом политического доверия в обществе риска. Этот процесс обладает обоюдным и диалектическим характером, так как деформация толерантности ведёт к росту социального напряжения и недоверия, а рост недоверия – к деформации толерантности. Проблема заключается в том, что общество, которое находится в условиях снижения доверия, стремится к ущемлению

демократических прав и свобод либо полному отказу от них. Это не оформляется юридически, но проявляется фактически, поэтому при росте недоверия в обществе страдает демократия и демократические институты, а политические режимы меняются на тоталитарные и авторитарные.

Описанная проблема роста недоверия к политическим институтам является одновременно и новой, и классической. В прошлом неоднократно происходили государственные перевороты, бунты и восстания из-за потери доверия общества к правящим элитам. Однако рост недоверия к политическим институтам в странах с демократическим политическим режимом и либеральной идеологией приводит к иному их значению. Если исходить из толкования значения слова «демократия», можно утверждать, что рост недоверия к представителям власти – признак снижения легитимности власти. Часто отношение к власти меняется настолько сильно, что такая власть воспринимается массами как хунта, узурпировавшая властные полномочия.

Так как на данный момент почти все экономически развитые государства руководствуются либеральной либо неолиберальной идеологией, проблема уровня доверия к власти является фундаментальной и для нормальной работы правовой системы, и для эффективного использования властных полномочий. Необходимость в легитимной и способной к диалогу власти, способной взаимодействовать с оппозицией в нормальном и конструктивном режиме, наблюдается в разных демократических режимах. В качестве примера можно привести Францию, где движение «желтых жилетов» стало угрожать текущему социально-политическому устройству страны. Аналогичные проблемы были и в Российской Федерации, когда протестующие вышли на митинг на Болотную площадь, и в странах, где протесты стали началом «цветных революций». Из этого следует, что снижение доверия к власти приводит к тому, что общество требует сменить формальную демократию на реальную, основанную на диалоге власти и электората. Проблема заключается в том, что часто под видом электората выступают другие политические силы. Они могут быть

проспонсированы криминальными структурами либо другими странами, преследующими цель дестабилизировать государство. Из-за этого представители правящих элит вынуждены использовать цензуру, снижая и без того низкий уровень демократии в стране. В результате возникает тупиковая ситуация: нехватка демократии ведёт к усилению запроса социума и росту потребности в правах и свободах, из-за чего правящие элиты ещё больше их сокращают. Это в свою очередь является причиной снижения доверия к власти, и такая ситуация может привести к социально-экономическому кризису. В связи с этим необходимо провести системный анализ и разработать программу действий, которая позволит повысить уровень доверия к власти и демократии в целом. Эта проблема была рассмотрена И. Крастевым, который отметил, что на данный момент представители социума воспринимают свободу как данность и верят, что могут отстаивать свои права с помощью иска против власти либо посредством интернета. Однако такая ситуация, по мнению И. Крастева, указывает не на конец демократии, а на её радикальную трансформацию [89, с. 28]. Из всего вышесказанного следует, что существует тесная взаимосвязь между кризисом доверия и атомизацией социума, а также разделением социума на почти обособленных индивидов – данное явление детально проанализировано в работе Н. Элиаса [194]. Тут стоит обратиться к этимологии используемых терминов. Так, одной из вариаций перевода термина «республика» является «общее дело». Но так как ничего общего у граждан [61] страны нет, демократия трансформируется, что приводит к снижению легитимности власти. Из этого следует, что для преодоления кризиса доверия к власти нужно определить, какие идеалы и ценности следует формировать, развивать и распространять в социуме для стабилизации ситуации.

При этом важно учитывать то обстоятельство, что растущее недоверие к власти отрицательно влияет на толерантность в обществе и готовность к конструктивному диалогу между членами социума. Это подтверждается тем, что во время кризисных политических ситуаций растёт уровень насилия [52],

снижается уважение членов социума к чужим желаниям и потребностям, возрастает количество правонарушений. Из этого следует, что деформация толерантности проявляется и по отношению к правовой системе государства, и по отношению к его населению. В результате ущемляются права и свободы, снижается уровень правовой и политической культуры. Так, например, в развитых странах параллельно с началом деформации толерантности и кризиса идеологии всё больше набирает обороты политический абсентеизм. Прослеживается тесная взаимосвязь кризисов классических социальных институтов, что приводит к маргинализации политической системы государства, появлению «марионеточных» политических партий и общественно-политических движений, радикализации общественного сознания, усилению влияния экстремистских и националистических партий. Отмечается, что «чрезмерно широкие границы толерантности допускают деятельность агрессивных, экстремистских партий, что способно дестабилизировать ситуацию в обществе, вызвать рост насилия, призывы к радикализму – словом, ухудшить социально-культурные условия существования людей. <...> Наоборот, чрезмерно узкие границы толерантности приводят к невозможности оппозиционных и малых групп реализовать свои политические амбиции. Кроме того, признание новых политических программ “маргинальными” приводит к застою в общественной жизни, утрате гибкости и способности оперативно реагировать на новые вызовы всей политической системы» [35]. Снижение доверия к политическим институтам подрывает устойчивость политико-правовой системы и увеличивает фрагментированность, мозаичность «идеологической карты» социальной реальности.

Отдельно нужно выделить разницу между социальным протестом, который наблюдался в прошлом, и протестами, которые происходят в современном мире. Раньше лидеры протестующих стремились захватить власть, пропагандируя свои взгляды на управление социумом. Они требовали перемен,

прозрачности и доступности властных полномочий, гласности и других демократических ценностей. Сейчас всё происходит по-другому. На данный момент в ситуациях, когда доверие к власти падает до критического минимума и приводит к протестам, протестующие выдвигают требования, которые касаются только социально-экономических факторов существования. Что касается государственной политической системы и непосредственно политической власти, то она протестующих и их лидеров интересует редко. Ещё меньший энтузиазм протестующие проявляют по отношению к идее вхождения в состав правящей элиты. Они предпочитают не самостоятельно находить решения проблем, а выбирать один из тех вариантов, который предложит прежняя или новая власть. Такая тенденция – отражение явления, названного Э. Фроммом «бегством от свободы» [170]. Из этого можно сделать вывод, что суть недоверия и недовольства властью существенно трансформировалась. Неспособность и нежелание брать на себя ответственность, отсутствие необходимых для управления страной знаний и умений, ценностей и идеологии приводит к тому, что протестные движения приобретают принципиально другое значение. При этом социумом манипулируют с помощью специальных технологий управления общественным сознанием. Это делается специально, а манипуляции совершают люди со специальной подготовкой. В данном случае можно сослаться на точку зрения С. Г. Кара-Мурзы, подчеркивавшего, что управление общественным сознанием требует определённых знаний и большого мастерства. Однако в некоторых случаях роль манипуляторов выполняют талантливые самоучки с развитой интуицией, использующие подручные средства [80, с. 18]. В качестве инструментов манипуляции чаще всего используется большое количество сложных специфических терминов, переизбыток информации, смешение оттенков. С помощью этих инструментов можно как усилить протестный потенциал, так и нейтрализовать его. Однако использовать такие технологии нужно осторожно, так как возникающие колебания дестабилизируют социум,

ведут к росту маргинальности, способствуют возникновению социально-психологических кризисов.

Особую опасность подобные «колебания» несут в современных условиях общества риска. По определению У. Бека, «общество риска есть общество, чреватое катастрофами. Его нормальным состоянием грозит стать чрезвычайное положение» [14, с. 15]. Такое общество сложно тем, что любое производство, любое начинание сопряжено с многоуровневым и многократным воспроизводством риска и его практически моментальным распространением. Важную роль в этом процессе сыграли цифровая революция [152] и цифровой поворот в культуре, благодаря которым скорость распространения рисков многократно возросла. Одновременно с этим увеличилось и количество возможностей применения собственных способностей, что имеет как очевидные положительные стороны, так и отрицательные. Минусы связаны с тем, что социально важными, а порой и социально опасными проектами начинают заниматься непрофессионалы, лица, не обладающие должным набором компетенций для осуществления выбранной деятельности, что приводит к банкротствам, техногенным катастрофам, просчётам в планировании и прочим негативным последствиям.

Парадокс заключается в том, что в сложившейся ситуации жизненно необходимо, чтобы уровень доверия к правящим элитам был высоким, а представители власти и граждане государства стремились к построению конструктивного диалога. При этом политическая легитимность и уровень доверия, наоборот, быстро падают. Такая парадоксальная ситуация сложилась из-за того, что в обществе растёт недоверие к институтам гражданского общества. В частности, снижается авторитет общественных движений и феномена экспертов, знания и опыт которых ставятся под сомнение как массами, так и представителями профессионального сообщества. Из-за этого возникает интеллектуальная лакуна, способствующая развитию антинаучных и псевдонаучных концепций в социально-гуманитарной и других сферах

социума. Сложившаяся ситуация крайне опасна, так как снижает доверие к власти, дестабилизирует развитие социума и ведёт к кризису государственности. Эта проблема была изучена профессором В. А. Смышляевым [143], который отметил, что развитие социума в современном мире является многоаспектным и сложноструктурированным явлением. Суть этого явления, его динамика и другие характеристики зависят от государства, так как именно оно является главным субъектом управления социумом [143, с. 244]. При этом сложившаяся ситуация усугубляется тем, что растёт недоверие во всех сферах, а не только в политическом аспекте социальной реальности. Это указывает на формирование комплекса негативных факторов, влияющих на все сферы жизнедеятельности социума.

Возникает вопрос: как можно решить проблему роста недоверия к власти? Возвращение доверия к власти, как и любая другая деятельность, в обществе риска будет сопровождаться воспроизводством рисков. В связи с этим при разработке решений нужно учитывать, что возвращение доверия к власти должно дополняться двумя взаимосвязанными аспектами: преодолением недоверия к власти и нейтрализацией рисков, связанных с деятельностью по преодолению кризисных явлений. В последнем случае нужно учитывать не только существующие, но и вероятные риски, проводя профилактические мероприятия по предупреждению рисков. Это отмечают в своих исследованиях С. И. Сулимов и Д. Г. Кукарников. По их мнению, любое нововведение является рискованным как минимум по той причине, что его появление дестабилизирует текущую ситуацию [90, с. 256]. Актуальность проблемы нейтрализации и профилактики рисков заключается в том, что в современном мире любая информация (особенно негативная) распространяется моментально. При этом не имеет значения, насколько она правдива. Сейчас намного важнее яркость подачи и количество просмотров, чем правдивость (например, именно поэтому так быстро распространяются антинаучные и лженаучные концепции). Представляется, что в качестве

инструментов нейтрализации и профилактики рисков стоит использовать действительно интересную информацию, публикуемую в СМИ. Её должны озвучивать привлекательные, красноречивые лекторы, а также авторитетные эксперты в обозначенной сфере. Вполне оправданным представляется использование интернет-ресурсов, которые способны за счёт своей мобильности и ориентации на молодёжную аудиторию при помощи ярких и содержательных видеоматериалов утолить «информационный голод» молодёжи, сделать образованность модной чертой.

Что касается возвращения политического доверия, то здесь также значимое место должны занять неполитические организации. Доверие – честное, а не показное – нельзя вернуть приказами или агитационными плакатами. Нужны реальные действия, показывающие готовность власти к диалогу, к тому, чтобы слышать в том числе оппозиционные, а порой и маргинальные силы. Главными помощниками в данном случае должны стать спортивные и научные организации, с помощью которых можно преодолеть границы и барьеры между разными странами. Отстранённость и независимость науки, спорта и искусства от политики даёт им шанс стать неким связующим звеном между государствами или элитами. Развитие этих сфер даёт возможность начать сотрудничество, чтобы продолжить его уже в политическом аспекте. На данный момент наблюдается другая ситуация. Сегодня, к сожалению, происходит обратный процесс, когда политизация указанных сфер в контексте сложных международных отношений приводит к тому, что реальное сотрудничество между государствами сводится к минимуму. Мало того, теряются те каналы социального взаимодействия, которые могли бы послужить источниками нормализации международной ситуации через диалог учёных, спортсменов, деятелей искусства, а также рядовых граждан разных стран, активно интересующихся данными проблемами. Примером такого позитивного влияния может служить прошедший в России в 2018 году Чемпионат мира по футболу. В рамках этого

события международного масштаба представители разных культур смогли лучше узнать друг друга, совместно пережить эмоции, понять культурные особенности другого народа и сломать негативные стереотипы, о чём свидетельствуют публикации в СМИ (как российских, так и зарубежных), а также посты в социальных сетях.

Таким образом, проблема кризиса политического доверия многогранна и требует системного подхода с учётом как внешнеполитических, так и внутривнутриполитических факторов. Значительное влияние на проблему политического доверия оказывает современная социокультурная ситуация, а также сопряжённое с ней состояние «общества риска», которое требует особой осторожности при воздействии на электоральные массы. Ключевым же способом разрешения сложившегося кризиса доверия представляется диалог, основанный на взаимно толерантном отношении власти и электората, включая оппозиционные и протестные социальные группы, на их желании сотрудничать. Кроме того, должен быть полноценно реализован потенциал гражданского общества, особенно в сфере науки, искусства и спорта, поскольку именно эти социальные институты способны выступить основой для полноценного международного сотрудничества и преодоления напряжённости.

Особым образом отказ от толерантности отразится и в сфере гражданского общества. Как отмечает в своей монографии Л. Ю. Грудицина, гражданское общество стало возможным в западных странах именно с развитием идей толерантности, когда власть дала людям право самим регулировать часть социально значимых отношений. При этом в рамках гражданского общества толерантность также является неотъемлемой составляющей, поскольку различные субъекты такого общества должны относиться друг к другу толерантно для поддержания его деятельности и сохранения жизнеспособности. Следовательно, для существования гражданского общества необходима толерантность в двух ипостасях: во-

первых, толерантность политической власти к самому факту реального существования гражданского общества, а во-вторых, толерантность внутри него, то есть толерантность его субъектов по отношению друг к другу.

На сегодняшний день гражданское общество испытывает сложности в связи с давлением на него разнообразных рисков, рассмотренных, в частности, в работе Р. Дарендорфа [51]. Риск от снижения толерантности является одним из ключевых, поскольку в кризисных ситуациях государство всё меньше способно и склонно доверять полномочия самоорганизующимся структурам гражданского общества. Кроме того, атмосфера недоверия друг к другу у субъектов гражданского общества подрывает смысл его существования как той среды, где могут быть реализованы творческие и иные планы, к которым иные субъекты отнесутся толерантно. Деформирование структуры и дисфункция гражданского общества приводят к тому, что оно становится «квазигражданским обществом», как его определил профессор С. И. Семенов. По его мнению, «такое “общество” призвано лишь имитировать толерантность, а на самом деле может лишь исполнять роль агрессивного послушного большинства, заглушая голос совести и разума конформистскими аплодисментами в честь власти» [135, с. 29]. Особенно эта ситуация опасна для России, где процесс формирования полноценного гражданского общества затруднен как по историческим, так и по политическим причинам. А с учётом наступления кризиса – как идеологических структур, так и демократических политических институтов – именно гражданское общество, являясь наиболее гибким социальным образованием, способно принять на себя часть функций от политических институтов. Разочарование в политике происходит как у простых граждан, так и у деятелей политических партий. Иначе говоря, сама суть демократического политического процесса в условиях деформации толерантности в обществе риска в свою очередь также деформируется. Политический процесс, по мнению многих исследователей, превращается в спектакль. Как отмечает Питер Майр, исследуя специфичность современной

демократии, «очевидно, что удельный вес этих (идеологических и ценностных) детерминант значительно снижается. Люди, посещающие церковь, всё ещё могут голосовать по религиозному признаку, но количество таких граждан среди европейских избирателей сегодня существенно меньше, чем тридцать лет назад, и их возможность влиять на формирование избирательной политики значительно снизилась» [100, с. 74]. В связи с этим возникает необходимость более активного использования неполитических ресурсов обеспечения управления или, точнее сказать, самоуправления общественными процессами общественными же структурами. Более широкое использование структур гражданского общества, передача им пусть не первостепенных, но значительных полномочий имеет особое значение и для решения проблемы нарастания рисков. Дело в том, что аполитичность населения – как современных западных стран, так и России – своеобразно сочетается с ростом недоверия и пассивного (а порой и активного) протеста против решений, принимаемых властями. Происходит популизация программ политических партий, исполнить которые становится затруднительно, что приводит к ещё большему недовольству населения проводимой политикой и разочарованию в выборах. Такое положение дел, безусловно, увеличивает экономико-политические риски [25]. Напротив, решения гражданского общества, состоящего непосредственно из представителей населения, позволяют снизить градус напряжения, создавая видимость участия простых граждан в реальном управлении процессами даже в ситуации, когда власть не готова бесконтрольно передать гражданам важные полномочия.

Кроме того, сохранение и переосмысление идей толерантности необходимо для того, чтобы в рамках более гибкой социальной модели управления обществом избежать влияния стереотипов, предрассудков относительно представителей других рас, культур, религий. Как отмечает Д. А. Афанасьева, толерантность способна стать той площадкой для диалога в рамках российского и мирового сообщества, на которой может быть

выстроено сотрудничество, отвечающее требованиям социальных трансформаций, происходящих на стыке тысячелетий [7]. Толерантность, таким образом, будет являться основанием нового типа гражданской культуры, которую мы можем определить как «уровень осознания гражданином общественных задач, его практической активности в деле претворения их в социальную жизнь. В этом смысле она есть структурный элемент гражданской жизни и выражает степень зрелости общества, способность обеспечения общегражданских интересов, форм и механизмов выработки и реализации совместных решений, согласованных действий (зачастую альтернативных политической власти) [219]. Именно в такой культуре общество способно консолидировать свои усилия, оказывать влияние на повестку дня и вступать в конструктивный диалог с политической властью, предлагая той своё видение ситуации и решения проблемных моментов. Эта культура, как пишет Я. И. Гилинский, по-видимому, является неким основанием для адаптации российского общества к новым мировым условиям и требованием современного информационного общества [40]. Многообразие оттенков социальной картины мира сегодня не позволяет быть эффективной модели управления социальными процессами, при которой существует лишь одна, навязанная политической властью, точка зрения. Именно формирование диалога власти, бизнеса, деятелей культуры, причём не только титульной нации или религии, а всех субъектов общественной жизни, сегодня способно сформировать комплекс решений, отвечающих демократическим требованиям и критериям. По наблюдению Ч. Тейлора, сегодня преодолевается долгое время считавшаяся классической дихотомия «политическая власть – гражданское общество» [150]. Происходит процесс взаимопроникновения этих структур, формируются некие «промежуточные», «буферные» инстанции, в рамках которых общество и власть ищут точки соприкосновения. Сегодня человек уже не готов довольствоваться ролью только исполнителя государственной воли, потребляющим информацию лишь из официальных

провластных СМИ [125]. При этом существует и негативный аспект, связанный со снижением политической и правовой культуры населения, что в свою очередь снижает количество потенциальных участников диалога с властью. Как отмечает В. В. Петухов, «вызывает некоторую тревогу тот факт, что рост гражданской активности, бурная политизация общества происходит на фоне девальвации в глазах общества большинства легальных и легитимных форм политического участия (партии, профсоюзы, значительная часть НКО и т.п.)» [122]. Во многом деформация толерантности обусловлена снижением общего уровня культуры, кризисом идеологии идентичности в современном обществе. Следовательно, противоречия между властью и гражданским обществом в контексте общества риска практически невозможно преодолеть какой-то одной, пусть и масштабной мерой. Требуется комплекс решений, направленных на установление диалога и понимания между сторонами, что позволит подспудно добиться прогресса и в вопросе преодоления деформации толерантности.

Итак, мы можем сделать **вывод** о том, что толерантность и её деформация самым тесным образом связана с трансформациями современного общества и основных его социальных институтов. При этом описанные выше кризисы социальных институтов образуют систему кризисов, которая, как всякая система, требует к себе особого подхода. В свою очередь эти трансформации вызывают к жизни всё новые риски и потому обращают на себя внимание исследователей. В контексте снижения политического доверия, кризиса идеологических систем [187] и идентичности требуется грамотный контроль и самоконтроль в рамках медиадискурса, а также в организации деятельности общественных движений и партий. Именно поэтому можно сказать, что деформация толерантности и общество риска образуют определённую кризисную систему, работа с которой требует комплексного подхода и учёта различных социокультурных факторов, в том числе и в условиях российского общества.

§ 3. Пути преодоления деформации толерантности в современном российском обществе

Процесс деформации толерантности и нарастания рисков очевиден и в российских условиях [62]. Отдельные аспекты таких проявлений частично были рассмотрены в предыдущих главах, однако диссертационное исследование требует детального анализа преломления деформации толерантности через призму российского социума.

Специфика существования российского общества в XXI веке, по наблюдению А. В. Иванчиковой [71], определяется тем, что, с одной стороны, оно по-прежнему тесно связано с европейским обществом и с транслируемыми им ценностями, а с другой – формирует собственную идентичность на основании исторического опыта, традиций и актуального положения дел в мировой политике. При этом образуется некий смысловой разрыв, лакуна, требующая заполнения и преодоления. Такое заполнение приводит к возрастанию рисков и повышению вероятности возможных ошибок, поскольку толерантность и идентичность [185] в определённых социальных условиях способны вступать в противоречие и нивелировать друг друга.

Как отмечает А. А. Недашковский, особым образом это проявляется в России, где процесс глобальной интеграции совпал с процессом распада СССР и локальной или региональной дезинтеграции [116]. Именно поэтому одной из ключевых проблем начала нового столетия стал поиск образа государства во внешнеполитических отношениях, а также формирование идентичности россиянина, его патриотизма и самоидентификации [188] [184] именно с современной Россией, а не с эпохой СССР или более ранними временами.

Вместе с тем условия общества риска как среды проявления толерантности, а также в целом произошедшие в обществе перемены накладывают свой отпечаток на происходящее в социальной реальности, в том числе на практическую реализацию идей толерантности. Уже упоминавшееся

нами распространение данных идей средствами медиа привело к тому, что зачастую общественное сознание связывает с толерантностью негативные аспекты современного общества (некорректное и интолерантное поведение мигрантов, утрату классических ценностей [101], культурные войны [177]). Несмотря на ошибочность такого мнения, оно становится своеобразным политическим и социальным мифом, который живет по своим правилам, зачастую не соотносясь с реальным положением дел. Такой миф является объектом веры определённых социальных слоев. Такой верой и поддерживается его жизнь, причём порой поле его деятельности расширяется, а число верящих в него растёт. Происходит так называемое «социальное заражение» масс, объединяемых вокруг социального конструкта. Результатом является возрастание интолерантности в обществе, которая усугубляет разобщённость населения, усиливая социальную напряжённость и недоверие к Другому. Это приводит к ещё большей критике толерантности. Именно поэтому ключевыми становятся вопросы границ – как границ применения самой толерантности, так и степени терпимости к Другому, а также разграничения толерантности и интолерантности. В этом аспекте начинает сказываться перемена в структуре социальной реальности, связанная с переходом от индустриального общества к информационному. Усиливающаяся подвижность границ, их размытие, требование быть более гибкими в условиях быстрой смены обстоятельств в динамичном мире, трансформация различных параметров – всё это приводит к тому, что изменяется большинство выработанных в прошлом терминов. Подобная трансформация происходила и при переходе от традиционного общества к индустриальному, однако в тот период роль толерантности даже в самой европейской культуре (не говоря об иных культурах) была намного ниже, чем при переходе от индустриального общества к информационному. Как отмечает Р. А. Зобов, «модель толерантности индустриального общества нельзя экстраполировать на информационное общество. <...> В этом контексте

многостороннее видение объекта, объединяющее моменты рационального и иррационального, неизменно делают его более привлекательным» [69, с. 73]. Ориентация на уникальность, индивидуальный подход приводит к тому, что общество всё больше разобщается, в его структуре появляется всё больше лакун, фрагментирующих общество и требующих обоюдной толерантности субъектов, относящихся к различным течениям. Оппозиция «свой – чужой» значительно трансформируется, поскольку и «своих» и «чужих» становится больше, система их взаимодействий значительно усложняется. Возрастающая нагрузка на толерантность как регулятор социальных отношений совпадает с её деформацией, следствием чего становится возрастание напряжения и закрытие многих социальных групп внутри самих себя, отказ от диалога и абсентеизм в социально-политической жизни. Расширившаяся свобода творчества и самовыражения, с одной стороны, может быть рассмотрена как веяние новой эпохи, один из способов противостоять агрессии и негативу в обществе. Об этом пишет Р. А. Зобов: «Творческий человек терпимо относится к другим людям не потому, что ему это предписывается извне <...> или для достижения своих, преимущественно материальных интересов. Он будет хорошо относиться к людям, так как ощущает внутреннюю гармонию с ними, видит в них нечто тождественное с собой» [69, с. 72]. С другой стороны, мы не можем согласиться с тем, что творческий человек всегда толерантен и бескорыстен. Напротив, в эпоху медиа особую актуальность приобрел феномен «хайпа», то есть преднамеренной эскалации напряжения вокруг какой-то обсуждаемой ситуации. Медиа снимают покровы морали с множества прежде табуированных тем лишь с целью набора популярности или приобретения тех самых материальных благ. Причём лицам, которые за этим стоят, нельзя отказать в творческом начале: они выпускают вполне качественный продукт, новый по своему содержанию, но отнюдь не филантропического и позитивного характера. И зачастую именно такие творческие люди сегодня занимают наиболее рейтинговые позиции в шоу-

бизнесе, в блогосфере. Даже в самых «рафинированных» и интеллигентных слоях культурной и научной элиты нередки скандалы, прорывающиеся в публичное поле. Не вызывает сомнений опасность распространения таких скандальных подробностей в глобальной сети сегодня. Это во многом срывает маски и рушит идеалы для молодёжи, поскольку вместо возвышенных и утончённых людей, которых молодые люди могли бы принять за образец, они видят людей обычных, с многочисленными недостатками и даже пороками. Это с неизбежностью усиливает цинизм молодого поколения, повышает уровень его интолерантности и усиливает жажду сугубо материальных благ. Таким образом, переход к информационному обществу несёт в себе принципиально новые риски для толерантности как ценности, регулирующей общественные отношения. При этом многообразие социальных связей и их всё усложняющаяся структура формируют социальный заказ на развитие толерантности. Происходит накопление напряжения относительно толерантности и развития, умножения и мультипликации рисков. Возникает ситуация, в которой человек нуждается в толерантности, но отрицает её, отказывается быть толерантным, ищет иные пути решения накопившихся проблем. И такие пути, безусловно, существуют. Однако выбор интолерантных путей выхода из кризиса будет, по сути, означать отказ от европейской культуры, неразрывно связанной с толерантностью. В современных же условиях подобный отказ от толерантности будет иметь не только абстрактное, философское и культурологическое значение – он будет означать необходимость трансформации системы права, которая на сегодняшний день в западных странах чётко выстроена под требования идеи толерантности, что потребует значительных усилий и ресурсов. Результат такой трансформации правовой системы непредсказуем, никаких гарантий успеха нет и быть не может. Такое изменение правовой системы вкупе с отказом от толерантности приведёт к смене регулятивной системы всех социальных отношений, поскольку право, мораль, религия и иные виды

социальных норм образуют именно систему социальной регуляции. Следовательно, изменив один из параметров такой системы, то есть увеличив или уменьшив роль права в обществе, мы придём к необходимости изменения всех регулятивных элементов.

Отдельным и значимым вопросом в определённый период стал поиск дефиниции россиянина, что не так просто, как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что подобное определение не может быть привязано ни к нации, ни к расе, ни к конфессии. Безусловно, включая в себя все обозначенные атрибуты, понятие «россиянин» всякий раз оказывалось шире, чем те или иные отдельные его части. В силу разнообразия коннотаций и интерпретаций столь важной дефиниции, не сводимой ни к политико-правовой, ни к духовной составляющей, при её поиске государственные и общественные структуры сталкиваются с проблематикой рисков. Специфика России как политико-правового образования состоит в том, что она не просто включает в себя множество различных народов и их культур, религий, но порой объединяет совершенно различные культуры на сравнительно небольшом участке территории, что рассматривает в своей работе В. А. Тишков [156]. В результате образуются уже упоминавшиеся нами ранее фронтальные идентичности. На границах фронтов сосуществуют и проживают народности и нации с совершенно различными, порой контрастными ценностными системами, поэтому риски попыток определить их как россиян и «привести под общий знаменатель» велики как никогда и нигде. Именно такое положение отличает регион Кавказа, границы национальных республик, например Татарстана и Башкортостана, и иные территории, где сталкиваются различные религии, существуют долгосрочные, порой тлеющие веками конфликты. Тем не менее обойтись без определения россиянина при становлении страны было нельзя, и этому было уделено особое внимание в середине нулевых годов XXI века. Этому вопросу были посвящены научные работы, проводились круглые столы, что позволило примирить население

различных регионов с данной номинацией, привязать её к гражданству и в целом сохранить политкорректные и толерантные отношения между представителями различных этносов по вопросу принадлежности к россиянам. Во многом это способствовало сохранению стабильности в различных регионах нашей страны. Термин оказался удобен и приемлем для обозначения граждан России, при этом лишён этнических и религиозных коннотаций, а потому был взят на вооружение как официальными структурами, так и самими гражданами. Такой подход позволил удовлетворить требования толерантности по отношению к национальным меньшинствам, не вынуждая их искать какие-либо промежуточные варианты, избавил от необходимости указывать национальность человека.

При этом З. Т. Голенкова отмечает: «Постсоциалистические общества, в том числе и бывшие советские, вступили в конце XX – начале XXI века в этап трансформационных перемен. Дело в том, что не только изменился режим власти, но и начался активный процесс дезинтеграции государств (всего постсоветского пространства, Югославии, Чехословакии). Наблюдается своеобразный парадокс: чем сильнее тенденции интеграции в деловом мире в условиях глобализации, тем большее значение приобретает локальная этническая и культурная идентичность» [44]. О значимости и роли культурой идентичности много писали и зарубежные авторы, в частности Холл [181], отмечавший ее роль для становления цивилизованного общества и развития социальных институтов. При этом, крайне высока связь толерантности и идентичности.

Становление новых экономических отношений, не связанных с административно-командной экономикой, также было ситуацией риска, следствием чего стал социально-экономический кризис 90-х годов XX века. Переход России к рыночной экономике осуществлялся в момент, когда развитые страны переходили к информационному обществу. Совпадение двух переходных периодов – в глобальном и региональном измерениях – привело к

тому, что образовалась система, в которой факторы не помогали системе выживать, а наоборот, каждый элемент системы лишь усиливал кризисность ситуации. При этом толерантность понималась на западный манер, отечественные трактовки данной ценности отошли на второй план. Это было связано с высокой степенью зависимости от зарубежных экономик и необходимостью принимать правила их игры. По мере усиления и развития отечественной экономической системы возвращались и исконные русские ценности и трактовки.

Несмотря на то что на первый взгляд толерантность достаточно далека от непосредственной экономической деятельности и в общественном сознании на быденном уровне связывается скорее с духовной сферой, она на самом деле крайне важна для экономики. Не случайно наиболее развитые и успешные в экономическом и социальном отношении страны исходят именно из толерантного отношения к Другому. Толерантность, являясь основанием рыночных отношений, также способствует их развитию и наилучшему использованию ресурсов производства. Так, в частности, привлечение лучших специалистов из иностранных государств невозможно при интолерантности в обществе. А, как известно, в условиях постиндустриального общества [160] именно подбор квалифицированных кадров является одним из определяющих факторов успешности предприятия. Толерантность же сегодня является одним из факторов, определяющих качество жизни иностранных специалистов в приглашающих их странах. Именно толерантность даёт человеку уверенность в том, что он, работая в иностранном государстве, сможет обеспечить для себя и своей семьи комфортное существование, безопасность и достойный уровень жизни. Без обеспечения предприятием указанного набора условий затруднительно заинтересовать переездом по-настоящему качественного и эксклюзивного специалиста, что в итоге приводит к экономическому отставанию от развитых стран. Следует согласиться с выводом Л. М. Романенко о том, что в Российской Федерации пока не сложилось должного

толерантного отношения к представителям различных меньшинств, а западная пресса активно поддерживает негативный образ нашей страны в данном аспекте [130].

Кроме того, толерантность как общекультурная ценность проявляет себя в сфере экономики в диалектике традиций и инноваций, а также в доверии к бизнесу. Взаимодействие политической власти и бизнеса в рамках социального и экономического партнёрства играет сегодня ключевую роль во всех развитых странах. Однако такое сотрудничество возможно лишь при обоюдном доверии, основанном на толерантности друг к другу и готовности идти на определённые компромиссы для развития совместных проектов. Толерантность и способность услышать потребности другой стороны увеличивают шансы на успешность конструктивного диалога между сторонами. Как подчеркивает А. Хлопин, на сегодняшний день, к сожалению, в России имеется определённое напряжение между бизнесом и властью, выражающееся в недоверии [179]. Это усугубляется общемировой тенденцией снижения доверия к классическим политическим институтам и ростом аполитичности электората. Тем не менее С. Гориславец справедливо отмечает: «Полноценное функционирование толерантной культуры невозможно без формирования солидарной ответственности государства, бизнеса и гражданина. Она должна опираться в первую очередь на демократию, соблюдение гражданских прав и свобод, равенство возможностей, уважение человеческого достоинства и приоритет закона, что ещё раз говорит о необходимости построения взаимоотношений бизнеса с государством и бизнеса с гражданским обществом на публичной правовой основе» [46]. Такое партнёрство позволяет сторонам лучше узнать друг друга и, как следствие, осуществлять проекты, повышающие уровень жизни и снижающие степень риска от их реализации. Это достигается благодаря тому, что принимаемые решения подлежат всестороннему обсуждению, – таким образом, каждый из субъектов чувствует свою долю ответственности за принятое решение. Это же

возлагает на субъектов и определённые обязанности за будущее проекта. Так, политическая власть, реализуя проект, должна обеспечить политико-правовое поле для его функционирования, бизнес – поддерживать финансирование на должном уровне, а также исполнять иные принятые на себя обязательства. Наконец, сами граждане, соглашаясь на предложенные условия, принимают на себя ответственность использовать данные им возможности (в области реализации проекта, будь то медицина, образование или рекреационные зоны) в рамках правового поля и не нарушая некий установленный порядок. При этом следует подчеркнуть, что даже термин «кризис» не совсем точно отражает положение дел. Кризис предполагает определённую цикличность и временность, которая непременно будет преодолена с возвращением на былые позиции и их развитием. Современный же этап [196] требует переосмысления и трансформации существующего порядка.

Особое внимание при анализе коммуникации между различными социальными группами [149] в условиях общества риска следует уделить разработке инновационных методов преодоления недопонимания между субъектами. Для внедрения инноваций также требуется толерантность особого рода, а именно терпимость к изменению привычного уклада, готовность меняться в соответствии с вызовами времени и отвечать им. Это требует определённого мужества со стороны элит всех типов. Непросто отказаться от того, что долгое время приносило успех, является плодом многолетней работы и в известной мере представляет собой классику, уже подкреплённую традициями. Человек, развивая искусственный интеллект и нейросети, сам в какой-то мере устремляется в сторону более машинной, неживой коммуникации. В условиях такой коммуникации диалог затрудняется, поскольку деформируется сама оппозиция «свой – чужой», изменяется понимание Другого. А если мы не можем даже определить, кто такой Другой, какими характеристиками, отличными от наших, он обладает, то затруднительно сформировать чёткое отношение к нему, а значит, и быть

полностью толерантными. Иначе говоря, сложно испытывать полное доверие к субъектам медиадискурса, вследствие чего возрастает напряжение, появляются риски, снижается степень толерантности и её эффективность как регулятора социальных отношений.

Массмедиа в контексте цифрового поворота [154] являются важнейшим инструментом формирования общественного мнения. В России же, с её многочисленными и разноплановыми идентичностями, такое положение дел играет особую роль. Однако гражданское общество и власть [58] должны, с одной стороны, контролировать массмедиа, не допуская их радикализации, но с другой – не переусердствовать с контролем. В противном случае население, в особенности молодёжь, будет искать другие источники информации, неподконтрольные официальным и полуофициальным структурам. В таком контексте важна самоцензура СМИ и массмедиа, которые должны отказаться от чрезмерного нагнетания острых политических и социальных вопросов, а также не служить проводниками пропаганды. В связи с этим Д. Матисон со ссылкой на Холла пишет: «СМИ продуцируют репрезентации социального мира, описания и модели объяснения мира» [105, с. 212]. Медиа способны как формировать толерантные установки в обществе, так и стать источником расизма и ксенофобии. На данную опасность и указывает Матисон, говоря о том, что сегодня СМИ могут быть рассмотрены как источник распространения нового расизма, который особым образом подчёркивает физиологические и культурные особенности тех или иных народов и рас, что изучено Р. Майлзом [99]. Такая деятельность, возможно, и не имеет целью разжигание межнациональной или иных видов розни, однако способствует нагнетанию обстановки и формированию негативных стереотипов о Других. Переход к интерактивным медиа, к блогам, появление возможности персонификации и настройки каналов информации позволяют заблокировать нежелательный для себя контент. Однако и здесь необходима нормативно-правовая база, снижающая риски формирования скрытых форм ксенофобии и их трансляции,

ограничивающая возможность встраивания таких форм в контекст видеопроектов или интервью.

Вместе с тем дело не должно ограничиваться сугубо нормативными и властными действиями. Сохранение, переосмысление и трансляция толерантных и конструктивных ценностей сегодня является важнейшей задачей образования, которое таким образом способно улучшить деловой климат в России, создавая среду, ориентированную на сотрудничество и взаимовыгодное партнёрство. Также необходима ориентация на образование, обучающее жизни в новой парадигме рисков и при этом тесно связанное с необходимостью сотрудничества с Другими, работе с медиа. Постоянно меняющиеся условия и трансформирующиеся обстоятельства существования требуют отказа от жёстких требований и детерминирующих социальных образований. Сегодня – время более гибких и изменчивых социальных структур, и важнейшей задачей для современного человека является приспособление к новым условиям и реалиям. Эти условия требуют не только изменения человека, но и изменения социального контекста, систематизации наличествующих знаний, нормативных актов. Чрезмерное нарастание объёма документооборота создаёт риски практически в любой сфере жизни общества. В своём исследовании Д. А. Ендовицкий, Ю. А. Бубнов и К. М. Гайдар отмечают: «Многokратное дублирование создаваемых документов, усложняющее документооборот, появление в связи с этим части документов, которые практически не используются, хотя на их производство были затрачены немалые ресурсы. В некоторых случаях речь можно вести и о непродуктивном повторении исполнительских действий и дублировании разного рода затрат. В настоящее время в стране много внимания уделяется эффективности и экономичности использования материальных и финансовых ресурсов» [63].

Помимо экономической составляющей и нагрузки на кадры имеется и ещё один значимый негативный аспект подобного умножения и

тиражирования документации, причём касается он не только образования. Обилие и неоправданное увеличение числа нормативных актов негативно сказывается практически на любой деятельности. Так, при анализе трагедии в Кемерово – пожара в ТЦ «Зимняя вишня» – отмечалось, что сегодня, из-за противоречий между инструкциями различных государственных органов, практически невозможно выстроить объект, который реально отвечал бы всем требованиям, изложенным в нормативных документах. В ходе анализа был получен следующий вывод: «Как видим, даже идеально оборудованный и построенный с нуля по новым нормам крупный ТРЦ всегда может вызвать противоречащие друг другу нарекания у разных надзорных служб» [90]. А это уже не некий абстрактный риск, каким он может показаться стороннему наблюдателю, – это те самые риски, которыми изобилует сегодняшнее общество. Они проявляются неожиданно, становясь из объектов и предметов теоретического исследования конкретными проблемами, порой ведущими к человеческим жертвам. Именно поэтому обучение работе с рисками и поиску путей их преодоления является сегодня одной из приоритетных задач науки и образования. Особенно стоит отметить: за счёт того, что риски сегодня многокритериальны, уже практически не имеет значения специальность обучающегося. Очевидно, что даже документооборот таит в себе огромное количество потенциальных и скрытых рисков, не принимать которые во внимание сегодня просто преступно как с экономической, так и с гуманистической точки зрения.

Выводы по главе. Процесс деформации существенно отличается от процесса трансформации и имеет свою специфику в социальной сфере. Ключевое различие между этими процессами заключается в возможности или невозможности возвращения к первоначальному состоянию, а также более или менее эволюционном характере изменений. Толерантность деформируется в условиях современного общества, которое может быть охарактеризовано как общество риска. Такое общество обладает особыми чертами, среди которых

выделяется постоянная мультипликация рисков, причём контролировать её, используя только методы предшествующих эпох, практически невозможно. Следовательно, требуется разработка новой методологической базы. Такая разработка должна учитывать требования медиадискурса, ускорение коммуникации, усложнение социальной структуры. Такую возможность дают системный и междисциплинарный подходы, способные аккумулировать в единую систему методы и выводы различных наук, тем самым создавая более объёмную картину мира. При решении проблемы преодоления деформации толерантности, как и большинства проблем, связанных с современным обществом, в котором риски буквально пронизывают все сферы, ключевую роль начинают играть саморегулируемые структуры, такие как гражданское общество [221], общественно-политические движения, независимые СМИ. При этом деформация толерантности тесно переплетается с кризисными явлениями в других социальных институтах: в идеологическом компоненте политической системы общества, в избирательных системах демократических государств, в отношении к процедуре демократических выборов.

Также выявлена специфика деформации толерантности и общества риска в современной России. Наличие многочисленных видов идентичностей, как национальных, так и культурных, разнообразие социокультурных условий приводит к тому, что образуются особые, так называемые фронтирные идентичности, в которых толерантность проявляет себя особым образом. Кроме того, изменения в политическом и правовом поле, нестабильность внешнеполитической обстановки увеличивают количество рисков и степень их влияния на деятельность государства и жизнь граждан, что обуславливает необходимость внимания к теме рисков со стороны научного и педагогического сообщества.

Заключение

В ходе проведённого диссертационного исследования деформации толерантности в контексте общества риска были решены поставленные задачи и достигнута цель исследования. Так, проанализированы основные концепции толерантности, проявления деформации толерантности в различных сферах социального бытия. Кроме того, прояснена суть общества риска, а также выявлены основные риски современного общества и их взаимосвязь с деформацией толерантности.

Процесс деформации толерантности обусловлен изменениями в социальной структуре, ускорением и упрощением коммуникации, использованием толерантности в целях, для которых она в силу своего статуса не могла быть использована. Это привело к размытию понимания сущности толерантности и последующей её деформации.

Произошедшие изменения в социальной структуре общества вызвали необходимость переосмысления толерантности в рамках философских исследований. И наоборот, активный интерес философской среды к данной теме позволял данной ценности всё полнее реализовывать свой потенциал. В конце концов толерантность стала главенствующим фактором в развитии большинства социальных процессов, что, однако, не пошло ей на пользу, поскольку именно это и привело к размытию понимания сущности данного феномена.

В условиях общества риска такое положение дел стало социально опасным, поскольку многократно увеличивало количество рисков. Таким образом, можно признать общество риска той средой, в которой и происходит деформация толерантности. Вместе с тем общество риска до сих пор сохраняет в себе новизну и требует новых исследований, что может послужить полем для продолжения работы в данном направлении.

Безусловно, вызовы современности, отмечаемые исследователями в работах [14], [29], [159], [173], [178] и др., требуют решения данных проблем, выработки методологии для преодоления указанных негативных тенденций. Кроме того, преодоление указанных тенденций невозможно без обучения новых поколений навыкам жизни в условиях мультипликации риска, поэтому значимая роль должна быть отведена образованию и разработке программ, обучающих как минимум основам работы с рисками, которые в современности посредством медиа проникли практически во все сферы жизни общества [147]. Следует понимать, что как чрезмерная толерантность (в частности, толерантность по отношению к интолерантным субъектам или субъектам, ориентированным на преступную деятельность), так и абсолютная интолерантность несут в себе огромный потенциал создания ситуаций, характеризующихся крайне высокой степенью риска. Таким образом, поиски решения проблем общества риска и толерантности тесно взаимосвязаны.

В рамках исследования получен вывод, что призыв отказаться от толерантности крайне противоречив и сложен в реализации. Абсолютное большинство социальных институтов и норм, регулирующих общественные отношения, сегодня выстроено вокруг толерантности. Таким образом, отказываясь от толерантности, мы, по сути, отказываемся также от существующей и работающей, пусть и не без недостатков, системы. Выстраивание же новой системы уже само по себе является рискованным предприятием, без каких-либо гарантий на успех. Следовательно, такой отказ может быть сопряжён с радикализацией общества, приходом к власти маргинальных и экстремистских политических сил [149], дисфункцией социального государства, что не может быть оценено позитивно. Именно поэтому поиск решения по преодолению деформации толерантности в контексте общества риска является сегодня важнейшей задачей социальных наук.

Основной сложностью в рамках данного исследования стало то, что мы недостаточно удалены от происходящих событий во времени. Невозможно увидеть ни конечных итогов происходящих трансформаций, ни полностью нового социального порядка с его плюсами и минусами. Кроме того, ещё не появилось должного количества ставшей классической литературы и установленных точек зрения по изучаемым вопросам. Определённую сложность представляет корреляция иностранных терминов и их российских аналогов, их совместное корректное использование.

Однако эти же сложности открывают перед нами и перспективы дальнейших исследований. В круг таких исследований может войти философский анализ оснований системных социальных кризисов и их предпосылок, методология творчества в условиях общества риска, а также адаптация классических ценностей к новому миру и новым социальным реалиям. Кроме того, возможной и актуальной представляется комплексная работа по прогнозированию положения дел в мире в том случае, если преодолеть деформацию толерантности не удастся или же произойдет отказ от неё.

Список литературы

1. Адорно, Т. В. Негативная диалектика / Т. В. Адорно; пер. с нем. Е. Л. Петренко. – М.: Научный мир, 2003. – 374 с.
2. Аксаков, К. С. О современном человеке / К. С. Аксаков [Электронный ресурс] // Литература и жизнь. – URL: http://dugward.ru/library/estetika/kaksakov_sovr_chel.html (дата обращения: 09.12.2018).
3. Альтерматт, У. Этнонационализм в Европе / У. Альтерматт. – М.: РГГУ, 2000. – 366 с.
4. Альтюссер, Л. За Маркса / Л. Альтюссер. – М.: Практика, 2006. – 392 с.
5. Арндт, Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арндт. – М.: Центрком, 1996. – 672 с.
6. Аристотель. Политика / Аристотель. – М.: Рипол, 2010. – 592 с.
7. Афанасьева, Д. А. Российское общество риска: современный концепт / Д. А. Афанасьева [Электронный ресурс] // Власть. – 2018. – № 7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskoe-obschestvo-riska-sovremennyyu-kontsept> (дата обращения: 26.06.2019).
8. Баева, Л. В. Ценностные основания индивидуального бытия: Опыт экзистенциальной аксиологии: монография / Л. В. Баева. – М.: Прометей-МПУ, 2003. – 240 с.
9. Бажов, С. И. Современное значение спора западников и славянофилов / С. И. Бажов [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-znachenie-spora-zapadnikov-i-slavyanofilov> (дата обращения: 09.12.2018).
10. Бакулина, С. Д. Толерантность: от истории понятия к современным социокультурным смыслам / С. Д. Бакулина. – М.: Флинта : Наука, 2016. – 112 с.

11. Барт, Р. Миф сегодня / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс; Универс, 1994. – С. 77-130.
12. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт. – М., 1996.
13. Бек, У. Космополитическое мировоззрение / У. Бек. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. – 336 с.
14. Бек, У. Общество риска: на пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
15. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество / Д. Белл. – М.: Academia, 2004. – 944 с.
16. Беляев, Е. И. Рискология в философской перспективе / Е. И. Беляев [Электронный ресурс] // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2013. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/riskologiya-v-filosofskoy-perspektive> (дата обращения: 26.06.2019).
17. Бердяев, Н. А. О фанатизме, ортодоксии и истине / Н. А. Бердяев [Электронный ресурс] // Вехи. Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы. – URL: http://www.vehi.net/berdyaev/fanatizm.html#_ftn1 (дата обращения: 09.12.2018).
18. Бернанос, Ж. Свобода... для чего? / Ж. Бернанос. – СПб., 2014. – 288 с.
19. Бляхер, Л. Искусство неуправляемой жизни. Дальний Восток / Л. Бляхер. – М.: Европа, 2014. – 208 с.
20. Бодрийяр, Ж. Войны в заливе не было / Ж. Бодрийяр. – М.: РИПОЛ классик, 2016. – 224 с.
21. Бодрийяр, Ж. К критике политической экономики знака / Ж. Бодрийяр. – М.: Библион – Русская книга, 2004. – 336 с.
22. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М.: КДУ, 2015. – 392 с.
23. Борисова, А. Г. Социальная деструкция как универсальный феномен жизни общества / А. Г. Борисова [Электронный ресурс] //

КиберЛенинка. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-destruktsiya-kak-universalnyy-fenomen-zhizni-obschestva-pozitsiya-frankfurtskoy-shkoly> (дата обращения: 07.10.2018).

24. Брега, А. В. Неопределенности и кризисные явления социально-экономического развития и поиск идей, объединяющих общество / А. В. Брега // Человеческий капитал. – 2016. – № 4(88). – С. 25-26.

25. Брега, А. В. Особенности восприятия политического риска / А. В. Брега [Электронный ресурс] // Власть. – 2013. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-voSPIriyatiya-politicheskogo-riska> (дата обращения: 26.06.2019).

26. Бубнов, Ю. А. Русская просветительская социология: опыт метафизической ретроспекции / Ю. А. Бубнов // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Социология. Политология. – 2015. – № 2. – С. 52-55.

27. Бубнов, Ю. А. Секуляризация как духовное явление европейской культуры / Ю. А. Бубнов, О. А. Радугина // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 22. – С. 194-196.

28. Бубнов, Ю. А. Трансформация мировоззренческих оснований западной культуры от премодерна до постмодерна / Ю. А. Бубнов, А. А. Радугин // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2014. – № 1(27). – С. 92-98.

29. Буровский, А. Человек третьего тысячелетия: «эволюция – разум – антропология» / А. Буровский. – СПб.: ООО «Страта», 2013. – 264 с.

30. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира: социология XXI века / И. Валлерстайн; под ред. В. И. Иноземцева; пер. с англ. – М.: Логос, 2004. – 368 с.

31. Валлерстайн, И. Миросистемный анализ: введение / И. Валлерстайн. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2004. – 248 с.

32. Васюков, В. Л. Толерантность и универсализм / В. Л. Васюков [Электронный ресурс] // Интелрос. – URL: http://www.intelros.ru/read-room/fg/fg_1/5391-tolerantnost-i-universalizm.html (дата обращения: 27.10.2018).
33. Вафин, А. М. Политические маргиналы в России и Европе: Лимонов, Фортейн, Кон-Бендит и другие случаи / А. М. Вафин. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2016. – 152 с.
34. Вольтер, Ф. Трактат о веротерпимости / Ф. Вольтер [Электронный ресурс] // Платонанет. – URL: http://platona.net/load/knigi_po_filosofii/istorija_prosveshhenie/volter_filosofskie_traktaty_i_dialogi/11-1-0-3502 (дата обращения: 01.05.2018).
35. Гаршин, Н. А. Проблема политической маргинальности в контексте деформации толерантности [Электронный ресурс] / Н. А. Гаршин // Философская мысль. – 2018. – № 11. – С. 78–83.
36. Гаршин, Н. А. Проблема соотношения толерантности и наказания в философии права / Н. А. Гаршин // Философская мысль. – 2019. – № 1. – С. 77–82. – DOI: 10.25136/2409-8728.2019.1.27993. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27993
37. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1990. – 524 с. – (Серия «Философское наследие». Т. 113).
38. Гидденс, Э. Европа: беспокойный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем? / Э. Гидденс. – М.: Изд. дом «Дело», 2015. – 240 с.
39. Гидденс, Э. Судьба, риск и безопасность / Э. Гидденс // Thesis. – 1994. – № 5. – С. 107-134.
40. Гишинский, Я. И. Интолерантность в современной России / Я. И. Гишинский // Толерантность и интолерантность в современном обществе. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. – С. 98-103.
41. Гиренок, Ф. И. Метафизика пата / Ф. И. Гиренок. – М.: Лабиринт, 1995. – 201 с.

42. Гирц, К. Интерпретация культуры: избранные эссе / К. Гирц. – Нью-Йорк, 1973. – 560 с.

43. Гоббс, Т. Левиафан / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 2001. – 480 с.

44. Голенкова, З. Т. Парадоксы трансформирующихся обществ в условиях глобализации / З. Т. Голенкова [Электронный ресурс] // Власть. – 2012. – № 12. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/paradoksy-transformiruyuschihsv-obschestv-v-usloviyah-globalizatsii> (дата обращения: 24.06.2019).

45. Головатая, Л. В. Толерантность как проблема философии образования / Л. В. Головатая [Электронный ресурс] // Библиотека диссертаций. – URL: <http://www.dslib.net/religio-vedenie/tolerantnost-kak-problema-filosofii-obrazovanija.html> (дата обращения: 01.03.2018).

46. Гориславец, С. Культура толерантности как инструмент формирования социально ответственного бизнеса / С. Гориславец [Электронный ресурс] // Реальные истории малого бизнеса. – 2018. – № 46 (окт. – нояб.). – URL: <http://www.dvmb.ru/component/k2/item/270-культура-толерантности-как-инструмент-формирования-социально-ответственного-бизнеса> (дата обращения: 21.01.2019).

47. Готфрид, П. Странная смерть марксизма / П. Готфрид. – М: ИРИСЭН; Мысль, 2009. – 249 с.

48. Гранин, Ю. Д. Глобализация и национальные формы глобализационных стратегий / Ю. Д. Гранин // Философские науки. – 2007. – № 9. – С. 1-27.

49. Грудицина, Л. Ю. Государство и гражданское общество / Л. Ю. Грудицина. – М., 2010. – 461 с.

50. Гусейнов, А. А. Л. Н. Толстой. Непротивление злу насилием / А. А. Гусейнов [Электронный ресурс] // Институт философии Российской академии наук. – URL: <https://iphras.ru/uplfile/ethics/biblio/N/10.html> (дата обращения: 09.12.2018).

51. Дарендорф, Р. Мораль, власть и гражданское общество / Р. Дарендорф. – М., 1998. – 82 с.
52. Дахин, А. Об онтологии «насилия» / А. Дахин [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.politstudies.ru/forum/viewtopic.php?t=16> (дата обращения: 08.11.2018).
53. Дворкин, Р. На что мы имеем право? / Р. Дворкин // Дворкин Р. О правах всерьёз / пер. с англ.; ред. Л. Б. Макеева. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 5-14.
54. Дворкин, Р. О правах всерьёз / Р. Дворкин; пер. с англ.; ред. Л. Б. Макеева. – М.: РОССПЭН, 2005. – 392 с.
55. Деррида, Ж. Глобализация мир и космополитизм / Ж. Деррида // Космополис. – 2004. – № 2. – С. 125-146.
56. Добренъков, В. И. Глобализация: сущность, проявления и социальные последствия / В. И. Добренъков. – М.: Академический проект, 2018. – 636 с.
57. Добренъков, В. И. От социологии кризиса к социологии надежды / В. И. Добренъков. – М.: Академический проект, 2014. – 656 с.
58. Доманов, В. Г. Толерантность: идеологема или критерий зрелости гражданского общества? / В. Г. Доманов, С. С. Тихонов [Электронный ресурс] // Философия права. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. юрид. ин-та МВД РФ, 2007. – № 1. – С. 38–44.
59. Дорожкин, А. М. Риск в социальном пространстве: историческая ретроспектива и современность / А. М. Дорожкин, Н. Е. Григорьева [Электронный ресурс] // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. – 2008. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/risk-v-sotsialnom-prostranstve-istoricheskaya-retrospektiva-i-sovremennost> (дата обращения: 26.06.2019).

60. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя / Ф. М. Достоевский [Электронный ресурс] // Русская виртуальная библиотека. – URL: <https://rvb.ru/dostoevski/01text/vol13/201.htm> (дата обращения: 09.12.2018).

61. Дробижева, Л. М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма / Л. М. Дробижева // Мир России. – 2017. – № 1. – С. 7-31.

62. Еляков, А. Д. Российское общество в информационном измерении / А. Д. Еляков // Социологические исследования – НТИ. Сер. 1. Организация и методика информационной работы. – 2010. – № 3. – С. 1-13.

63. Ендовицкий, Д. А. Увеличение объема документооборота как фактор снижения экономической эффективности вуза / Д. А. Ендовицкий, Ю. А. Бубнов, К. М. Гайдар [Электронный ресурс] // Высшее образование в России. – 2014. – № 11. – С. 17–24.

64. Жаров, С. Н. Цивилизация и культура в исторических судьбах Запада и России / С. Н. Жаров // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. 1. Гуманитарные науки. – 1999. – № 1. – С. 52-74.

65. Жижек, С. О насилии / С. Жижек [Электронный ресурс] // RuLit. – URL: <https://www.rulit.me/books/o-nasilii-read-249273-8.html> (дата обращения: 27.10.2018).

66. Жмайло, А. И. Социальный риск как показатель социетальной трансформации современного общества / А. И. Жмайло // Вестник ЮУрГУ. Сер. Социально-гуманитарные науки. – 2008. – № 21(121). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyu-risk-kak-pokazatel-sotsietalnoy-transformatsii-sovremennogo-obschestva> (дата обращения: 24.06.2019).

67. Запека, О. А. «Свободное общение в любви» – основополагающий принцип христианской философии А. С. Хомякова / О. А. Запека [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svo-bodnoe-obschenie-v-lyubvi-osnovopolagayuschiy-printsip-hristianskoy-filosofii-a-s-homyakova> (дата обращения: 09.12.2018).

68. Захарова, Е. Н. Глобализация и ее противоречия / Е. Н. Захарова // Педагогика и просвещение. – 2011. – № 2. – С. 75-82.
69. Зобов, Р. А. Толерантность и информационное общество / Р. А. Зобов // Толерантность и интолерантность в современном обществе: материалы междунар. конф. (Санкт-Петербург, 2005 г.). – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. – 408 с.
70. Зубок, Ю. А. Угрозы в трансформирующейся среде обитания как фактор социальных рисков: прогнозирование и регулирование / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Социологические исследования. – 2017. – № 5. – С. 57-67.
71. Иванов, Д. В. Виртуализация общества. Версия 2.0 / Д. В. Иванов. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. – 224 с.
72. Иванчикова, А. В. Российское общество как общество риска / А. В. Иванчикова // В мире научных открытий. – 2013. – № 11-6(47). – С. 55-60.
73. Идентичность: личность, общество, политика: Энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семененко; ИМЭМО РАН. – М.: Весь мир, 2017. – 992 с.
74. Ильинская, С. Г. Терпимость и укрепление этноцентричного сознания / С. Г. Ильинская // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 6. – С. 163-170.
75. Ильинская, С. Г. Толерантность как принцип политического действия: история, теория, практика / С. Г. Ильинская. – М.: Праксис, 2007. – 288 с.
76. Иноземцев, В. Л. Современная глобализация и ее восприятие в мире / В. Л. Иноземцев // Век глобализации. – 2008. – № 1. – С. 29-33.
77. Кагалицкий, Б. Ю. Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма / Б. Ю. Кагалицкий. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. – 280 с.

78. Канарш, Г. Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация / Г. Ю. Канарш. – М.: Изд-во МГУ, 2011. – 236 с.
79. Капустин, Б. Г. К понятию политического насилия / Б. Г. Капустин // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 6. – С. 6-26.
80. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – М.: Эксмо, 2005. – 832 с.
81. Карнаухова, О. С. Гражданство в мультикультурном обществе: от теории статусов к практикам / О. С. Карнаухова [Электронный ресурс] // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2014. – № 2(139). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanstvo-v-multikulturnom-obschestve-ot-teorii-statusov-k-praktikam> (дата обращения: 24.06.2019).
82. Кимлика, У. Современная политическая философия: введение / У. Кимлика. – М.: Высшая школа экономики, 2010. – 592 с.
83. Ковальчук, О. В. Диалог светского и религиозного и толерантность в средневековой культуре Западной Европы / О. В. Ковальчук, В. П. Римский // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Философия, социология, право. – 2012. – № 19. – С. 330-338.
84. Колесникова, Т. А. Антикризисное управление обществом риска / Т. А. Колесникова. – М.: Либроком, 2013. – 176 с. – (Серия «Синергетика в гуманитарных науках»).
85. Кравец, А. С. Идеалы и идолы науки / А. С. Кравец. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. – 220 с.
86. Кравец, А. С. Наука как феномен культуры / А. С. Кравец. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. – 131 с.
87. Кравец, А. С. Смыслы и ценности / А. С. Кравец // Вестник МГУ. Сер. Философия. – 2007. – № 6. – С. 21-29.

88. Крайнова, К. А. Интернет как средство политической манипуляции в современном политическом управлении / К. А. Крайнова // PolitBook. – 2013. – № 2. – С. 60-67.
89. Крастев, И. Управление недоверием / И. Крастев. – М.: Европа, 2014. – 128 с.
90. Кукарников, Д. Г. Пуританский протестантизм как социально-политический фактор / Д. Г. Кукарников, С. И. Сулимов // Вестник Челябинского государственного университета. Философские науки. Вып. 49. – 2018. – № 9(419). – С. 96–102.
91. Лабыкин, А. Нельзя штамповать трагедии / А. Лабыкин, А. Механик, П. Скоробогатый [Электронный ресурс] // Эксперт. – 2018. – № 14(1070). – URL: <https://expert.ru/expert/2018/14/nelzya-shtampovat-tragedii/> (дата обращения: 24.06.2019).
92. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – М.: Академический проект, 2011. – 240 с.
93. Лефор, К. Политические очерки / К. Лефор. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. – 368 с.
94. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – М: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
95. Локк, Дж. Послание о веротерпимости / Дж. Локк [Электронный ресурс] // INLIBERTY. – URL: <http://old.inliberty.ru/library/187-poslanie-onbspveroterpimosti> (дата обращения: 01.05.2018).
96. Лосский, Н. О. Характер русского народа. Условия абсолютного добра / Н. О. Лосский. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.
97. Луман, Н. Понятие риска / Н. Луман [Электронный ресурс]. – URL: https://igiti.hse.ru/data/423/313/1234/5_2_2Luhm.pdf (дата обращения: 11.10.2018).
98. Луман, Н. Реальность массмедиа / Н. Луман. – М.: Практика, 2005. – 256 с.

99. Майлз, Р. Расизм / Р. Майлз, М. Браун. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. – 240 с.
100. Майр П. Управляя пустотой. Размывание западной демократии / П. Майр. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. – 216 с.
101. Макинтайр, А. После добродетели: Исследования теории морали / А. Макинтайр; пер. с англ. В. В. Целищева. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 384 с.
102. Маклюэн, Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека / Г. М. Маклюэн. – М.: Кучково поле, 2014. – 464 с.
103. Малинин, В. Б. Понятие ресоциализации осуждённых и применение её к несовершеннолетним / В. Б. Малинин, М. В. Малинина [Электронный ресурс] // Ленинградский юридический журнал. – 2017. – № 3(49). – С. 189-203. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-resotsializatsii-osuzhdennyh-i-primeneniye-ee-k-nesovershennoletnim> (дата обращения: 15.09.2018).
104. Маркузе, Г. Репрессивная толерантность / Г. Маркузе [Электронный ресурс] // Автономное действие. – URL: <https://avtonom.org/news/gerbert-markuze-repressivnaya-tolerantnost> (дата обращения: 27.09.2018).
105. Матисон, Д. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов / Д. Матисон. – Харьков: Гуманитарный центр, 2013. – 264 с.
106. Матюх, Е. Т. Теории «общества риска» в современной гуманитарной науке / Е. Т. Матюх [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teorii-obschestva-riska-v-sovremennoy-gumanitarnoy-nauke> (дата обращения: 02.06.2019).
107. Межуев, В. М. Национальный интерес как проблема культуры / В. М. Межуев // Россия в глобальной политике. – 2015. – Июль – август. – С. 28-40.

108. Межуев, В. М. Россия в поиске своей цивилизационной идентичности / В. М. Межуев // Россия на пути к консолидации: сб. ст. – СПб., 2015. – С. 61-75.

109. Милль, Дж. О свободе / Дж. Милль; пер. с англ. А. Фридмана // Наука и жизнь. – 1993. – № 11. – С. 10-15; № 12. – С. 21-26.

110. Миронов, В. В. Мультикультурализм: толерантность или признание? / В. В. Миронов, Д. В. Миронова // Вопросы философии. – 2017. – № 6. – С. 16-29.

111. Мичурин, А. В. Эволюция идеи толерантности / А. В. Мичурин [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-idei-tolerantnosti> (дата обращения: 01.10.2018).

112. Мнацакян, М. О. Постмодернизм. Происхождение, природа, и место в современной социологии / М. О. Мнацакян. – М: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 335 с.

113. Монтескье, Ш. П. О духе законов / Ш. П. Монтескье. – М.: Книга по требованию, 2011. – 800 с.

114. Монтескье, Ш. Персидские письма [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.ru/INOOLD/MONTESK/persid.txt> (дата обращения: 01.05.2018).

115. Мусихин, Г. И. Очерки теории идеологий / Г. И. Мусихин. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2013. – 288 с.

116. Недашковский, А. А. Развитие институтов гражданского общества как фактор укрепления безопасности в России / А. А. Недашковский [Электронный ресурс] // Власть. – 2012. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-institutov-grazhdanskogo-obschestva-kak-faktor-ukrepleniya-bezopasnosti-v-rossii> (дата обращения: 25.06.2019).

117. Нозик, Р. Анархия, государство и утопия / Р. Нозик; пер. с англ. Б. Пинскера; под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. – М.: ИРИСЭН, 2008. – 424 с.

118. Нуссбаум, М. Патриотизм и космополитизм / М. Нуссбаум // Логос. – 2006. – № 2. – С. 110-119.

119. Общество сетевых структур / под общ. ред. М. В. Ромма, И. А. Вальдмана. – Новосибирск: НГТУ, 2011. – 327 с.

120. Панибратцев, А. В. Глобализация и проблемы высшего образования в России / А. В. Панибратцев [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/globalizatsiya-i-problemy-vysshego-obrazovaniya-v-rossii-1> (дата обращения: 04.03.2019).

121. Первое послание Ивана Грозного Курбскому [Электронный ресурс] // Электронные публикации Института русской литературы. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9106> (дата обращения: 09.12.2018).

122. Петухов, В. В. Гражданское общество и власть: сотрудничество или противостояние? / В. В. Петухов [Электронный ресурс] // Вестник Института социологии. – 2012. – № 5 (онлайн-приложение). – С. 240–246. – URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2012_5/Petuhov_new.pdf (дата обращения: 05.10.2018).

123. Пицелко, А. В. Реадаптация и ресоциализация / А. В. Пицелко, Д. Д. Сочивко [Электронный ресурс]; под общ. ред. зам. министра юстиции Ю. И. Калинина. – М.: ПЕР СЭ, 2003. – 260 с. – URL: <https://domknig.com/book/r/239810/24> (дата обращения: 10.09.2018).

124. Платон. Государство / Платон [Электронный ресурс]. – URL: <http://psylib.ukrweb.net/books/plato01/26gos01.htm> (дата обращения: 19.11.2018).

125. Политика и Личность / под ред. Й. Поллака, Ф. Загера, У. Сарцинелли, А. Циммер. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2012. – 288 с.

126. Православский, С. С. Трансформация социальной коммуникации в информационном обществе / С. С. Православский // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2014. – № 4. – С. 105-108.

127. Редлих, Р. Н. Национализм и солидаризм. Портрет солидаризма: идеи и люди / Р. Н. Редлих. – М.: Посев, 1987. – С. 159-168.
128. Редфилд, Р. Народное общество / Р. Редфилд // Личность. Культура. Общество. – 2009. – № 1. – С. 52-58; № 5-6. – С. 99-112.
129. Родин, А. Мультикультурализм и новое Просвещение / А. Родин // Неприкосновенный запас. – 2002. – № 5(25).
130. Романенко, Л. М. Лики российской толерантности (Размышления участницы симпозиума) / Л. М. Романенко // Полис. Политические исследования. – 2002. – № 6. – С. 175-180.
131. Рорти, Р. Демократия и философия / Р. Рорти // Гуманитарные технологии. – 2007. – № 56(6). – С. 617.
132. Сабирова, Ф. М. Вклад средневековых университетов в развитие науки / Ф. М. Сабирова // Наука и школа. – 2010. – № 4. – С. 143-147.
133. Саймонс, Г. Communication Management and the Humanitarian War Blueprint: The Libya War / Г. Саймонс // Конфликтология / Nota bene. – 2014. – № 1. – С. 65-88.
134. Семенко, И. С. Транскультурная миграция и будущее мультикультурализма – глобальная перестройка / И. С. Семенко, И. П. Цапенко. – М.: Весь мир, 2010. – С. 227-250.
135. Семенов, С. И. Гражданское общество и толерантность сегодня / С. И. Семенов [Электронный ресурс]. – URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/109-95/29130/1/mion_2001_04.pdf (дата обращения: 05.02.2019).
136. Сен, А. Идея справедливости / А. Сен; пер. с англ. Д. Кралечкина; науч. ред. перевода В. Софронов, А. Смирнов. – М.: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия», 2016. – 520 с.
137. Сенека, Л. А. Нравственные письма к Луцилию / Л. А. Сенека [Электронный ресурс] // PSYLIB. – URL: <http://psylib.org.ua/books/senek03/index.htm> (дата обращения: 01.03.2018).

138. Сенека, Л. А. О провидении, или О том, почему с хорошими людьми случаются неприятности, несмотря на то, что существует провидение / Л. А. Сенека [Электронный ресурс] // Центр антиковедения СПбГУ. – URL: <http://centant.spbu.ru/sno/projects/seneca/prov.htm> (дата обращения: 01.03.2018).

139. Ситова, М. С. Мультикультурное общество. Его характеристики и способы достижения / М. С. Ситова [Электронный ресурс] // Вестник КГУ. – 2009. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/multikulturnoe-obschestvo-ego-harakteristiki-i-sposoby-dostizheniya> (дата обращения: 26.06.2019).

140. Смакотина Н. Л. Основы социологии нестабильности и риска: философский, социологический и социально-психологический аспекты / Н. Л. Смакотина. – М.: МИЭМ, 1999. – 257 с.

141. Смит, Э. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма / Э. Смит. – М.: Праксис, 2004. – 466 с.

142. Смышляев, В. А. Медиаобразование как фактор социализации молодежи: социополитические аспекты / В. А. Смышляев // Новая наука: От идеи к результату. – 2016. – № 6-2(90). – С. 62-65.

143. Смышляев, В. А. Процесс общественного развития как объект государственного регулирования: дефинициальные, политико-философские и инновационные аспекты / В. А. Смышляев // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2016. – № 1(11). – С. 242-247.

144. Соловьев, В. С. Оправдание добра. Нравственная философия / В. С. Соловьев [Электронный ресурс] // Вехи. Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы. – URL: <http://www.vehi.net/soloviev/oprav/05.html> (дата обращения: 09.12.2018).

145. Соловьев, В. С. Русская идея / В. С. Соловьев [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vehi.net/soloviev/russianidea.html> (дата обращения: 26.09.2018).

146. Сорина, Г.В. Теория и практика связей с общественностью: философско-методологический подход / Г. В. Сорина, А. А. Костикова [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. – 2016. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-i-praktika-svyazey-s-obschestvennostyu-filosofsko-metodologicheskiiy-podhod> (дата обращения: 24.11.2020).

147. Сорина, Г.В. Особенности коммуникаций между государством и обществом в современном социальном пространстве [Электронный ресурс] / Г. В. Сорина // Ценности и смыслы. – 2014. – № 4 (32). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kommunikatsiy-mezhdu-gosudarstvom-i-obschestvom-v-sovremennom-sotsialnom-prostranstve> (дата обращения: 24.11.2020).

148. Степун, Ф. А. О свободе / Ф. А. Степун // Опыт русского либерализма. Антология. – М.: Канон, 1997. – 480 с.

149. Стризове, А. Власть риска и риски власти / А. Стризове // Власть. – 2012. – № 3. – С. 16-20.

150. Тейлор, Ч. Неразложимые социально блага / Ч. Тейлор [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. – 2001. – № 4(18). – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2001/4/taylor.html> (дата обращения: 14.11.2018).

151. Тейлор, Ч. Пересечение целей: спор между либералами и коммунитаристами [Электронный ресурс] / Ч. Тейлор. – URL: <http://kant.narod.ru/taylor.htm> (дата обращения: 01.10.2018).

152. Терборн, Г. Мультикультурные общества / Г. Терборн // Социологическое обозрение. – 2001. – Т. 1. – № 1. – С. 50-67.

153. Терентьева, В. С. Общество риска: тупики и проблемы [Электронный ресурс] / В. С. Терентьева // Инновационная наука. – 2018. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvo-riska-tup> (дата обращения: 04.03.2019).

154. Терещенко, Н. А. 5.0. и Россия. Вместо послесловия / Н. А. Терещенко, Т. М. Шатунова // Общество 5.0: парадоксы цифрового будущего (VII Садыковские чтения): материалы междунар. науч.-образ. конф. (Казань, 15–16 ноября 2019 г.) / под ред. Г. К. Гизатовой, О. Г. Ивановой, А. Р. Каримова и др. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. – С. 282-289.

155. Тихомиров, Ю. А. Методология анализа и оценки рисков в законодательной деятельности / Ю. А. Тихомиров [Электронный ресурс] // Юридическая техника. – 2015. – № 9. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-analiza-i-otsenki-riskov-v-zakonodatelnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 26.06.2019).

156. Тишков, В. А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) / В. А. Тишков // Этничность и власть в полиэтничных государствах. – М.: Наука, 1994. – С. 15-21.

157. Тлостанова, М. Западные СМИ и мифология толерантности / М. Тлостанова [Электронный ресурс]. – URL: [http://www.dzyalosh.ru/02-dostup/pravo/2004_85_86\(1-2\)/tlostanova.htm](http://www.dzyalosh.ru/02-dostup/pravo/2004_85_86(1-2)/tlostanova.htm) (дата обращения: 07.04.2019).

158. Толстой, Л. Н. О жизни / Л. Н. Толстой [Электронный ресурс] // Psylib. – URL: <http://psylib.org.ua/books/tolst03/txt24.htm> (дата обращения: 09.12.2018).

159. Тоффлер, Э. Метаморфозы власти / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2004. – 672 с.

160. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2008. – 800 с.

161. Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2008. – 560 с.

162. Турен, А. Возвращение человека действующего: очерк социологии / А. Турен. – М.: Научный мир, 1998. – 204 с.

163. Турен, А. Способны ли мы жить вместе? Равные и различные / А. Турен // Новая индустриальная волна на западе: Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 465-492.

164. Уолцер, М. О терпимости / М. Уолцер; пер. с англ. И. Мюрнберг. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – 160 с.
165. Федоров, Н. Ф. Вопрос о братстве или родстве, о причинах небратского, немирного состояния мира и о средствах восстановления родства / Н. Ф. Федоров [Электронный ресурс] // Литература и жизнь. – URL: http://dugward.ru/library/fedorov/fedorov_vopros_o_brat.html (дата обращения: 09.12.2018).
166. Федоров, Н. Ф. Философия общего дела / Н. Ф. Федоров. – М.: ЭКСМО, 2008. – 752 с.
167. Федорова, М. М. Классическая политическая философия / М. М. Федорова. – М.: ИФРАН, 2006. – 288 с.
168. Федорова, М. М. Модернизм и антимодернизм во французской политической мысли XIX века / М. М. Федорова. – М.: ИФРАН, 1997. – 139 с.
169. Фридман, Т. Плоский мир. Краткая история XXI в. / Т. Фридман. – М.: АСТ, 2007. – 608 с.
170. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М.: АСТ, 2017. – 288 с.
171. Фуко, М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/fuko_bez/07.php (дата обращения: 16.11.2018).
172. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко; пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. – М.: AdMarginem, 1999. – 478 с.
173. Фукуяма, Ф. Великий разрыв / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ; Ермак, 2004. – 474 с.
174. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма [Электронный ресурс]. – URL: http://lib.ru/politolog/fukuyama/konec_istorii.txt (дата обращения: 17.11.2018).
175. Хабермас, Ю. Расколотый Запад / Ю. Хабермас. – М.: Весь мир, 2008. – 192 с.

176. Хайек, Ф. А., фон. Дорога к рабству / Ф. А. Хайек, фон; пер. с англ.; предисл. Н. Я. Петракова. – М.: Экономика, 1992. – 176 с.
177. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2016. – 576 с.
178. Хантингтон, С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. – М.: РОССПЭН, 2003. – 368 с.
179. Хлопин, А. Гражданское общество в России: идеология, утопия, реальность / А. Хлопин // Pro et Contra. – 2002. – № 1. – С. 120-140.
180. Хобсбаум, Э. Изобретение традиций / Э. Хобсбаум // Вестник Евразии. – 2000. – № 1. – С. 47-62.
181. Холл, С. Вопрос культурной идентичности / С. Холл [Электронный ресурс] // Художественный журнал. – № 77/78. – URL: <http://xz.gif.ru/numbers/77-78/hall/> (дата обращения: 20.05.2019).
182. Хомяков, М. Б. Критики толерантности / М. Б. Хомяков // Толерантность и интолерантность в современном обществе: дискриминация: материалы междунар. конф. / под ред. И. Л. Первой. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. – 180 с.
183. Хомяков, М. Б. Толерантность и ее границы / М. Б. Хомяков // Национальный психологический журнал. – 2011. – № 2. – С. 25-33.
184. Хоркхаймер, М. Диалектика просвещения / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. – М.; СПб.: Медиум, Ювента, 1997. – 312 с.
185. Цумарова, Е. Ю. Политика идентичности politics или policy / Е. Ю. Цумарова // Вестник Пермского университета. Сер. Политология. – 2012. – № 2. – С. 5-16.
186. Чупров, В.И. Молодежь в обществе риска / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, К. Уильямс; 2-е изд. – М.: Наука, 2003. – 230 с.
187. Шварцмантель, Дж. Идеология и политика / Дж. Шварцмантель. – Харьков: Гуманитарный центр, 2009. – 312 с.

188. Шеманов, А. Ю. Самоидентификация человека и культура: монография / А. Ю. Шеманов. – М.: Академический проект, 2007. – 479 с.

189. Шилина, М. Г. Актуальный медиадискурс: теоретико-методологические аспекты исследований / М. Г. Шилина [Электронный ресурс] // Медиаскоп : электрон. науч. журн. – 2011. – Вып. 4. – URL: <http://www.mediascope.ru/node/971> (дата обращения: 27.10.2018).

190. Шмитт, К. Понятие политического / К. Шмитт // Вопросы социологии. – 1992. – № 1. – С. 37-67.

191. Шпак, Л. Л. Маргинальное политическое сознание и поведение проблема социологического анализа / Л. Л. Шпак, Е. В. Головацкий [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/marginalnoe-politicheskoe-soznanie-i-povedenie-problema-sotsiologicheskogo-analiza> (дата обращения: 30.07.2018).

192. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. – Новосибирск: ВО «Наука»; Сибирская издательская фирма, 1993. – 592 с.

193. Шушпанова, И. С. Гражданское общество в социологическом измерении / И. С. Шушпанова // Социологические исследования. – 2008. – № 11. – С. 59-63.

194. Элиас, Н. Общество индивидов / Н. Элиас. – М.: Праксис, 2001. – 336 с.

195. Юревич, А. В. Патриотизм как научная проблема / А. В. Юревич // Вестник РАН. – 2016. – № 4. – С. 352-359.

196. Ядов, В. А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений / В. А. Ядов // Социологический журнал. – 2008. – № 4. – С. 8-22.

197. Яковенко, И. Г. Риски социальной трансформации российского общества: культурологический аспект / И. Г. Яковенко. – М: Прогресс-Традиция, 2006. – 176 с.

198. Abdullah. Ideology and state / Abdullah // Policy perspectives. – 2010. – Vol. 7. N 2. – P. 75-103.
199. Benson, I. O. Theory and praxis of religious tolerance / I. Benson [Electronic resource] // OGIRISI: a New Journal of African Studies. – 2016. – Vol. 12. N. 1. – P. 293-318. – URL: <https://www.ajol.info/index.php/og/article/viewFile/141272/131006>
200. Boghian, I. Psycho-pedagogical approach to the concept of tolerance / I. Boghian et al. // Journal of Innovation in Psychology, Education and Didactics. – 2017. – Vol. 21. N. 1. – P. 97-110.
201. Cover, R. Queer youth suicide, culture and identity: Unliveable lives? / R. Cover [Electronic resource]. – Routledge. 2016. – 184 p. – URL: <https://doi.org/10.4324/9781315603261>
202. Cox, N. Pourquoi Suis-Je Charlie? Blasphemy, Defamation of Religion, and the Nature of ‘Offensive’ Cartoons / N. Cox // Oxford Journal of Law and Religion. – 2015. – Vol. 4. N. 3. – P. 343-367.
203. Freedon, Michael. Confronting the chimera of a ‘post-ideological’ age / M. Freedon // Centre for Political Ideologies Department of Politics and International Relations. – Oxford : University of Oxford, 2004. – 36 p.
204. Furedi, F. On tolerance: A defence of moral independence / F. Furedi. – Bloomsbury Publishing, 2011. – 215 p.
205. Garretson, J. J. Does change in minority and women's representation on television matter? : a 30-year study of television portrayals and social tolerance / J. J. Garretson // Politics, Groups, and Identities. – 2015. – Vol. 3. N. 4. – P. 615-632.
206. Hassan, M. Drivers of Tolerance in Post-Arab Spring Egypt: Religious, Economic, or Government Endorsements? / M. Hassan, M. Shalaby [Electronic resource] // Political Research Quarterly. 2018. – URL: <https://doi.org/10.1177/1065912918785995>

207. Jonkers, P. Can freedom of religion replace the virtue of tolerance? / P. Jonkers [Electronic resource] // Chap. – 2010. – Vol. 6. – P. 73-84. – URL: https://pure.uvt.nl/ws/portalfiles/portal/8110929/Can_Freedom_of_Religion_Replace_the_Virtue_of_Tolerance.pdf

208. Kayaoğlu, T. Islamophobia, defamation of religions, and international human rights / T. Kayaoğlu [Electronic resource] // Human rights in the Middle East. – Palgrave Macmillan, New York, 2011. – P. 73-89. – URL: https://link.springer.com/chapter/10.1057/9781137001986_5

209. King, P. Toleration / P. King. – Routledge, 2013. – 264 p. – URL: <https://doi.org/10.4324/9781315037004>

210. Leo, L. A. Protecting religions from defamation: A threat to universal human rights standards / L. A. Leo, F. D. Gaer, E. K. Cassidy [Electronic resource] // Harv. JL & Pub. Pol'y. – 2011. – Vol. 34. – P. 769. – URL: <https://www.harvard-jlpp.com/wp-content/uploads/sites/21/2013/10/-LeoFinal.pdf>

211. Little, L. E. Just a Joke: Defamatory Humor and Incongruity's Promise / L. E. Little [Electronic resource] // S. Cal. Interdisc. LJ. – 2011. – Vol. 21. – P. 95.

212. Luhmann, N. Risk: a sociological theory / N. Luhmann [Electronic resource]. – Routledge, 2017. – 236 p. – URL: <https://doi.org/10.4324/9781315128665>

213. Miller, D. The ethics of nationality / D. Miller [Electronic resource] // Thom Brooks The Global Justice Reader. – Wiley-Blackwell, 2008. – P. 284-306. – URL: <http://isprras.ru/pics/File/books/Youth%20in%20risk.pdf>

214. Petersen, M. J. Freedom of expression vs. defamation of religions: protecting individuals or protecting religions? / M. J. Petersen et al. [Electronic resource] // Religion and the Public Sphere. 2017. – URL: <http://eprints.lse.ac.uk/76423/1/Freedom%20of%20expression%20vs.pdf>

215. Rathnayake, C. Examining the link between social media uses and gratifications, and political tolerance and dogmatism / C. Rathnayake, J. S. Winter // *Policy & Internet*. – 2017. – Vol. 9. N. 4. – P. 444-466.

216. Rawls, J. *A Theory of Justice* / J. Rawls // Published by Belknap Press (– 1999– 624 P.

217. Scharffs, B. G. International law and the defamation of religion conundrum / B. G. Scharffs // *The Review of Faith & International Affairs*. – 2013. – Vol. 11. N. 1. – P. 66-75.

218. Soborsky, R. Globalization and ideology / R. Soborsky // *A critical review of the debate*. – 2012. – Vol. 17. – P. 323-346.

219. Sturges, P. Limits to freedom of expression? The problem of blasphemy / P. Sturges [Electronic resource] // *IFLA journal*. – 2015. – Vol. 41. N 2. – P. 112-119. URL: https://www.ifla.org/files/assets/hq/publications/ifla-journal/ifla-journal-41-2_2015.pdf#page=20

220. Turner, B. S. *Orientalism Postmodernism and Globalism* / B. S. Turner. – Routledge, Taylor & Francis eLibrary, 2003. – 288 c.

221. Weissberg, R. Pernicious tolerance: How teaching to accept differences undermines civil society / R. Weissberg [Electronic resource]. – Routledge, 2017. – 183 p. – URL: <https://doi.org/10.4324/9781315126210>

222. Wilson, H. F. The possibilities of tolerance: intercultural dialogue in a multicultural Europe / H. F. Wilson // *Environment and Planning // Society and Space*. – 2014. – Vol. 32. N 5. – P. 852-868. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1068/d13063p?id=d13063p>

223. Xu, X. Illumination-invariant and deformation-tolerant inner knuckle print recognition using portable devices / X. Xu et al. [Electronic resource] // *Sensors*. – 2015. – Vol. 15. N 2. – P. 4326-4352. – URL: <https://www.mdpi.com/1424-8220/15/2/4326/pdf>

224. Zizek, Slavoj. Ideology in a post-ideological era / S. Zizek // *Notater från föredraget*. – Oslo, 2009. – Vol. 16. N 9. – 22 p.